

Серия «Дискурсология». Выпуск 7

Институт философии и права УрО РАН
Уральский государственный университет им. А.М. Горького
Гуманитарный университет
Уральский государственный университет путей сообщения
Тюменский государственный университет
Институт международных связей
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
Южно-Уральский государственный университет
Юго-Восточный институт геополитики

ДИСКУРСОЛОГИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Вторая Международная научно-практическая
конференция, посвященная памяти
Жана Бодрийяра

Доклады
4 декабря 2007 г.

Под общей редакцией В.Е. Хвоцева

ТОМ III

Издательский Дом «Дискурс-Пи»
Южно-Уральский государственный университет
Екатеринбург
Челябинск
2008

ББК 87

С 56

Дискурсология: методология, теория, практика: доклады Второй Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра / под общей редакцией В.Е. Хвощева. 4 декабря 2007 г. Том 3. (Серия «Дискурсология». Выпуск 7) – Екатеринбург, Челябинск: Издательский Дом «Дискурс-Пи», Изд-во ЮУрГУ, 2008. – 240 с.

Редакционная коллегия: к.ф.н. Б.Б. Багиров, д.ф.н. В.Г. Богомяков, к.фил.н. С.А. Большева, д.ф.н. Т.Ю. Быстрова, д.полит.н. Е.В. Грунт, д.полит.н. Е.Г. Дьякова, д.ф.н. Л.А. Закс, Е.Г. Грибовод, М.С. Ильченко, к.ф.н. К.В. Киселев, Е.Н. Коваленко, д.ф.н. О.В. Коркунова, А.С. Кузнецов, Д.А. Максимов, к.полит.н. Д.Е. Москвин, д.ф.н. Л.А. Мясникова, к.ф.н. В.Н. Николаенко, д.ф.н. А.В. Перцев, к.ф.н. К.С. Романова, д.ю.н. В.Н. Руденко, д.ф.н. В.М. Русаков, Л.Г. Скоробогатова, д.полит.н. Д.Л. Стровский, к.ф.н. Н.В. Суслов, к.полит.н. А.Д. Трахтенберг, д.полит.н. М.А. Фадеечева, к.ф.н. И.Б. Фан, к.ф.н. В.Е. Хвощев

Настоящее издание включает доклады участников Второй Международной Научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийяра, заседания которой прошли с 21 ноября по 14 декабря 2007 г. в Институте философии и права УрО РАН, Уральском государственном университете им. А.М. Горького, в Тюменском государственном университете, в Южно-Уральском государственном университете, в Гуманитарном университете, в Уральском государственном университете путей сообщения.

В третьем томе представлены доклады сессии, которая состоялась 4 декабря 2007 г. На ней обсуждались общие проблемы дискурсологии, политического дискурса, дискурса национальной безопасности, вопросы дискурс-анализа, касающиеся широкой социально-гуманитарной тематики.

Доклады опубликованы в редакции авторов.

ISBN 978-5-696-03724-0

© Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2008
© Издательство ЮУрГУ, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИРОДА И СУЩНОСТЬ ДИСКУРСА

<i>Хвощев В.Е.</i> Фундаментальные основы дискурса	5
<i>Любутин К.Н., Русаков В.М.</i> Тенденции трансформации современного философского дискурса	12
<i>Русакова О.Ф.</i> Актуальный ретро-дискурс: борьба за означивание	19
<i>Коваленко Е.Н.</i> Пересечение марксизма, постмодернизма и феминизма: краткие зарисовки	23
<i>Кочухова Е.С.</i> Зарисовки радикального мышления	26
<i>Клементьев А.Н.</i> Геополитический дискурс в философско-исторических работах Н.Я Данилевского и К.Н. Леонтьева	28
<i>Прилукова Е.Г.</i> Политические и философские взгляды Ж. Бодрийяра	39

ДИСКУРС УГРОЗ И БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Русаков В.М.</i> От дискурса антропологического поворота к дискурсу катастрофы	45
<i>Печерских О.И.</i> К определению терроризма в контексте онто-гносеологического дискурса	52
<i>Семененко М.Ю.</i> Дискурс энергобезопасности	58
<i>Глухарев Д.С.</i> Дискурс демографической безопасности	65
<i>Сазонов В.О.</i> Становление дискурса ядерной безопасности	68
<i>Прилукова Е. Г.</i> Безопасность личности в контексте нашего времени	83
<i>Воробьев И.В.</i> Дискурс-анализ имиджа региона в контексте информационной безопасности	90
<i>Гутенев М.Ю.</i> Дискурс конфликтности ислама	96

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

<i>Хвощев В.Е.</i> Дискурс политической активности.....	101
<i>Юрченко И.В.</i> «Государственность» как базовый концепт политического дискурса	109
<i>Исаева А.Г.</i> О некоторых направлениях исследования дискурса в анализе явлений политической сферы	116

<i>Мирошниченко М.И.</i> Гендерные дискурсы: формирование или деформация демократических стереотипов политического сознания?	119
<i>Лукина Ю.А.</i> Дискурс политического времени в отечественных гуманитарных исследованиях	132
<i>Борисова А.Б.</i> Электоральный дискурс: основные стратегии	154
<i>Поддубнова Е.И.</i> Дискурс «электронного правительства»	161
<i>Юздова Л.П.</i> Категория качественности в политическом дискурсе	167
<i>Левчук Н.А.</i> Евро-российский политический дискурс	172
<i>Хроменко О.Н.</i> Дискурс политического мифа: к постановке вопроса	180
<i>Ялманов Н.И.</i> Политический дискурс принятия государственных решений	183
<i>Зайцев П.В.</i> К вопросу о дискурсе судебной власти	189

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС

<i>Greg Simons</i> The problems of using pr in a contemporary national project	192
<i>Фадеечева М.А.</i> «Нацизм» и его дискурсивные практики	198
<i>Стрекалов В.В.</i> Концепция печатной агитационной продукции как эффективная избирательная технология	201
<i>Луценко Д.А.</i> Общественный дискурс потребления	203
<i>Франц А.Б.</i> Городская культура Екатеринбурга как маркетинговый ресурс формирования и продвижения городской идентичности	210
<i>Лаврова А.Г.</i> Утопичность городского дискурса	213
<i>Биктуганова М.Ю.</i> Туризм как интерес к культуре цивилизации посредством символов	219
<i>Коркунова О.В.</i> Феномен туризма в свете дискурсивного анализа	221
<i>Севастьянко А.В.</i> Дискурс кино как объект философского исследования	225
<i>Мясникова Л.А.</i> Дискурс: символы культуры и реалии жизни	236

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ДИСКУРСА

В.Е. Хвошев

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДИСКУРСА

*«На мир мы все по-своему глядим
и каждый прав с воззрением своим»*

Гёте

«От языка во всех народах вся беда»

Эзон

Для современного социально-гуманитарного мышления характерна весьма важная и недавно приобретенная особенность, которая объясняет и многие зигзаги научного знания. Она заключается в том, что мироощущение «хищника», свойственное человеку на протяжении многих тысячелетий, стало вдруг искусственно трансформироваться в восприятие мира с позиций «травоядного». Какие силы и с какими целями способствуют этому процессу – вопрос отдельный. Пока же важно отметить, что перестраиваемая на новом фундаменте наука сегодня окончательно утрачивает представление о мире как синтетическом единстве взаимодействующих противоположностей. Не утруждая себя анализом противоречий развития, многие исследователи стали довольствоваться описанием какой-либо из его сторон, пренебрегая системностью видения общей картины ради изучения отдельных фрагментов. Фрагменты эти, как бы они не противоречили друг другу, объявляются более или менее равноценными и включаются в накапливаемый конгломерат знания. В политологии такая тенденция к одностороннему толкованию явлений и процессов особенно заметна, если не сказать больше – политическая наука и практика, как наиболее активные, по крайней мере, в России агенты постмодерна, навязывают философии, социологии, истории, другим социально-гуманитарным наукам пассивную, приторно миролюбивую, лишенную борьбы и противостояний позицию.

На этой почве усилиями отечественных исследователей в настоящее время широко развернулось творческое освоение интеллектуального импорта. И среди новейших заимствований российских социальных наук у западной мысли особое место занимает понятие дискурса. Подхваченное из чуждого господствующему в нашей стране материа-

лизму источника, это понятие приобрело многочисленных сторонников своей кажущейся новизной и оригинальностью. И как часто бывает в подобных случаях, на базе лингвистических новаций зарождается скороспелое направление научной мысли, не обремененное фундаментальной проработкой. Вероятно, в период становления науки подобная ситуация имеет оправдание, однако, набор современных знаний под вывеской дискурсологии стал настолько обширен, что назрел переход от накопления дискурсивного опыта, в чем есть заметные успехи, к разработке целостной концепции дискурса. Не претендуя на построение такой системы, рискну обозначить лишь главные, на мой взгляд, ее параметры, требующие дальнейшего осмысления.

Несомненно, что поиск корней дискурсологии предполагает уточнение едва ли не самого *популярного* и *неопределенного* в настоящее время понятия дискурса.

Его *популярность* кроется в глубоко ошибочном преклонении, получившем распространение в науке, перед языковыми формами человеческого общения. Надежность знания о мире, зашифрованного в языке, многими нашими современниками безосновательно преувеличивается. Еще со времен Эзопа хорошо известно на какие кульбиты способен наш язык. А после К. Маркса, казалось бы, не осталось сомнений, что языковые формы обслуживают интересы людей и их групп, весьма косвенно, относительно отражая действительность.

Неопределенность понятия (взгляните только на разноплановые формулировки дискурса, тщательно подобранные О.Ф. Русаковой¹) неизбежно ведет к беспредельному расширению спектра его толкований, попыткам придать ему гипертрофированное значение вплоть до беспредельного – «все есть дискурс». И хотя современные дискуртологи не слишком спешат с такого рода обобщениями, предпочитая вооружить конкретное «лоскутное одеяло из мыслей, слов, предметов, событий, действий и взаимодействий в Дискурсах»² и удивляться разнообразию человеческих мнений, рано или поздно им придется решать вопросы, связанные с природой дискурса, его содержанием, отношением дискурса к действительности и многие другие.

Размышляя о дискурсе, необходимо, прежде всего, определиться по отношению к нему с собственной методологией, сделав банальный

¹ Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. (Серия «Дискурсология». Выпуск 1) – Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи», 2006. – 210 с.

² Там же.

для материалиста выбор между двумя давно обозначившимися мировоззренческими позициями: является ли дискурс человеческим отражением объективно существующей реальности или он и есть непосредственно та самая реальность? Сторонники первого подхода для объяснения проблем дискурса вынуждены, рано или поздно, обращаться к сущности и социальной природе человека, второго – в лучшем случае, к его психологическим особенностям, связанным со спецификой человеческих ощущений. Это второе – скорее, медицинское представление о человеке и его дискурсе, по сути, сливается с субъективизмом Д. Беркли и Э. Маха, а последовательное отстаивание подобного взгляда неизбежно ведет к пониманию реальности как некоторого дискурсивного «комплекса».

Преодоление неопределенности понятия, в обозначении которого лежат иностранные слова, логично искать, по-видимому, в соответствующих словарях. К примеру, в любом словаре английского языка встречается слово **discourse** (рассуждение, лекция, доклад, речь, беседа, разговор, трактат).

Естественным и логичным выглядит на его (**discourse**) основе сформировать понятие **дискурс**, которое бы отражало определенное свойство того или иного субъекта, его способность воспроизводить в той или иной форме (письменной или устной) свои представления о том или ином объекте или предмете.

Тех, кто рассматривают дискурс как вполне самостоятельный фрагмент реальности, как феномен, оторванный от своего источника – человека, следует относить к сторонникам упомянутого выше медицинского подхода. Обладая определенным узкопрофильным значением, такой подход не только не вносит ясности в понимание природы и сущности дискурса, но и увлекает исследователя на заведомо тупиковый путь.

Вряд ли нуждается в особых доказательствах аксиома, что любой дискурс – всего лишь отражение определенных человеческих свойств, являющихся первопричиной дискурса. Мало того, пространственное многообразие дискурса явно обнаруживает в нем форму проявления некоторого родового качества человека, имманентно присущего каждому. Думается, что таким человеческим качеством, обуславливающим характеристики дискурса, является **социальная активность**

личности³, что дискурс представляет собой одну из форм проявления социальной активности субъекта.

Очевидно, что социальная активность личности неоднородна в различных сферах человеческой деятельности, что социальная активность неравномерно присуща социуму во времени и пространстве. Неоднородностью и неравномерностью социальной активности объясняется неравномерность и неоднородность всех ее проявлений, в том числе, динамичность и разнообразие дискурса.

Поскольку социальная активность субъектов базируется на их интересах, постольку соответствующий этой активности дискурс субъективен, относителен, политичен. Наделение же дискурса автономной предметностью, хотя и облегчает формальный дискурс-анализ, но существенно обедняет его содержание, скрывает политическую основу, готовит почву для идеологических манипуляций понятием.

Социальная активность как некоторое сущностное свойство субъекта может объективироваться в дискурсе или других формах деятельности. Но она же (социальная активность) реализуется, как известно, не только в действии, но и во взаимодействии индивидов или групп. И эта составляющая активности, проявляясь в деятельности, может давать продукт по внешнему виду близкий, но по строгому определению выходящий за рамки дискурса. И если дискурс сосредоточен на представлении своего носителя об определенном объекте действительности, то не обозначенная пока отдельно коммуникационная форма реализации социальной активности, как взаимодействия, нацелена на споры, дискуссии, столкновение мнений и взглядов по поводу этих представлений.

По аналогии с дискурсом и дискурсологией аналитически целесообразно, по-видимому, выделить понятие **дискуса** и на этой основе выстраивать науку **дискусологию**. Тем более что в иностранных словарях есть подходящее слово (**discuss** – обсуждать, дискутировать, спорить), формально оправдывающее введение соответствующей категории и направления исследований.

Таким образом, под дискурсом и дискусом следует понимать письменную или устную форму проявления социальной активности, а различать дискурс и дискус необходимо как специфические реализации социальной активности в виде автономной самостоятельности или

³ Хвоцев В.Е. Становление и развитие философских идей активизма. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2002.

взаимодействия субъектов, как формы монолога или диалога выражения человеческого восприятия действительности.

Следует иметь в виду, что исследователи делают реализацию социальной активности на действия и взаимодействия субъектов весьма условно и лишь для решения промежуточных задач анализа. В конечном виде социальная активность всегда предстает как симбиоз, интегрированное образование, включающее оба эти компонента. Аналогично и сознание, отражающее действительность, неразрывно производит дискурс-дискуссивные формы, дифференциация которых оправдана лишь в аналитической фазе познания. Только в таком аспекте имеет смысл уточнение рассматриваемого предмета как дискурс-дискуссивного анализа и соответствующего научного направления – дискурс-дискуссология.

Принципиальное значение имеет вопрос о носителях дискурса и дискуса. Если согласиться с приведенным в эпиграфе мнением Гёте об индивидуальной природе «чистого», не замутненного спором дискурса, то нельзя не признать, что такой дискурс является отражением, индивидуальным осмыслением определенных человеческих ощущений.

Наши ощущения, зачастую, туманны и невыразимы, а основанные на них мысли – вполне конкретны и проектируются в виде рационализированных представлений, не имеющих в действительности точных аналогов. Следовательно, реальный мир, окружающий человека, соткан из ощущений и идей, а его материальность – всего лишь самообман, надуманный продукт человеческого разума. Подобная логика в той или иной мере, скрытно или явно присутствует в большинстве работ о дискурсе и в западной и в российской науке. Эта логика начинает давать сбой в дискуссивной части дискурс-дискусса.

Всякий дискус предполагает участие в нем двух или нескольких сторон, каждая из которых обладает собственными взглядами и представлениями о предмете спора. При этом дискурс субъектов, как правило, имеет различия и, порой, существенные. Как форма проявления человеческой активности дискурс является выражением ее состояния в определенный момент времени и сопутствующих этому времени условиях. Учитывая, что развитие активности человека является непрерывным процессом, можно заключить, что и сопутствующий ей возможный и вероятный дискурс пусть дискретно, но неизбежно меняется. При этом в узком смысле дискурс (как форма выражения представлений человека о чем-либо) выступает основой, фундаментом для дис-

куса, а дискус, в свою очередь, – базой для развития дискурса. Иначе говоря, и дискурс и дискус могут быть индикаторами состояния социальной активности субъекта или показателями процесса изменения этой активности.

По результатам взаимодействия дискурсы следует разделять на две большие группы, к первой из которых относятся дискурсы совместимые, способные к сближению, взаимослиянию, взаимосовершенствованию, взаимодополнению. На основе таких дискурсов складываются идеологии и теоретические построения – суммарные, универсальные, классовые, групповые дискурсы. Ко второй группе относятся дискурсы антагонисты: их дискуссивные составляющие непримиримы и агрессивны, а взаимодействия лишь усиливают поляризацию и противостояние. По своей природе это однонаправленные и противоположно направленные дискурсы.

Игнорирование наличия несовместимых дискурсов, свойственное западной дискурсологии, не просто обедняет теоретическую компоненту дискурсологии, а превращает учение о дискурсе в идеологию, средство пропаганды, оторванную от практики демагогию. Между тем, напрашивается вывод, что антагонистические дискурсы не могут разрешаться в спорах, а предполагают обращение к материальным основам, порождающим такого рода дискурсы, что поиск дискурсивных консенсусов требует не столько искусства компромиссов и временных соглашений, сколько устранения реальных противоречий общественного развития, в том числе, путем жесткого противоборства сторон.

В конечном итоге, в современной дискурсологии, в том числе и ее уральской школе, заметно просматривается не всегда осознанное, берклианское по характеру неприятие материализма. И сторонникам дискурсологического направления в науке предстоит вернуться к исходной точке отсчета: считать ли дискурс производящей основой бытия и возобновить бесперспективные «атаки на материю» или смириться с производной сущностью своего предмета, признав дискурс приблизительным отражением действительности человеческим сознанием. Тогда в первом случае предмет дискурсологии становится особенно интересным для психоаналитика и идеолога, которым дискурсивные формы самовыражения пациентов помогают разобраться в симптоматике психических расстройств и возможностях манипулирования мнениями, а во втором – дискурсология меняет статус научного фено-

мена на рядовое место в теории социальной активности. И этот второй путь дискурсологии выглядит более творческим и продуктивным.

Пока же, зарождающаяся российская дискурсология, не унаследовав материалистичности и самостоятельности, свойственных советским общественным наукам, довольствуется отстающей, «догоняющей», подражающей Западу позицией. Не успев, как следует, сформироваться, отечественная наука о дискурсе, поступившись диалектико-материалистической методологией, добровольно заняла место в арьергарде сомнительного модернизма.

Тем не менее, было бы непростительно не замечать за дискурсом серьезного предмета социально-политических исследований. Вряд ли можно сомневаться в глобальной тенденции роста интенсивности дискурса в современной мировой теории и практике. Лавинообразное нарастание объема дискурса вполне коррелирует с исторической закономерностью поступательного роста социальной активности личности и общества⁴.

Несомненна и наметившаяся тенденция к расширению пространства дискурса, в котором особое значение приобретают Интернет-дискурс и дискурс-телефония.

По-видимому, особого внимания исследователей требует и интуитивно угадываемая трансформация содержания дискурса: современный дискурс быстро идеологизируется и политизируется. И этот процесс адекватен качественным изменениям социальной активности⁵.

Бесспорно, что наиболее перспективными методами исследования дискурса будут когнитивные и семиотические методы. Последние особенно обнадеживают в связи с успехами компьютерной лингвистики.

Можно предположить, что в ближайшее время дискурсология будет активно развиваться. Не в последнюю очередь такое развитие предопределено присущей дискурсу и востребованной любой властью его способностью подменять реально преобразующую общество деятельность разговорами, в которых изначально заложено сосуществование

⁴ Хвошев В.Е. Активность и толерантность: в поисках синтеза. Кросс-культурные исследования: методология, опыт эмпирического анализа. Материалы 8-й Международной конференции памяти Л.Н.Когана. Ч. IV – Екатеринбург, 2005.

⁵ Хвошев В.Е. Изменяющаяся Россия: обновление приоритетов политической науки. Вестник ЮУрГУ. Серия социально-гуманитарные науки. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. – 2006. – С. 156–161.

противоположностей: «истинного» и «ложного», «добра» и «зла». Вместе с временной политической стабильностью такая дискурсология способствует деформации фундаментальных устоев общества.

Для предотвращения такого рода последствий актуальным становится построение научной теории, способной *отфильтровать* в пространстве дискурса сомнительные интеллектуальные продукты с заведомо идеологической начинкой и *систематизировать* захлестнувший мир хаос дискурсивных нагромождений.

К.Н. Любутин, В.М. Русаков
Институт философии и права УрО РАН
Институт международных связей
г. Екатеринбург

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Еще в конце 70-х годов прошлого, XX века отечественная мысль, обращаясь к анализу «буржуазного мифа» о смерти философии, напоминала о соответствующих lamentациях в западной философской литературе конца 50-х годов и в обратной перспективе прослеживала неоднократные попытки оспаривать право философии на существование вплоть до античных скептиков⁶. Справедливо замечалось, что «Адекватное понимание мифа о смерти философии возможно лишь постольку, поскольку этот миф рассматривается не изолированно, а вместе с другими, аналогичными ему мистифицированными реалиями современного буржуазного сознания. Теология «мертвого бога» или антропология «умерщвленного человека» в принципе являются такими же идеологическими феноменами⁷. Но если в недавнем прошлом «смерть философии» обычно связывали с повсеместным распространением религиозного индифферентизма, то сегодня она увязывается с постмодернистской идеей о крушении всех фундаментальных идеологий – либерализма, коммунизма, гуманизма и т.п. Наиболее последовательно обоснование «смерти философии» проводится экзистенциализмом, который превращает понятие смерти в онтологическое определение сознания и человеческого бытия: М. Хайдеггер толковал, что

⁶ Т. Ойзерман. Буржуазный миф о смерти философии // *Вопр. Философии*, 1979. – №9. – С. 123.

⁷ Там же, с. 125.

философия умирает поскольку она, в сущности, чужда современному обществу, будучи феноменом чисто историческим, древнегреческим⁸. Своим различием онтологического (которым занимается философия) и онтического (которым занимаются науки) Хайдеггер, скорее, констатирует не смерть философии как таковой – коль скоро он считает онтологические проблемы («ничто») серьезными, – а то, что господство операционального и формального, по сути, современного научного знания вытесняет собственно философскую проблематику на периферию, в небытие. Существует и позитивистское «освобождение» науки от философии, которое лапидарно формулирует тезис о том, что «нет необходимости умерщвлять то, что является уже мертвым»⁹. Однако такой вывод, несмотря на то, что его вариации постоянно воспроизводятся (в том числе – Дж. Уиздом на XIV Всемирном философском конгрессе (Вена, 1971), научным сообществом воспринимается как слишком простодушный и самоочевидно противоречивый.

Отечественная философия, правильно подчеркивая порочность попыток выдать глубокий кризис одной исторически определенной формы философски-мировоззренческого и методологического теоретизирования (буржуазной) за всеобщий крах философского теоретизирования как такового¹⁰, в качестве панацеи выдвигала «философию марксизма», не желая видеть, что эта последняя, в существенной степени оставалась задачей, требовавшей решения – как раз на основе широкой интеграции результатов познания и социально-исторической практики, – а вовсе не чем-то вполне ставшим. Еще один интересный вариант обоснования «смерти философии» был предложен Г. Маркузе. Но обогащенная разнообразным опытом изучения человека, мира человека, философская рефлексия приходит к представлению о нем, как о «проекте бытия и смысла»¹¹. Открытость человеческой природы оборачивается на рубеже XX века подлинной «разверстостью». От вопроса «каков он, человек?» философия перешла к вопросу «каким он может быть?»¹². Устрашающий опыт первой половины XX века стал

⁸ Т. Ойзерман. Буржуазный миф о смерти философии // *Вопр. Философии*, 1979. – №9. – С. 126.

⁹ Там же, с. 129.

¹⁰ «Умирание буржуазной философии интерпретируется как коматозное состояние всей философии вообще» – Там же, с. 132.

¹¹ Г.Э. Хенгстенберг. К ревизии понятия человеческой природы // *Это человек. Антология*. – М., 1995. – С. 241.

¹² См., например: Ф. Фукуяма. *Наше постчеловеческое будущее*. – М., 2004.

доминантой, как в понимании «природы» человека, так и в оценке возможных перспектив его развития. «То, что представляет нашему вниманию культурное самосознание современности, – в самом широком смысле этого слова, а именно той эпохи, которая отмечена регистрацией «смертей», «закатов», «сумерек» и «концов», – выражает определенный перелом в основных традициях западноевропейского мышления»¹³. Давно и верно сказано, что классический идеализм болел многими болезнями, но в одном нельзя было ему отказать – в умозрательном утверждении достоинства человека. Как бы ни был узок взгляд на человеческое существо, какая бы роль ни отводилась индивиду в системе целого, все же он априори был причастен к высшему, разумному бытию; его сущность была укоренена в сознании, разуме. Однако, начиная с Шопенгауэра и Ницше волюнтаризм возобладал в отношении ко всему: к познанию, социальным институтам, традициям, мифам. Например, в теории ищут уже не истину мироздания, а сюжет для построения (мифа, изобретения, конструкции, манипуляции). Разрастается новейшая мифология: с точки зрения просветительских рационалистических представлений о поступательном движении «от мифа к логосу» – вещь совершенно невозможная! Однако, будучи на самом деле продуктом изощренной субъективной рефлексии, а во все не стихии человеческой жизнедеятельности, современная мифология хорошо знает о своей сконструированности и технологическом предназначении. Нарастает интерес к первобытной архаике, культуру парадоксальным образом ориентируют на до-культурное и пракультурное состояние как «архетип культурной подлинности». Однако обращение к архетипам, как неким гарантам универсально-всеобщего и объективного содержания культуры – подрывает именно это ее начало: ведь архетипы ценностно-нейтральны, не имеют смыслов и бессодержательно-фрагментарны! Персонально-личное, индивидуально-осмысленное растворяется в имперсональной стихии коллективного бессознательного. Культивируется так называемое дионисийское начало: экстаз, стихия, спонтанность, попирающие всякие нормы. Сам философ в таком случае превращается в харизматического парадоксалиста, расшатывающего всякие сколько-нибудь устоявшиеся нормы и ценности, смыслы и значения, якобы разоблачая их в подобном диало-

¹³ Р.Гальцева. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой // Самосознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М., 1991. – С. 8.

ге. Редукция всего высшего (культурных ценностей) к низшему, биологическому – становится центральным нервом всякого «разоблачительства». Всяческие нормы и смыслы, обладающие принудительной значимостью и упорядочивающей силой – сводятся к унылой утилитарности, примитивной репрессивности подозрительного свойства. В качестве строительного материала культуры предлагается инстинктивно-игровой элемент! Это называется протестом против «рекрутизации» человека в какую-либо тотальность (Хейзинга). Но чем такие «игровые» компоненты отличаются от указанных еще Ортегой форм современной коллективной одержимости – не указывается. Рождается комбинация культа архаики с новомодными конструированием искусственных схем мысли. «Укореняя культуру и человеческий мир в стихии досознательного и разрушая тем самым культурный космос, новая мифологема способствует деморализации современного сознания»¹⁴. При таком понимании культуры ни о какой ее ответственности за судьбы человечества быть не может, а человек превращается в представителя неких темных сил.

Суммируя сказанное о предельном обострении этих вопросов, можно сделать вывод о том, что суть антропологического поворота состоит в открытии главного факта современности: неудача всех попыток однозначного и исчерпывающего определения «природы» (сущности) человека связана с тем, что она *принципиально открыта, не задана (не определена)* и в этой отверзшейся внезапно пропасти как раз и таятся все современные опасности, все прошлые и нынешние ужасы человеческой судьбы. Фундаментальные сдвиги, как в строении социума, так и в культуре XXв. – предельно заостренно были сформулированы М.Шелером в «философской антропологии»: человек сегодня не знает, что он есть, но он знает, что он этого не знает. Путь человека проблематичен и в этих условиях уже бессмысленно пытаться определить вечные идею, суть и назначение человека. Отвечая на вызов времени, он сам должен осознать свое назначение в мире. Только человек имеет мир, тогда как животное лишь среду обитания. При этом человек может стать не только выше, но и ниже животного. Человек вечно находится в состоянии поиска и определения своей сущности. Поэтому, в сущности, нет никакого «естественного» человека.

---

¹⁴ Р. Гальцева. Западноевропейская культурфилософия между мифом и игрой // Само-сознание европейской культуры XX века. Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М., 1991. – С. 21.

Но что выдвигается на смену прежним «отвлеченным» и несбыточным идеалам? Сиюминутность и прагматичность рождают стремление выдвинуть «простые» и «очевидные» ценности, ясные и понятные для всех обыкновенных людей, достижимые каждым человеком — и что особенно важно: для этого ему не нужно менять себя («подтягивать» до этого идеала, «шлифовать» себя, совершенствоваться, т.е. изменять себя, работать над собой)! Прежние идеалы и ценности старых идеологий как раз это и подразумевали. Нынешние симулякры предпочтительнее для человека толпы именно этим: они не включают идеи трудоемкого и длительного совершенствования человека. Это — просто проекция вовне комплекса желаний и предпочтений рядового, если не сказать заурядного («усредненного») индивида. Поэтому снимается вопрос о фундаментальности смысложизненных ориентиров: они заменяются «массовидными» смыслами и значениями. Фундаментальность подменяется распространенностью и встречаемостью — повседневностью: смысл считается настолько важным и фундаментальным, насколько он широко распространен в повседневной жизнедеятельности массовидного человека. Снимается проблема мучительных поисков смыслов — это ниоткуда не следует, нужно лишь сосредоточить внимание на «экзистенциалах», реалиях жизнедеятельности среднего человека. Феноменология «антропологической катастрофы» начинает охватывать все стороны жизни современного человека.

Сегодня вполне обоснованно начинают говорить о настоящей «деантропологизации» современности и движению к так называемому «постчеловеку». Появляется и формируется существо, очень похожее на человека, но вот человек ли — по крайней мере, в прежнем смысле слова? В нем коренным образом меняется соотношение родового и индивидуального. Предельная атомизация человеческих индивидов рождает видимость предельной автономизации и формирование крайне причудливых вариантов «человеческого», сколь угодно далекого способного дистанцироваться от родового, всечеловеческого. Например, создание искусственных схем личности вкупе с искусственным интеллектом разворачивается в принципиально античеловеческих измерениях: создания солдат-наемников, новых рабов секс-индустрии, киллеров, постановщиков всевозможных перформансов (в духе корпорации «Бытие»), суррогатного материнства и планы с помощью клонирования создавать людей-запчастей для трансплантологии и т.п. Отвергается все, что возвышает человека над частичностью, разорванностью и

отчуждением людей друг от друга и утверждается пропасть между людьми. Отчуждение возводится в абсолют (самая несомненная реальность!). Символично, что если в XX веке мыслители, боровшиеся с отчуждением, видели его в отождествлении субъекта с объектом, в превращении человека в простой объект, в вещь, наряду с другими вещами, сегодня «певцы отчуждения» рассуждают о человеке в терминах «другой» («чужой» – alien!) и мастерят уныло изощренные «герологии» – учения о другом. В этом мире человек стал для себя — не объектом или предметом, – а «другим» (невольно приходит на память гуманист А. Камю, многозначительно употребивший термин «посторонний»!). Подробное описание и глубокое исследование этого процесса дал К. Маркс в своих знаменитых «Теориях прибавочной стоимости». Он писал о частичных «агентах» (участниках) капиталистических производственных отношений: «в самих этих сделках посредствующий процесс погашен, невидим, непосредственно не заключен... Однако агентам производства, носителям различных функций процесса производства дело представляется не в этой, а напротив, в извращенной форме»¹⁵.

Деантропологизация реальности проявляется в том, что люди все больше переключаются процесс смысложизненного ориентирования на всевозможные информационные системы и институты: человек перестает доверять своему восприятию (в медицине – переадресация ко все более многочисленным «анализам» и мнениям узких «специалистов», в политике – обращение ко все более многочисленным «независимым экспертам», «опросам», «экспертизам», в потреблении – тотальное подавление непосредственной чувственной достоверности – всевозможными рекламными продуктами, в осмыслении собственной жизни и истории – апелляция к потенциально бесконечному «опыту» ДРУГИХ. Деантропологизация совершается параллельно с исчезновением творчества в массовой культуре и массовом сознании. Массовый потребитель перестает размышлять о себе самом самостоятельно (ему невыносимо оставаться наедине с самим собой: вот почему современные подростки катастрофически перестают читать, а «взрослые» люди пугаются «толстых» журналов и книг).

Но деятельность атомизированных индивидов, погруженных якобы в абсолютно автономный и самодостаточный мир, оказывается не-

---

¹⁵ К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т. 25, ч. 2, с. 389.

вероятно регламентирована и схематизирована, насквозь пропитана множеством чудовищно примитивных клише и стереотипов, ложно подаваемых как самобытность и неповторимость (всякий, вероятно, хоть однажды сталкивался с невероятной глупостью в рекламных продуктах). Деантропологизация в сильной степени связана с применением возможностей информационных технологий и разрастанием на этой основе виртуализации. Машинно-информационные системы, СМИ, институты массовой культуры гипертрофируют значение формально-ролевой организации человеческой жизнедеятельности – жить начинает не реальный человек, а его «статус», «роль», «функция». Эти феномены снижают, а то и вовсе уничтожают различие реального и ирреального, вещи и фантома, нормы и патологии, возможного и действительного, интимного и публичного.

Сирены либерализма и рыночного фундаментализма возводят в ранг невероятных теоретических открытий чудовищные предрассудки обыденного сознания самой малообразованной и дикой части новоявленных буржуа и сращенной с ними чиновничьей бюрократии. На фоне невероятного разграбления природных ресурсов страны («капитала будущих поколений»), уничтожения технически прогрессивных отраслей экономики (авиа- и судостроения, ракетно-космической и др.) превращения страны в сырьевой придаток кучки развитых государств, материального и интеллектуального ограбления собственного народа в недрах «дикого капитализма» – как какие-то абсолютные истины «в последней инстанции» подаются не менее дикие «формулы» о том, что система образования должна быть подчинена «потребностям» бизнеса и рынка (!), о том, что образование должно быть освобождено от воспитания (чему воспитывать в условиях тотальной толерантности и «банкротства» всех прежних идеологий!), что отечественная система образования и науки «не отвечают современным» критериям (вначале говорили более откровенно: потребностям капитала) и т.п. Поскольку наиболее концентрированное интеллектуальное неприятие и опровержение всему этому вздору оказывает философско-теоретически подготовленное сознание, ему-то и достается «по полной программе». Тотальное наступление деструктивных дискурсивных практик в философско-теоретическом сегменте общественного сознания таит в себе многочисленные и давно диагностированные опасности. Нежелание замечать их – предмет уже иного дискурса: о субъектах этих процессов.

О.Ф.Русакова

Институт философии и права УрО РАН

г. Екатеринбург

АКТУАЛЬНЫЙ РЕТРО-ДИСКУРС: БОРЬБА ЗА ОЗНАЧИВАНИЕ

Дискурсы – это агенты символического пространства, между которыми ведется постоянная конкурентная борьба за способы означивания феноменов реальности. Особенно напряженные дискурсивные битвы разворачиваются вокруг значимых с точки зрения актуальной политики событий и памятников истории. Достаточно вспомнить дискурсную войну, которая разгорелась весной 2007 года вокруг памятника советскому солдату в Таллине. Одна сторона, представленная российскими политиками и СМИ, транслировала дискурс, который означивал данный памятник как символ освобождения Эстонии и всего мира от фашизма, другая (эстонские националистические политики и медиа-каналы) – как символ советской оккупации.

Недавно с новой силой разгорелся спор вокруг способов означивания фактов массовых убийств армян в Османской империи в период Первой мировой войны. В США данный дискурсивный момент стал предметом политических дебатов между президентом Бушем и конгрессменами от демократов, которые призывали президента признать, что этнические чистки армян следует обозначить понятием «геноцид». Глава комитета по международным делам Палаты представителей США Томас Лантос заявил: «Ни у кого не вызывает сомнения факт этнических чисток. Вопрос в одном – стоит ли называть их словом «геноцид». Надо взвесить наше желание быть солидарными с народом Армении и осудить этот исторический кошмар, имя которому действительно геноцид»¹⁶. Перед голосованием за резолюцию, использующую понятие «геноцид», Буш выступил против ее принятия, мотивируя тем, что она может серьезно навредить отношениям США с Турцией как «ключевому соратнику» по НАТО и союзнику в борьбе с терроризмом. И действительно, как только голосование в Конгрессе подтвердило факт принятия нового дискурса в оценке этнической чистки армян, Турция отозвала из Вашингтона своего посла.

¹⁶ Цит. По: Балаян Г. Чем турки хуже, чем армяне? // Русский Newsweek. 15.10 – 21.10.2007.

Особенно ярким примером актуального ретро-дискурса выступает непрекращающаяся вот уже на протяжении нескольких десятков лет борьба за означивание октябрьских событий 1917 года в России. По вопросу о том, что же собой представляла большевистская революция, каково ее значение для России и всего мира, пришли в столкновение многообразные идеологические дискурсные комплексы.

Эмоциональный накал современных дебатов об Октябре сегодня не столь велик, как в начале 90-х гг. прошлого столетия. Однако в плане рационального конструирования ретро-дискурсов острота конкурентной борьбы заметно усилилась. Речь уже идет не столько о нейминге, т.е. не о том, под каким именем и с какими лозунгами отмечать день 7-го ноября. Будет ли он называться «Великая Октябрьская социалистическая революция» или «День примирения и согласия». Речь идет о радикальном переформатировании символического поля российской государственной истории, сформировавшегося в советское время. По сути, мы являемся свидетелями дискурсной революции, в ходе которой осуществляется вытеснение дискурсных идеологических комплексов советской эпохи на периферию символического пространства российской политической истории и активного внедрения «сверху» в качестве центральных и доминирующих новых знаково-символических структур, призванных освещать и укоренять в общественном сознании ценностные установки и приоритеты нынешней политической власти.

«Первой ласточкой» данной революции стало появление в 2005 г. нового государственного праздника, который стал официально отмечаться 4-го ноября под названием «День народного единства». В настоящее время ведется интенсивная работа по разработке его символики и наполнению ее значимыми и понятными для современного российского общества смыслами. Происходит это не без конкуренции со стороны право-радикальных и националистических сил, которые совершают активные попытки символической экспансии с целью подключения нового праздника к собственному дискурсивному комплексу.

Доказательствами совершаемой дискурсной революции стали недавние два характерных факта: 1) осуществляемое с помощью СМИ информационное замалчивание крупной даты – 90-летие Октябрьской революции и 2) откровенная смысловая подмена – интерпретация в центральных новостных программах 7-го ноября как дня исторического парада 1941 года на Красной площади. В итоге в СМИ «об юбилее

Октября вспоминали в основном через призму традиционного шествия КПРФ по Тверской, собравшего на этот раз десятки тысяч человек, в том числе коммунистов, приглашенных из-за рубежа»¹⁷.

Идеологическое ядро правящего политического класса современной России настойчиво проводит прямую параллель между Октябрем 1917 года и массовыми репрессиями 1937 года, выводя из сферы внимания общественности социалистический и народно-почвеннический взгляд на природу и характер большевистской революции.

Право-центристский политический дискурс трактует Октябрь как политический переворот, ознаменовавший собой трагический отход России от цивилизованного пути развития и вступление ее на путь тоталитаризма. Вместе с тем, проведенный недавно Левада - Центром опрос общественного мнения, свидетельствует о существовании иной оценочной тенденции в историческом сознании россиян: по сравнению с 1997 годом все больше граждан России говорят о своей готовности разделить позицию большевиков, которую те занимали в 1917-ом году¹⁸.

В последнее время через СМИ транслируется дискурс, проводящий прямую параллель между «цветными революциями» и 1917-м годом. Суть в том, что для современной российской власти нет страшной угрозы, чем организованная извне и осуществляемая по определенному сценарию и с помощью определенных политических технологий революция, приводящая в итоге к замене существующей элиты на новую, которая будет послушно выполнять политическую волю Запада. Политические партии и объединения, которые участвуют в «маршах несогласных», трактуются официальной властью не иначе, как «пятая колонна», или «предатели», с которыми необходимо вести борьбу всеми возможными средствами. В контексте данной схемы вновь актуальным становится конспирологический миф о том, что большевистская революция делалась на деньги Запада, на заказ врагов России, ее противников в годы Первой мировой войны. При этом упускается из виду тот очевидный факт, что в годы гражданской вой-

---

¹⁷ Ефимов И., Жданова А., Забродина Е., Трунов Р., Булин Д. Смутное единство. Один праздник кончился, другой пока не начался // Московские новости. – № 44. 09–15 ноября 2007.

¹⁸ См.: Левинсон А. Революция продолжается. Молодым нравится Сталин и Октябрьский переворот. Новое поколение почувствовало дух нашего времени // The New Times. 05.11.07.

ны западные страны выступали на стороне, отнюдь, не большевиков, а их главных противников – Белой армии.

Дискурсные кульбиты в плане появления новых актуализированных обозначений событий прошлого стали яркой чертой последней избирательной кампании – выборов в Пятую Государственную Думу. Чтобы придать выборам необходимую политическую интригу, кремлевским политтехнологам необходимо было предъявить народу ошутимого врага, который был бы еще жив в памяти и вызывал негативные чувства. Угроза коммунистической реставрации уже не способна была вызывать живые страхи у населения, не годилась на роль inferнальной политической страшилки. Более того, знаки и символы советского прошлого, как показали социологические опросы, сегодня вызывают у большинства россиян скорее чувство ностальгии, чем отторжения. Прежний лозунг: «Голосуй, или проиграешь!» с иллюстрациями дешевой колбасы или длинных очередей за дефицитом уже не смог бы задеть за живое, поскольку не соответствовал массовым настроениям. Вот тут-то и пригодился образ «лихих девяностых» как символ «прихватизации», ваучеризации, дефолта, «дерьмократии» и прочих бедствий, обрушившихся на Россию.

Определившись с историческим источником Зла, специалисты в области властного ретро-дискурса сконструировали образ некоей злобной политической силы, которая, согласно легенде, готовит реванш 90-х гг., причем, готовит ее по лекалам «цветной революции». У данной силы есть определенные приметы, по которым ее можно быстро опознать: участие в маршах несогласных, получение зарубежных грантов, привычка «шакалить» у иностранных посольств и др.

В соответствии с новым ретро-дискурсом представители партии власти в своей политической рекламе стали активно использовать известный прием контраста: «до и после». Все, что было «до», т.е. до эпохи Путина, трактуется однозначно негативно. Все, что стало «после», т.е. после 90-хх. гг. – однозначно позитивно.

Во время выступлений лидеров зарегистрированных партий в СМИ, а также в политических ток-шоу и аналитических телепрограммах аудитории постоянно внушалась нелицеприятная оценка 90-х гг. На первом канале центрального телевидения зрителям задавали вопрос, в котором уже был заложен нужный ответ: «Существует ли угроза реставрации 90-х гг.?». Как и следовало ожидать, большинство зрителей ответило положительно.

Проводники нового ретро-дискурса, дружно клеймя девяностые, одновременно постарались «выключить» из общественной памяти факты, которые свидетельствуют не о контрастном противостоянии сегодняшнего положения вещей с ситуацией девяностых годов, а, наоборот, об их прямой преемственности. В число этих фактов входит и операция «преемник», успешно проведенная прежней президентской администрацией в 1999-м году. Сегодня во главе большинства субъектов РФ – все те же губернаторы эпохи 90-х, хотя уже переназначенные Президентом. Партийная система страны выстраивается по старому принципу доминирования партии власти, у которой изменилось только название, а внятной идеологии как не было, так и нет. Да и образ самого Президента, как прежде, так и сейчас, ассоциируется в массовом сознании с абсолютным монархом. Тогда он назывался «царь Борис», сегодня придуман титул общенационального лидера.

Е.Н.Коваленко

Уральский государственный университет им. А.М.Горького
г. Екатеринбург

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МАРКСИЗМА, ПОСТМОДЕРНИЗМА И ФЕМИНИЗМА: КРАТКИЕ ЗАРИСОВКИ

Если говорить о связи марксизма и постмодернизма, то здесь видится, прежде всего, преемственность некой традиции. Традиция эта может состоять в методологической необходимости рассмотрения личности только в связи с окружающей ее средой. Однако марксизм и постмодернизм в этом вопросе расставляют разные акценты. Для Маркса рассмотрение людей как социальных существ открывает возможность к представлению человеческой деятельности и человеческого разума как имеющих глубокий социальный характер. И коммунизм в этом свете дает возможность человеку вернуться к самому себе как к человеку общественному через присвоение человеческой сущности человеком и для человека. Постмодернизм рассматривает окружающую человека среду как инструмент конструирования самого человека. Человек таков, какой он есть лишь в данных условиях и при наличии определенных (неустранимых) ограничителей. В итоге получается некий парадокс – человека как такового, самого по себе, не существует¹⁹.

---

¹⁹ Л. Хольцман. Как сделать постмодернизм деятельностным // «Вопросы философии». – 2006, №12.

На теоретическом основании марксизма строились многие идеологические движения, использующие протестную риторику (и протестной эта риторика становится только через использование в общественно-политической жизни). Для таких движений во многом характерно использование даже не самой марксистской теории, а скорее ее дискурса, отдельных концептов, понятий. Вообще, любая рефлексия по поводу марксизма зачастую перерастает в его ревизию и критику. Поэтому марксистскими в чистом виде можно назвать лишь непосредственно работы самого К. Маркса. Тем не менее, некоторые идеологические химеры существуют под наименованием марксистских. Марксистскими они называются постольку, поскольку используют марксистскую методологию при рассмотрении проблем, которыми они занимаются. К подобным идеологиям неклассического вида относится и феминизм.

Феминизм, в последнее время вступивший в эпоху постфеминизма, пытается выработать новые теоретические и идеологические концепты, активно работая на площадке постмодернизма.

Если рассматривать феминистские теории как интеллектуальные спекуляции, то все многообразие форм феминизма можно свести к образу кубика-Рубика. Это значит, что к центральной проблеме равенства между мужчинами и женщинами, соотношения их ролей в обществе, поиска их субъектности и субъективности можно прибавлять различные идеологические концепты и теории, которые уже были проработаны «мужской» наукой. Так вполне удачно феминистками были адаптированы либерализм, марксизм и радикализм.

Феминизм — крайне неоднородное общественно-политическое движение, объединенное, пожалуй, только общим представлением о необходимости поиска достойного места женщины в общественной, политической, а также личной сфере (личное есть политическое). В определение «достойное» место всегда вкладывается разное понимание положения, которое должна занимать женщина в силу того, что она является женщиной. Отсюда такое многообразие форм феминизма. И идеологических программ, обосновывающих каждую из точек зрения на данную проблему.

Марксизм, несмотря на то, что первым среди идеологических теорий обратил внимание на сферу семьи и, соответственно, на проблемы, связанные с женщинами, все-таки не пошел в своем развитии дальше вопроса экономического угнетения женщин, которые наряду с

мужчинами в результате сложившихся экономических отношений и принципов распределения прибыли находились примерно в одинаковом положении. Хотя Энгельс доказал²⁰, что существует разница в положении женщины, относящейся к рабочему классу, и женщины, представительницы буржуазии (и, между прочим, в экономическом отношении, по мнению соратника Маркса, работница является более независимой от мужчины, находится в менее подчиненном положении), он не выделял женщин как особую угнетаемую группу населения. Они были угнетены наравне с мужчинами, а потому должны быть их соратниками в борьбе со сложившейся экономической несправедливостью. Женщина, таким образом, наряду с мужчиной могла быть освобождена и занять достойное место в общественно-политической системе только при осуществлении проекта «коммунизм».

Феминисты развили идеи марксизма по этому поводу, заметив, однако, что марксизм не учитывает положение женщины в сфере семьи, рассматривая единственный фактор экономического угнетения как фактор, имеющий внешний характер, т.е. сложившийся в результате эволюции экономической системы общества. Поэтому внутри феминистской теории возникли теории двойных систем, где эксплуатация женщины осуществляется сразу на двух уровнях – на уровне общества и государства (собственно здесь работают идеи марксизма) и на уровне семьи (чисто феминистский подход). Хотя стоит сказать, что в стане феминисток марксистской ориентации находились и критики данной теории, считавшие, что экономическое угнетение женщин на уровне общества является доминирующим, ведет к их угнетению и в других сферах.

Таким образом, в нескольких словах можно представить адаптацию любой политической идеологии «под заказ». Именно этим и интересен феминизм для исследования, поскольку его методологические возможности широки и разнообразны, хотя и ограничены (из-за повышенного внимания исключительно к женщине).

Хотя марксизм и постмодернизм сравнивать в одной плоскости проблематично, если не сказать, что нелепо в силу того, что эти два явления относятся к разным порядкам, делать это все-таки стоит, поскольку обнаруживаются отношения причинности. Многие постмо-

²⁰ Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». – http://www.hrono.ru/libris/lib_e/engels_sem00.html 01.11.2007.

дернисты (если вообще можно давать такое наименование философам, так себя не называющим) родом из марксизма.

«Вопрос о постмодернизме, вот уж действительно вопрос – да есть ли, в конце концов, то нечто, что называют постмодернизмом? Что это – историческая характеристика или определенная теоретическая позиция? И что значит для термина, описывавшего определенную эстетическую практику, теперь применяться в сфере социальной теории и, в частности, феминистской социальной и политической теории?»²¹, – задается вопросом Джудит Батлер. Постмодернизм заставил феминисток сменить не только собственный дискурс, но и расширить круг проблем, которыми они занимаются. Именно поэтому феминизм становится постфеминизмом.

Е.С. Кочухова

Уральский государственный университет им. А.М. Горького
г. Екатеринбург

ЗАРИСОВКИ РАДИКАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

*Мысль должна быть тем невидимым,
неуловимым лезвием, которое оборачивается
против, в свою очередь, несуществующей
и неуловимой рукоятки.*

Ж. Бодрийяр

Совращенная мысль отказывается от всякого сбывания в реальности – стоит ли сбываться в том, что живет своей агонией, исчезло или выступает всем, чем угодно. Это мысль, которая «оказывается мыслью-миром, ни одна форма которой уже не имеет никаких оснований кичиться своим аналитическим господством над вещами»²². Сталкиваясь с радикальной видимостью мира, она заражается событийностью, начинает играть согласно принципам неопределенности и невозможного обмена. Будучи погруженными в мысль, мы не можем найти ей эквивалента. В самом процессе мышления нет ничего внешнего, с чем его можно было бы соизмерить, сравнить – ничего, относительно чего его можно было бы определить. Это мышление радикально – оно не

²¹ Д. Батлер. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме»//Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина – Харьков: ХЦГИ, 2001; Спб.: Алетейя, 2001.

²² Бодрийяр Жан. Пароли. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 56.

ищет для себя доказательства: «для него важна некая неразрешимость, для него значимо, чтобы она никогда не исчезала, и вся работа радикальной мысли имеет целью ее сохранение»²³.

Зарисовки – фрагменты такого мышления, стремиться же ухватить его в целостности значит требовать классичности, вписывать в рамки, оценивать, пытаться приписать ему значение, адекватное или неадекватное некоторой реальности. Произвести все эти процедуры возможно, но погрузившись в собственную мысль мы находим зарисовки – удается мыслить образами, звуками, нерасчлененными телесными формами. Процесс мышления, гибко взаимодействуя с агрессивной предметностью, есть – без всяческих оговорок – «никогда не прекращающийся процесс восприятия мира»²⁴. Направленность этого восприятия обеспечивается различными властными дискурсами, и в формате конференции они всплывают все одновременно – в тематике сессий, в формулировках докладчиков и самой их внешности, в пространственных решениях. В каждой обособленной ситуации царствует Логос, но он разрывает мышление на фрагменты – невозможно удержать мысль в переходах от реального к еще более реальному, и она втягивается в игру видимостей.

Придерживаться радикального мышления сложно – «ему должна быть свойственна постоянно нарастающая радикальность»²⁵, с каждым разом все решительнее ставится под вопрос сам порядок причин и следствий в мире. Когда же порядок предстает в предельной разорванности чужих концепций, радикальность мысли оказывается неизбежной. Неоднозначность мира совращает мысль, она не пытается больше устанавливать соответствия между реальностью и значением, наоборот, – она погружается в процессы мира, ускоряя их, влияя на них. Мысль как раз и выступает событием.

Скорее всего, конференция заставляет обратиться к множеству концепций, но по крайней мере один человек столкнулся с загадкой собственной мысли, погруженной в поток видимостей и не стремящейся властвовать над значением.

Зарисовки собственного мышления – та радикальная форма, которая никак не становится удобным для прочтения и публикации текстом, но которая наиболее гибко реагирует на мир. Источник этих за-

²³ Бодрийяр Жан. Пароли. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 58.

²⁴ Бодрийяр Жан. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 179.

²⁵ Там же, с 151.

рисовок – вопрос, который не был задан вслух и в силу этого превратившийся в поиск, в трансформирующиеся друг в друга понятия, метаморфозы, «и это до сих пор лучшая форма развертывания мысли»²⁶.

А.Н. Клементьев

Челябинский государственный педагогический университет

Г. Челябинск

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИХ РАБОТАХ Н.Я ДАНИЛЕВСКОГО И К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Геополитика как особый раздел политической науки оформляется на рубеже XIX и XX столетий, но основные установки геополитического мышления зародились гораздо раньше. Считается, что наиболее весомый вклад в создание новой парадигмы внешнеполитических исследований внесли сторонники идеи географического детерминизма, как европейские, так и отечественные. К числу самых авторитетных представителей русской школы географического детерминизма известный политолог Э.А. Поздняков относит В.Р. Ключевского, Л.И. Мечникова, К. Бэра, С.М. Соловьева, характеризуя их как идейных предшественников геополитики²⁷.

Не умаляя теоретических заслуг упомянутых авторов, мы считаем, что гораздо больше оснований считаться предтечами геополитического мышления имеется у отечественных философов истории второй половины XIX века Н.Я Данилевского и К.Н. Леонтьева, рассматривавших культурно-исторические общности по аналогии с живыми организмами. Анализ их политических воззрений, изложенных в рамках философско-исторических концепций, позволяет установить несомненное идейное родство философско-политических взглядов органицистов с основоположениями геополитики, являющейся более поздним порождением европейской мысли. Отечественные философы-органицисты создали своеобразный подход к анализу политических феноменов, сформулировали оригинальные философско-политические идеи, которые были повторены в том или ином виде и Ф. Ратцелем, и

²⁶ Бодрийяр Жан. Пароли. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – С. 58.

²⁷ См.: Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: Теория и практика: Сборник статей / Ин-т мировой экономики; Под. ред. Э.А. Позднякова. – М.: ИМЭМО, 1993. – С. 17.

Р. Челленом, и другими признанными творцами геополитики, а в XX столетии стали основными установками геополитического мышления.

Традиционно геополитика понимается как особый раздел политической науки, в котором при рассмотрении проблем внешней политики государств подчеркивается пространственный, территориальный фактор. По определению Р. Челлена, это доктрина, рассматривающая государство как географический организм, или пространственный феномен²⁸. За этим кратким определением кроется целый комплекс идей, составляющих в совокупности парадигму геополитического мышления.

Как отмечает К.С. Гаджиев, для сторонников геополитики, возникшей на определенном этапе эволюции научной мысли, характерна установка детерминизма, то есть подчинения политических явлений строгим естественно-историческим законам. Понимая географию как фактор политики, они размещают государства в природном окружении. В частности, Ф. Ратцель считал человека и общество частью природы как единого целого, утверждал влияние природных законов на социально-культурное бытие.

Создатели геополитики исследовали государство с натуралистических позиций. Они рассматривали его по аналогии с живым организмом, действующим в соответствии с биологическими законами, являющимся продуктом органической эволюции: «Государство ... представляет собой биологическое образование, или живое существо», которому свойственен органический рост, утверждал Р. Челлен²⁹. Важнейшей задачей государств, как и задачей всего живого, является, по замечанию Э.А. Позднякова, самосохранение³⁰; государства конституируются в качестве определенных культурно-исторических общностей, и стремятся к расширению жизненного пространства.

Представители геополитики делают акцент на пространственном измерении внешнеполитических феноменов. По определению Э.А. Позднякова, политика подвергается географической интерпретации,

²⁸ Цит по: Гаджиев К.С. Геополитика. – М.: Международные отношения, 1997. – С. 6.

²⁹ Цит по: Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: Теория и практика: Сборник статей / Ин-т мировой экономики; Под. ред. Э.А. Позднякова. – М.: ИМЭМО, 1993. – С. 23.

³⁰ См.: Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: Теория и практика: Сборник статей / Ин-т мировой экономики; Под. ред. Э.А. Позднякова. – М.: ИМЭМО, 1993. – С. 10.

анализируется в пространственном отношении³¹. Политическое пространство понимается как разнородное, отрицаются центристские, в частности, евроцентристские воззрения. Приставка «гео» говорит не только о внимании к географическому фактору, но и о масштабах изучения международных отношений, которое требует рассмотрения всего мирового сообщества как целостности.

В геополитике важным считается не только пространственное, но и временное измерение политических феноменов. Пространство-время составляют единство не только с точки зрения физики; имеет смысл говорить о пространственно-временном континууме в политике. Это представление используется в качестве методологической установки при анализе политических процессов. Поскольку скорость их протекания все увеличивается, «настоящее сжимается», по выражению современных геополитиков, и временной фактор делается все более значимым.

Для носителей геополитического мышления характерен реализм, подразумевающий отрицание каких-либо иллюзорных, вымышленных ориентиров. В политике нет места дружественности, солидарности, самопожертвованию, бескорыстной взаимопомощи. Политическое сотрудничество считается результатом определенного сочетания скалькулированного баланса сил и географических факторов. Геополитическое мышление строится на принципе утилитарности; только он позволяет определять стратегические национальные интересы.

Положения, сформулированные выше, не дают исчерпывающего определения геополитической парадигме, но являются наиболее существенными ее компонентами. Анализ философско-политических идей Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, созданных несколькими десятилетиями ранее, показывает, что исследовательский подход отечественных философов-органицистов предполагал изучение мира политики с использованием сходных методологических установок, близких по своему содержанию геополитическому мышлению.

Во-первых, центральным пунктом философско-политического учения отечественных философов истории является органицистская теория общества. Суть так называемой органицистской, или органической теории составляет аналогия общества и живого организма, перенесение принципов биологической жизни в сферу социума, утвержде-

³¹ См.: Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: Теория и практика: Сборник статей / Ин-т мировой экономики; Под. ред. Э.А. Позднякова. – М.: ИМЭМО, 1993. – С. 45.

ние, что государства, цивилизации, культурные миры, подобно всему живому, имеют свои фазисы развития – созревание, цветение, плодоношение, увядание.

Аналогия природного и социального, проведенная Н.Я. Данилевским, диктует следующую формулировку: «Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу»³².

Н.Я. Данилевский проецирует в плоскость философско-исторических и философско-политических рассуждений так называемый морфологический принцип, выработанный в биологии. Органицизм создает полициклическую схему исторического процесса: «Все-му живущему, как отдельному неделимому, так и целым видам, родам, отрядам животных или растений, дается известная только сумма жизни, с истощением которой они должны умереть... История говорит то же самое о народах: и они нарождаются, достигают различных степеней развития, стареют, дряхлеют, умирают...»³³.

Беспристрастный, по определению В.В. Зеньковского, взгляд К.Н. Леонтьева на историю также определяет рассмотрение культурно-исторических общностей по аналогии с живыми организмами: «...Всякое общество и всякое государство, всякая нация и всякая культура – суть своего рода организмы»³⁴; человеческое общество «должно быть организацией сложной и округленной наподобие организованных тел природы»³⁵.

Отдельные цивилизации, которые, подобно организмам, имеют свои фазисы развития – первичную простоту, цветущую сложность, вторичное упрощение – по мнению Леонтьева, неизбежно погибают: «...наибольшая долговечность государственных организмов – это 1000

³² Данилевский Н.Я. Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева] – М.: Книга, 1991. – С. 92.

³³ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева] – М.: Книга, 1991. – С. 92.

³⁴ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Филос. и полит. Публицистика; Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. – М.: Республика, 1996. – С. 543.

³⁵ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Филос. и полит. Публицистика; Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. – М.: Республика, 1996. – С. 406.

или много 1200 с небольшим лет³⁶. «Более 1200 лет ни одна государственная система, как видно из истории, не жила; многие государства прожили гораздо меньше», – замечает философ³⁷.

Для органицистов высшей ценностью является существование жизнеспособной культурно-исторической общности. История – это арена борьбы за существование между культурными типами, ограниченными во времени и пространстве; цивилизации по природе своей должны соперничать друг с другом. Внутренняя и внешняя политика социальных организмов естественным образом ориентируются на обеспечение захвата максимального жизненного пространства, на развитие жизненных сил. Этот тезис полностью соответствует идеям создателей геополитики.

К примеру, Н.Я. Данилевский считает искусственными общепринятые ориентиры «свободы», «цивилизованности», «общечеловеческого блага», которым нельзя приносить в жертву величайшую ценность – историческую жизнь, стремящуюся к разнообразию своих проявлений путем развития самобытных цивилизаций. Любой народ обязан стремиться к выходу из состояния «этнографического материала», к построению самобытного культурного типа, его сохранению и наибольшему развитию.

По мнению К.Н. Леонтьева, задача каждого народа состоит в развитии своей самобытной культуры: «Тот народ служит и всемирной цивилизации, который и свое национальное доводит до высших пределов развития, ибо одними и теми же идеями человечество постоянно жить не может»³⁸. Стержнем истории, ее основной линией является переход от безликого состояния «всечеловечества» к оформленной индивидуальности культурной общности. Внешнеполитические усилия государства должны быть направлены на развитие собственных уникальных культурно-исторических начал. Стратегический курс государственных организмов, продиктованный фундаментальными закономерностями социально-исторической жизни, должен вести к созданию самостоятельной, обособленной исторической общности и как можно более долгому ее сохранению в стадии «цветущей сложности».

³⁶ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Филос. и полит. Публицистика; Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. – М.: Республика, 1996. – С. 134.

³⁷ Там же, с. 97.

³⁸ Леонтьев К.Н. Записки отшельника. – М.: Рус. кн., 1992. – С. 383–384.

Во-вторых, будучи ориентированными естествознанием на поиск причинно-следственных зависимостей в истории общества, и Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев утверждают действие в ней общезначимых закономерностей, следовательно, являются сторонниками жесткого детерминизма. Для них поиск всеобщих законов, которым подчиняется социокультурное бытие и, в частности, политика, становится одной из важнейших познавательных задач. Как отмечает К. Поппер, исторический натурализм предполагает изменения общества по предопределенному и неизменному пути, стадии которого предначертаны непреложной необходимостью³⁹.

Установка детерминизма имеет под собой серьезный онтологический фундамент. Согласно воззрениям органицистов, мир есть единое целое; по выражению Н.Н. Страхова, единомышленника Н.Я. Данилевского, «он связан во всех направлениях, в каких только может его рассматривать наш ум»⁴⁰. Для сторонников органицизма природа выступает как единый, универсальный принцип объяснения всего сущего. При этом природа понимается предельно широко – как объективно существующая реальность. И Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев пытаются понять социально-историческую действительность и сферу политики как ее составной элемент, не усматривая качественных различий между физическим и биологическим мирами, считая их частями одного целого – природы.

Понимание мира как единого, целостного организма приводит Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева к отождествлению процессов, протекающих в природной и социальной среде. Социально-культурное бытие, являясь частью природного бытия, имеет те же сущностные характеристики, подчиняется тем же самым универсальным законам. К примеру, Н.Я. Данилевский пишет: «Общественные явления не подлежат никаким особым рода силам, следовательно, и не управляются никакими особыми законами...»⁴¹.

К.Н. Леонтьев считает, что в природе существует универсальная космическая закономерность, которой подчинены и явления неживой природы, и биологические существа, и целые культурные миры. Согласно его триединому закону, общий ход жизни любого явления под-

³⁹ См.: Поппер К. Нищета историцизма. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – С. 61.

⁴⁰ Страхов Н. Мир как целое. Черты из науки о природе. – СПб., 1892. – С. VII.

⁴¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева] – М.: Книга, 1991. – С. 437.

чиняется определенной схеме: «Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением»⁴².

И законы жизни культурных типов Н.Я. Данилевского, и триедный закон К.Н. Леонтьева имеют абсолютный характер. В истории и в политике господствуют необходимости, которые человек не в силах преодолеть, как невозможно изменить принципы устройства природного мира. Органицистская философия политики, являясь частью философско-исторических концепций, представляет собой один из наиболее жестких вариантов детерминизма.

В-третьих, сторонникам органицизма нужно отдать приоритет и в создании пространственного измерения мира политического. Господствовавшие в сознании европейского человека прогрессивистские философско-политические модели, являющиеся секуляризованным вариантом христианской эсхатологии, были «центричными»: мир рассматривался как арена становления единой цивилизации⁴³. Качественные различия обособленных цивилизаций, локальных культурных общностей, специфика социокультурного пространства не учитывались. Пространство считалось однородным и поэтому не могло рассматриваться как значимый фактор, определяющий характер социально-политического бытия.

И Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев отрицают философско-политический универсализм господствовавшей прогрессивистской мысли. От построения схемы единой мировой истории они переходят к модели культурного круговорота, рассматривая в качестве субъектов истории локализованные в пространстве и времени цивилизации. Критикуя моноцентризм философско-политического мышления, органицисты говорят о принципиальной полицентричности мира, о существовании разнородного социокультурного пространства, в котором есть качественно различные области.

Признание полицентричного мира истории меняет установки философско-политического мышления. Важнейший политический аспект

---

⁴² Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Филос. и полит. Публицистика; Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. – М.: Республика, 1996. – С. 127.

⁴³ См.: Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2000. – С. 20.

этих воззрений состоит в том, что свое абсолютное значение теряют всеобщие, всечеловеческие ценности и идеалы, универсальные принципы межгосударственных отношений. Сомнительными и ограниченными кажутся с точки зрения органицизма общезначимые нормы политической деятельности, тем более, что они по сути своей являются не общечеловеческими, а европейскими. Философы-органицисты считают необоснованными универсалистские претензии германороманской цивилизации.

Разрушение философско-исторического и, как следствие, политического евроцентризма – одна из важнейших заслуг органицистов. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев отдают приоритет особенностям самобытных культурных миров, говоря, что у каждого из них своя судьба, своя история, свои идеалы и ценности, которыми они должны руководствоваться в политической деятельности. Не случайно «европейничество» – взгляд России на мир «сквозь европейские очки», через призму западных идеалов, Данилевский называет болезнью⁴⁴.

Нормой политической жизни признаются глобальные столкновения цивилизаций, поскольку коренные интересы культурно-исторических типов часто диаметрально противоположны; непримиримая борьба за жизненное пространство не позволяет соперничающим государственным организмам признать в качестве абсолютных какие-либо внешнеполитические нормы. Человечество как целое – это фикция; в политической сфере это означает отсутствие общезначимых установлений, что подтверждается многочисленными примерами борьбы цивилизаций между собой.

В концепциях органицистов каждый культурно-исторический тип, каждая цивилизация представляет собой некую ограниченную географическими и временными рамками обособленную общность, находящуюся в состоянии конфронтации с соседними общностями, которые вполне можно назвать современным геополитическим термином «регион». Открывая качественное своеобразие и территориальную разноместность цивилизаций – масштабных субъектов политической жизни – органицизм делает предметом политического анализа интересы сопредельных культурных общностей, в частности, Европы и России, конфликт которых обусловлен естественными, природными закономерностями и усилен их территориальной близостью.

⁴⁴ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева] – М.: Книга, 1991. – С. 263.

Утверждая принцип детерминизма политического пространства, философско-исторический органицизм создает важнейшую теоретическую предпосылку появления геополитики, которая исследует связи между пространственными и функционально-политическими характеристиками тех или иных регионов мира.

В-четвертых, философско-исторический органицизм рассматривает политические явления и процессы во временном измерении. Историческое время становится значимым фактором в изучении политической жизни. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев последовательно реализуют в философско-политическом мышлении принцип историзма.

Именно органицисты, а не христианские мыслители и не сторонники светских прогрессивистских концепций, по-настоящему обращаются к изучению исторической эмпирики⁴⁵. Реконструкцию исторического прошлого они считают необходимой в качестве способа ретроспективного изучения настоящего, заменяя им объяснение через историческую перспективу. Умение привлечь эмпирические данные для установления высших целей и смысла исторического движения позволило органицистам действительно востребовать исторический материал, мобилизуя его как емкий познавательный ресурс.

Философ, рассматривая политическую проблематику, сталкивается с целым рядом сложнейших вопросов: как выстраивать стратегию и тактику политического поведения, как формулировать политические принципы, на каком основании делать политические прогнозы? По мнению Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, эти проблемы можно решить только через использование исторического опыта. Эмпирия прошлого, обработанная исследователем, позволяет определить масштабные сверхисторические цели и смыслы, в соответствии с которыми можно четко обозначить ориентиры политической деятельности.

Можно считать отечественных мыслителей одними из основоположников взгляда, который утвердился позднее и выражается формулировкой Э. Фримена: «История – это политика в прошлом, политика – это история в настоящем»⁴⁶. Благодаря настоящей историзации мышления, путем обращения к исторической ретроспективе органици-

⁴⁵ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева] – М.: Книга, 1991. – С. 309; Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Филос. и полит. Публицистика; Духовная проза (1872–1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. – М.: Республика, 1996. – С. 377.

⁴⁶ Цит. по.: Гаджиев К.С. Введение в политическую науку. – М.: Логос, 1997. – С. 39.

стская философия истории при обсуждении политической тематики делает значимым временной фактор, открывает важность «политического времени».

В-пятых, рассуждения Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева представляют собой яркий пример утилитаристского подхода к решению философско-политических проблем. «Приземляя» философско-политическую мысль, органицизм совмещает ее с прагматической политикой, направляет не на определение всеобщих императивов и абсолютных ценностей, а на поиск решений конкретных проблем. Исключительно теоретические философские дискуссии западников и ранних славянофилов замещаются у неославянофила Н.Я. Данилевского и его единомышленника К.Н. Леонтьева политически ориентированной полемикой с либералами по актуальным вопросам современной им общественной жизни.

Интересное наблюдение принадлежит К. Попперу: «Многие последователи историцизма надеются с помощью историцистских методов сделать социальные науки мощным инструментом политики»⁴⁷. И не случайно философско-исторические концепции Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева имели для современников, прежде всего, политическое звучание; решение политических проблем стало для исторического органицизма практической задачей, и наоборот, проблемы практической политики стали серьезно обсуждаться в России именно философами-органицистами.

Прагматически настроенные сторонники органической теории считали наибольшей ценностью жизнеспособность обособленной культурно-исторической общности. Внутренняя и внешняя политика социальных организмов, по их мнению, должна обеспечивать максимальное развитие жизненных сил, захват исторического пространства. В политике господствует принцип утилитарности, в данном случае – натуралистически понимаемой пользы государственного организма; в этом Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев полностью солидарны с создателями геополитики.

Христианское «да – да, нет – нет» в политике весьма неэффективно. Философско-историческая модель, предполагающая сосуществование конфликтующих цивилизаций, ориентирует философско-органицистов на поиск компромиссов. Абсолютизация принципов не-

⁴⁷ Поппер К. Нишета историцизма. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1993. – С. 168.

совместима с политическим расчетом, достижением выгоды; она не позволяет объективно оценивать ситуацию. Органицизм одинаково приемлет и политическое равновесие, и вооруженный конфликт, лишь бы они отвечали интересам растущего и развивающегося культурно-исторического типа.

Существенной характеристикой утилитаристской философии политики является аморализм. Принципы политики и принципы морали не совпадают, не соотносятся, утверждает Н.Я. Данилевский: «... бентамовский принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы, - вот закон внешней политики, закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования»⁴⁸. Резко разделяет политику и мораль К.Н. Леонтьев: «Мораль имеет свою сферу и свои пределы; политика - свою»⁴⁹. И это не просто описание реалий политической жизни своего времени; этим утверждениям придается статус долженствования. Нравственные установления бессильны там, где действуют жестокие природные закономерности - «око за око, зуб за зуб». Культурно-исторические общности не обладают, как личности, возможностью самопожертвования; понимание их исторического существования в качестве высшей ценности не позволяет реализовывать во взаимоотношениях цивилизаций и государств нравственные принципы.

Политико-правовые установления «вписаны» органицистами в «естественно-исторический» процесс как важнейшая сфера бытия государственных организмов и как один из наиболее значимых факторов культурно-исторического развития. Поскольку важнейшей характеристикой исторических общностей считается их жизнеспособность, полезным признается то, что способствует процветанию и продлению исторической жизни.

Политическая трезвость Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, понимание политики как расчета и способа отстаивания своей выгоды, ситуативный, а не императивный подход к определению политической стратегии и тактики превратили философско-исторические концепции

---

⁴⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа / [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева] - М.: Книга, 1991. - С. 34.

⁴⁹ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Филос. и полит. Публицистика; Духовная проза (1872-1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. - М.: Республика, 1996. - С. 438.

органицистов в сильный аргумент в политической и идеологической борьбе.

Сравнительный анализ основных положений геополитической парадигмы, возникшей на рубеже XIX–XX столетий, и теоретических установок философско-политического органицизма, сформировавшегося в России во второй половине XIX века, показывает, что Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев в своих работах предвосхитили важнейшие идеи геополитики. Ими было создано философско-политическое учение, которое, наряду с концепцией географического детерминизма, может рассматриваться в качестве идейного источника и общетеоретической предпосылки геополитического мышления.

Е.Г. Прилукова

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Ж. БОДРИЙЯРА

7 марта 2007 г в сети Интернет появилось сообщение вчера в возрасте 77 лет у себя дома скончался Жан Бодрийяр (Jean Baudrillard) – знаменитый французский философ, социолог, культуролог. Жан Бодрийяр родился 20 июня 1929 г. Один из самых известных представителей философии постмодернизма, социолог по образованию. Преподавал социологию в Парижском университете. В начале своей карьеры был литературным критиком, а также переводчиком работ П. Вайса, Б. Брехта, Ф. Энгельса. Концепция разрабатывается под влиянием Ф. Ницше, Р. Барта, А. Лефевра в диалоге и полемике с К. Марксом, З. Фрейдом, М. Фуко, редактор журналов «Utopie», «Traverses». Получив степень доктора философии, он в течение нескольких десятков лет преподавал в Нантерском университете в Париже. Всего Ж. Бодрийяр написал около 50 книг, большинство из которых, увы, пока неизвестно российскому читателю. В число самых известных его трудов входят: «Система вещей» (1968), «К критике политической экономии знака» (1972), «Зеркало производства» (1975), «Символический обмен и смерть» (1976), «В тени молчаливого большинства» (1978), «О сращивании» (1979), «Симулякры и симуляции» (1981), «Фатальные стратегии» (1983), «Америка» (1986), «Экстаз коммуникации» (1987), «Прозрачность зла» (1990). Всемирную известность философ приобрел после публикации эссе о антииракской кампании 1991 года, озаглавлен-

ного «Войны в Заливе не было», эта война, по его мнению, была первой в мировой истории виртуальной войной. События этой войны были сконструированы масс-медиа. В работе «Дух терроризма» (2001) он писал, что теракты аморальны, но они являются ответом глобализации, которая аморальна сама по себе. Говорят: «Бог не может объявить себе войну». Нет, может: Запад, заняв позицию Бога (божественного всемогущества и абсолютного морального закона), стал склонен к самоубийству и объявил войну себе самому...

В творчестве Ж. Бодрийяра исследователи выделяют на два периода: первый охватывает конец 60-х и 70-е гг., второй – 80-е гг. до 2007 г. На его творчество, по мнению большинства исследователей, несомненно, оказало влияние Р. Барта, так как постоянно обращается к нему. Даже первая книга «Система вещей» созвучна с названием книги Барта Р. последней на тот момент времени «Система моды» (1967). Кроме того, в методологическом плане эти книги близки: систематическое описание феноменов потребительского быта.

«Фирменным знаком» концепций Ж. Бодрийяра исследователи называют термин «симулякр»⁵⁰. Хотя он уже встречается в «Системе вещей», его полная дефиниция представлена в «Символическом обмене и смерти».

В работах *первого периода* – «Система вещей» (1968), «Общество потребления» (1970), «Критика политической экономии знака» (1972), «Символический обмен и смерть» (1976) и др. Ж. Бодрийяр детально рассматривает общество потребления, стремясь раскрыть суть феномена потребления. В целом вырисовывается мрачная картина общества потребления – общество предстает как пространство всеобщего манипулирования и отчуждения. По его мнению, люди во все времена приобретали, обладали и пользовались предметами и вещами, но не потребляли. Для этого нужны особые условия, которые сложились относительно недавно: в XIX в. основу существования общества составляли труд и производство, в XX в. – потребление, от которого зависит само производство. Изменился смысл и назначение вещей: раньше их свойствами были материальность, полезность и функция, теперь – «знаковая стоимость».

Потребитель не может спокойно и уверенно ориентироваться в порядке вещей, не способен понять логику и значение знаков. Приоб-

⁵⁰ Зенкин С. Н. Жан Бодрийяр: время симулякров // Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: ДОБРОСВЕТ, Издательство КДУ, 2006. – С. 7.

ретая бесчисленные вещи и предметы, он уже не столько удовлетворяет свои естественные потребности, сколько потребляет «стоимости-знаки», значениями которых выступают не реальные качества и достоинства предметов, а социальный статус, престиж, комфорт, причастность к чему-то особенному.

Потребление сосредоточено в сфере повседневной жизни. Предметы стали знаками, чья ценность определяется «дисциплинарным культурным кодом» – универсальная система маркировки социального статуса людей.

Потребление – феномен, определяющий признак так называемого общества изобилия. В таком обществе использование вещей не исчерпывается их простым практическим применением (какое имело место всегда и всюду) или даже их семиотическим применением как знаков отличия, богатства, престижа и т.д. (что тоже встречается во всех человеческих обществах). Потребление – это интенсивный процесс выбора, организации и регулярного обновления бытовых вещей, в котором неизбежно участвует каждый член общества. Приобретая вещи, человек стремится к вечно ускользающему идеалу – модному образцу-модели, опережает время благодаря покупке в кредит, пытается зафиксировать и присвоить себе время, собирая старинные, коллекционные вещи. Для утверждения и регулирования такого способа обращения с вещами служит реклама, цель которой – не столько способствовать продаже того или иного конкретного товара, сколько внедрять в сознание людей целостный образ общества, «одаривающего» своих членов материальными благами. Понятое таким образом, потребительство не знает предела и насыщения, поскольку имеет дело не с вещами как таковыми, а с культурными знаками, обмен которыми идет непрерывно и бесконечно, со все нарастающей скоростью. Эти знаки четко соотносятся друг с другом в рамках структурного кода, зато все больше отрываются от референтного, то есть собственно человеческого (личностного или родового) смысла; это знаки дегуманизированной культуры, в которой человек отчужден. В качестве яркого примера господства вещей над человеком Ж. Бодрийяр приводит кредитный бум: люди покупали дорогие машины, квартиры и дома, но пользоваться ими не могли, т. к. не было средств на бензин и коммунальные услуги⁵¹.

⁵¹ См.: Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995.

В работах *второго периода* – «Симулякры и симуляция» (1981), «Фатальные стратегии» (1984), «Америка» (1986) – он продолжает критиковать общество потребления, развивает тему симуляции и симулякров, и пессимистически утверждает, что «мир не является диалектическим... он обречен на крайности, а не на равновесие». «Все мы заложники, все мы террористы». Однако из сложившейся ситуации можно найти выход через фатальные стратегии, которые заключаются в борьбе – через бунт или революцию – с существующей системой, но в доведении абсурдности этой системы до логического конца. В осуществлении своих стратегий он делает ставку не на активного субъекта, а на пассивную массу, которая нашла новый способ сопротивления – разрушение изнутри: это, прежде всего, игра, удовольствие и наслаждение. Следует не противиться переизбытку знаков, но вступить с ними в игру, поддаться их соблазну и получить наслаждение. Существование современного общества обусловлено не столько прогрессом науки, объективностью информации, действительным наказанием виновных, ростом качества жизни, сколько тем соблазном, который рождается из «разгула знаков»⁵².

Жан Бодрийяр создает ряд оригинальных концепций, связанных с пониманием знака, а также с необыкновенно важными для теории и практики постмодерна концепциями симуляции и симулякра. На смену упорядоченному видению мира приходит рассмотрение мира как плюралистичного и фрагментарного, не подчиняющегося никаким «тотализирующим дискурсам». Плюралистический мир современного человека не сводим ни к какому объединяющему принципу. Весь мир предстает как бесконечный, безграничный текст, а деятельность человека – «языковые игры», мир симулякров, не имеющих основания ни в какой внешней реальности. Симулякр представляет собой «точную копию, оригинал которой никогда не существовал», он (симулякр) господствует везде. Переплетение симулякров в повседневной жизни совмещает различные миры в одном времени и пространстве. Повсюду действует модель симуляции. Место реальных предметов занимают разного рода знаки и симулякры, которые обмениваются между собой. Рождается гиперреальность, которая поглощает реальное. Господство телевидения ведет к тому, что «люди уже не говорят между собой», их

⁵² Силичев Д. А. Бодрийяр Ж. // Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. – С. 104–105.

диалог вытеснил монолог телевидения, которое воплощает «симуляцию коммуникации».

Понятие симулякра (*simulare* – «видимости», «подобия») – древнее и существует в западной философской традиции еще со времен античности и имеет два значения в зависимости от репрезентативной и нерепрезентативной модели применения. Обычно оно включалось в теологическую схему репрезентации Платона: имеется идеальная модель-оригинал (эйдос), по отношению к которой возможны верные или неверные подражания. Верные подражания-копии сходны с моделью, неверные – отличны от модели. Платон рассматривал симулякр как копию копии, отражение отражения, удвоение удвоения, которая также как и копия, претендует на обозначение оригинала, подлинника.

Ж. Бодрийяр предложил вслед за Ж. Делёзом освободить симулякр от привязанности к модели, и предложил перенести его из сферы чистой онтологии и эстетики в описание современной социальной реальности. Симулировать, по мнению Ж. Бодрийяра, не значит притворяться: тот, кто притворяется больным, может просто претендовать на то, что он болен. Тот, кто симулирует болезнь, проявляет в себе некоторые «истинные» симптомы болезни. То есть, притворение не задевает принципа реальности, достаточно четкое различие между реальностью и «болезнью» сохраняет силу, т.к. отношение между реальностью и болезнью носит чисто внешний характер: реальность просто маскируется. Симулякр подрывает различие между «истиной» и «ложью», между «реальным» и «воображаемым». Симуляция не может рассматриваться как объективный процесс. Тот, кто симулирует болезнь, не может рассматриваться объективно ни как больной, ни как небольной. Верх взял образ. Сама экзистенциальная ситуация современного человека искажена, вовлечена в симулятивную темпоральность; так, практика искусственного продления жизни и предупреждения смерти всевозможными мерами безопасности ведет к тому, что сама жизнь становится призрачной. Борьбы со смертью ведет к переносу смерти непосредственно в жизнь, к превращению жизни в «последствие». Бодрийяр выделяет несколько этапов процесса симуляции: знак первоначально представляет собой отражение некоей субстанциональной реальности, впоследствии он начинает искажать ее, на следующем этапе он уже маскирует не что иное, как отсутствие подобной субстанциональной реальности, наконец, он обращается в свой

собственный симулякр и утрачивает всякое отношение к какой-то реальности.

Сегодня реальность вытесняется и замещается симулированием чувств и переживаний. Эта новая «гиперреальность», с доминированием торговых центров, новостей, телешоу и кинофильмов, не имеет смысла, но настолько сильна, что искать пути возвращения к обычной реальности более не представляется возможным. «Все наши ценности – симуляция. Что такое наша свобода? Это свобода купить одну машину вместо другой, то есть, симуляция настоящей свободы», – сообщил он в интервью *The New York Times* в 2005 году. Идеи Ж. Бодрийера вдохновили американских режиссеров Ларри и Энди Вачовски на создание фильма «Матрица».

«Что-то изменилось, и фаустовский, прометеевский (возможно, эдиповский) период производства и потребления уступил место «протеевской» эре соединений, контактов, касаний, обратной связи и всеобщего интерфейса, которая приходит вместе с целой вселенной коммуникации. Посредством телевизионного образа – а телевидение оказывается предельным совершенным объектом в эту новую эру – наше собственное тело и вся окружающая его вселенная становится неким контролирующим экраном»⁵³. Внутри философского дискурса симулякр осуждается как подделка, вымысел – нерепрезентативная модель. Тем не менее, сам человек создает симулякры. Чем больше мы стремимся проникнуть в глубь реальности, тем дальше мы уходим от нее.

Тем не менее, знакомясь с философией Ж. Бодрийера, следует особо подчеркнуть, что главная тема его философии, как и философской в целом – *Человек* как основа мироздания.

---

⁵³ Jean Baudrillard. *Ecstasy of Communication //The Anti-Aesthetic. Essays on Postmodern Culture* /Ed. H. Foster. Port Townsend: Bay Press, 1983. P. 127.

ДИСКУРС УГРОЗ И БЕЗОПАСНОСТИ

В. М. Русаков

Институт международных связей
г. Екатеринбург

ОТ ДИСКУРСА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА – К ДИСКУРСУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ КАТАСТРОФЫ

1. Фундаментальные сдвиги, как в строении социума, так и в культуре XXв. – предельно заостренно были сформулированы М.Шелером в созданном им новом философском направлении «философской антропологии»: человек сегодня не знает, что он есть, но он знает, что он этого не знает. Путь человека проблематичен и в этих условиях уже бессмысленно пытаться определить вечные идею, суть и назначение человека. Отвечая на вызов времени, он сам должен осознать свое назначение в мире. Эта неспециализированность и незавершенность человека, отличающая его от вещи, означает и нечто позитивное, т.е. открытость миру. Только человек имеет мир, тогда как животное лишь среду обитания. При этом человек может стать не только выше, но и ниже животного. Человек вечно находится в состоянии поиска и определения своей сущности. Поэтому, в сущности, нет никакого «естественного» человека

2. «Пустотность» («полость») человека, его ненаполненность, а следовательно – пластичность, выражаются в стремительной смене основных «экзистенциалов» – смысложизненных ориентиров. Это, в свою очередь, ведет к дискретности смысложизненного пространства, всевозможным «несоизмеримостям» между различными последовательными затами смысложизненного ориентирования.

Релятивизация собственного жизненного опыта – прямая дорога к сосредоточению на сиюминутном, налично данном (не загадывать в будущее, не строить планов, не ставить значимых целей). Не просто разрыв традиций, но резкое сужение и обесценение такого регулятива, как традиции – они просто не успевают сложиться.

3. Сама постановка смысложизненного ориентирования и ориентиров становятся проблематичными. Сводить смыслы к повседневности невозможно, хотя именно так все и происходит: провозглашается тезис постмодернизма о том, что сегодня нет таких идеалов, за которые люди могли бы платить жизнью. Что же остается? Поиск «частных» смыслов, поиски смыслов в повседневности (семья, здоровый

образ жизни, благотворительность, охрана окружающей среды, личное благополучие). Сведение общественных (общественно значимых) смыслов к потребительству (и в конечном счете – «потреблятельству»). Это – все вариации на темы отчуждения. Вещизм, «реификация» не заменяют, а только на время замещают смысложизненное ориентирование. Ориентирование в мире вещей, чтобы быть «соразмерным» смысложизненному ориентированию – наращивает чисто экстенсивные аспекты: мир товаров и услуг, «вещей», стремится к бесконечности, дабы заслонить зияющую пустоту отсутствия смысла всего этого (миры «сковородок», «соковыжималок» и т.п. «Тэфаль», «Бош», «Сименс», «Витек» и т.п., и т.д.!). Разрастание мира вещей «2777-й необходимости».

4. Проблематизация смысложизненного ориентирования заключается не в том, что всегда есть проблема формулирования (адекватного, «правильного») смыслов и ценностей, но ставится под сомнение сам принцип поиска таковых: зачем? Если нет никаких абсолютов, внеиндивидуальных и вневременных точек отсчета, то нагромождение «пирамид смыслов» имеет смысла не более, чем существование египетских пирамид сегодня. Однако, судя по всему, все не так просто: невозможность адекватного смысложизненного ориентирования, феноменологически данная как ненужность и необязательность этого процесса – оказывается, не отменяет необходимости осуществления его. Это проявляется в некоем суррогатном замещении: явление эскапизма, социального цинизма, скептицизм и релятивизация мира ценностей и смыслов. В довершение – идеологическое оправдание сего в постмодернизме: все смыслы равноценны («все дискурсы равноправны»). Тогда начинается «игра в смыслы» или игры: игровой характер всех смысложизненных ориентаций (мораль – это игровые конвенциональные практики, играем в классики – создаем замкнутые группы с всевозможными культурами – религиозными, эстетическими, поведенческими). Феномены – секты, ролевые игры, в которые часто «заигрываются» до потери чувства реальности, разрастание мира «шоу» – шоу-наука, шоу-политика, шоу-благотворительность, шоу-искусство. Полный и окончательный энтертейнмент – тотальное «развлекалово», ценное само по себе, чисто процессуально, как замещение и вытеснение собственного мира внутреннего, где с необходимостью обыкновенно прорастает тоскливое чувство отсутствия смыслов и необходимости их сформировать. Появляются игра (*homo ludens*: все подается

как набор игровых практик, где как в игре в шахматы, карты или шашки – неважно, чем заниматься, главное – правила, ритуал, процесс), спорт (все становится спортом: секс, отдых, политика, и т.п.) и в конечном счете в наиболее законченной пассивной форме: зрелище («шоу»). Даже правила заучивать и постигать, даже ритуал исполнять – утомительно для массового индивида и он окончательно «перетекает» в зрелище, где его «развлекают» (непрерывно смещают, даже подсаживают закадровым смехом – где и как это надо делать, выводят из апатии и равнодушной инерции непрерывной чередой все более сильных раздражителей). Наступает настоящий расцвет всевозможных «ток-шоу», на которых, в сущности, не о чем говорить, а можно лишь на разные лады повторять все то же (в обыденной жизни это называется «перемывать кости», смаковать сплетни, т.е. примитивные выдумки и всевозможный вздор). Развлекает, разнообразит впечатления показ катастроф, всевозможных «ЧП», несчастий. Однако поскольку все это псевдо разнообразие, старательно избегающее всякой действительной пользы и реальных проблем (даже от размышления над которыми индивид старательно бежит, дабы «не грузиться», «не забивать голову») призвано только выводить индивида из состояния равнодушной апатии – в итоге нарастает лишь один «шум» (информационный шум). В нем можно утопить все, даже самое важное и фундаментальное: справедливость, красоту, добро и зло, истину и смысл. Стоит только начать все эти слова непрерывно повторять огромным числом людей изо дня в день на все лады.

5. Исчезновение, банкротство, дискредитация «старых фундаментальных идеологий» – коммунизма, либерализма, гуманизма как наиболее полное проявление антропологической катастрофы.

А) Это выразилось в том, что человек перестает считаться «венцом творения»: незавершенность и «пустотность» человека обесмысливают в известном смысле эту идею. Человек в силу этого обстоятельства настолько пластичен, способен к «инаковости», что трудно говорить о «вершине», поскольку это подразумевает некую завершенность, законченность. Или необходимо переформулировать толкование этого тезиса. По меньшей мере, человек предстает, во-первых, специфическим продуктом эволюции, а во-вторых, продуктом автоэволюции – поскольку развивается и изменяется под влиянием собственных представлений о своей жизнедеятельности, смыслов и целей, значений и ценностей, приходящих в противоречие с природой.

Б) Человек перестает считаться «высшей ценностью», поскольку утрачивает смысл сам принцип различения «высшего-нижнего» в условиях стремительной релятивизации ветвящегося древа возможностей изменения способов жизнедеятельности. Отсюда – «равноправие» разнонаправленных вариантов и появление удивительных с кумулятивной точки зрения сращений: «новое средневековье», «либеральный радикализм» и т.п. Все ценностные шкалы поставлены под сомнение, ведь для их сопоставления нужна некая абсолютная точка отсчета, существование которой, как минимум, поставлено под сомнение.

В) Дискредитация идеи прогресса – продвижения к некоему «светлому будущему» (в духе ли технократических или социально-политических утопий). Обнаруживается, что пока «двигались» к этим целям и ценностям, они подверглись (или нуждаются) существенной модификации: поскольку были изначально некорректно сформулированы, дискредитированы произведенным процессом движения к ним, перестали интересовать тех, кому они достались в наследство (межпоколенческий разрыв).

6. Сегодня начинают говорить о «деантропологизации» современности и движению к «постчеловеку». Появляется и формируется существо, очень похожее на человека, но не человек: поскольку в корне меняется соотношение родового и индивидуального в человеке, предельная атомизация человеческих существ порождает автономизацию и формирование столь причудливых вариантов «человеческого», что они способны дистанцироваться от родового, всечеловеческого – сколь угодно далеко. Варианты: создание искусственных схем личности (вкуче с искусственным интеллектом), развертывающиеся в принципиально античеловеческих измерениях (солдат-наемников, киллеров, секс-рабов и т.п.), планы с помощью клонирования создавать людей-запчастей для трансплантологии. Эти тенденции – следствие сегодняшних реально совершающихся процессов: предельная античеловеческая (агрессивно противопоставленная всему прочему человечеству) автономизация ряда социальных групп («элиты», «тинэйджеры», «богемы», «спортсмены», расовые и этнические меньшинства, другие маргинальные группы). Ф. Хайек провозглашает необходимость отказа от т.н. «традиционных предрассудков и слабостей»: солидарности, сострадания, сочувствия, нерациональности, тоски по совершенству и т.п.

Деантропологизация проявляется во все большем переключении смысложизненного ориентирования на всевозможные информацион-

ные системы и социальные институты: человек перестает доверять своему восприятию (в медицине – переадресация ко все более многочисленным «анализам», в сферах принятия решений – ко все более многочисленным и тем менее убедительным «экспертизам», в осмыслении своей жизни и истории – все больше апелляция к «опыту» других).

Деантропологизация в исчезновении творчества – оно категорически выветривается из схематизированной и регламентированной деятельности атомизированных индивидов. Массовидный человек даже не развивается как человеческая способность.

Деантропологизация в сильнейшей степени проявляется в виртуализации. Она совершается через разрастание роли и влияния машинно-информационных систем, через усиление воздействия СМИ и массовой культуры, через увеличение формально-ролевой организации человеческой жизнедеятельности (живет не реальный человек, а его «статус», «роль», «функция»). Это ведет к снижению значимости различия реального-ирреального, нормы-патологии и др.

Чувства человека утрачивают свое значение для определения чувственно-достоверного, они нужны только для реализации принципа «удовольствия». Формируется принцип «здесь-и-теперь-бытия». Воспеваются ситуативность, третируется всякая «субстанциализация» чувственно-достоверной реальности.

В этих обстоятельствах управление социальными процессами, мало того, что носит исключительно манипулятивный характер, становится все более конспирологическим: его реальные властные ресурсы тщательно обходят всякий сознательный контроль подвластных индивидов (принимает заведомо иллегитимный характер).

Человек приучается к неразличению виртуального и реального, включению во все более разрастающиеся виртуальные схемы жизнедеятельности (наслаждения, творчества, выбора, познания). Это ведет к «растворению» человека в данных схемах сколь угодно далеко и глубоко. Например, простая поливариантность понимания смысла – говорит об отсутствии понимания, поливариантность оценки – об отсутствии настоящей оценки. Если признавать разнозначными все варианты, например, действия, то логично прийти к бездействию. Развоплощение бытия происходит через установление принципиальной релятивности всех практик.

Пугает только, что все это – эпифеномены одной социальной машины: «бизнеса». Только такой самодействующей машине («невиди-

мая рука рынка») в принципе не нужны никакие смыслы, ей не только не страшно никакое обесмысливание, но, наоборот, наиболее эффективно она работает именно в отсутствие всяких внешних для нее смыслов (справедливости, совести, солидарности, сочувствия и т.п.). Делать деньги она может на чем угодно, причем, наиболее эффективно — на пороках: аморализме, безбожии, безобразии, жестокости.

Свобода в либерализме сводится к ее отрицательной ипостаси — свободе «от».

7. Разрастание «симулякров» (Бодрийяр) вместо реальных смысло-жизненных ценностей и ориентиров: т.е. искусственно созданных — вместо тех, что прежде складывались в ответ на фундаментальные потребности жизнедеятельности самих людей, внешним образом навязываемых исходя из сиюминутных (повседневных, текущих и текущих, а потому часто — несущественных!) различными группами («элиты», «бизнес» и т.п.). Выгода, прибыль, «конкурентоспособность», «преимущества» и превосходства — рождают, выдвигают на первый план такие эрзац-смыслы и ценности, которые пленяют человека толпы своей достижимостью, вещно-чувственной очевидностью и «конкретностью» (в отличие от прежних недостижимых и малоуловимых в повседневной жизни «идеалов»). В этом случае глашатаи их превозносят все это как «реалистичность», «конкретность», уверенность. Но что выдвигается на смену прежним «отвлеченным» и несбыточным идеалам? Сиюминутность и прагматичность рождают стремление выдвинуть «простые» и «очевидные» ценности, ясные и понятные для всех обыкновенных людей, достижимые каждым человеком — и что особенно важно: для этого ему не нужно менять себя («подтягивать» до этого идеала, «шлифовать» себя, совершенствоваться, т.е. изменять себя, работать над собой)! Прежние идеалы и ценности старых идеологий как раз это и подразумевали. Нынешние симулякры предпочтительнее для человека толпы именно этим: они не включают идеи трудоемкого и длительного совершенствования человека. Это — просто проекция вовне комплекса желаний и предпочтений рядового, если не сказать заурядного («усредненного») индивида.

Снимается проблема мучительных поисков смыслов — это ниоткуда не следует, нужно лишь сосредоточить внимание на «экзистенциалах», реалиях жизнедеятельности среднего человека. Никаких «вечных вопросов», никаких «эпохальных проблем»

Симулякры функционально ничем не хуже прежних смысло-жизненных ориентиров-ценностей, а с точки зрения их выработки и наполнения – гораздо эффективнее! Они несут на себе призраки «реальности», «посюсторонности», «конкретности» и достижимости (каждый и легко!). Тем более, что все прежние – всякие «смысл жизни», «патриотизм», «родина», «гуманизм», «светлое будущее» и т.п. – мало того, что подразумевали и требовали радикального вмешательства в повседневную жизнь людей и ее переделку, оказались не менее призрачными, шаткими, распылчатыми и потому опасными. Симулякры, снимая проблему мучительного поиска, выработки идеалов, осчастливливают обывателя тем, что ему совсем ничего не надо делать с собой: он и так хорош! Это подразумевается как нечто само собой разумеющееся, как аксиома. В потребительском обществе, где господствуют такие феномены, обывателю не нужны никакие мучительные раздумья «о судьбах человечества», «о смысле жизни», «о том, что такое истина». Все это квалифицируется явочным порядком как псевдопроблемы. Реальному же человеку, предполагается, есть чем заняться и без этих глупостей: его ждет мир вещей (товаров и услуг), цветистый и щекочущий чувственность. Разумеется, и здесь существуют «добродетели», «нормы» и требования: «умеренности», «разумности» в удовлетворении потребностей, «заботы о (черных, цветных, бедных, китах, лесах, выхухоли, озоновом слое, сиротах и т.п.)».

Другими словами, так «лечится» пустотность («полостность») человека, требующая определения каждый раз смысла и значения каждых последующих шагов жизни.

7. «Катастрофа» по-гречески означает переворот. Первоначально греки называли этим словом развязку или завершение драматического представления. По своему характеру развязка может быть либо счастливой, либо печальной. В комедии развязка – счастливый конец. После череды размолвок и огорчений все вдруг переворачивается, влюбленные примиряются и соединяются. Стало быть, катастрофа комедии – объятия и свадьба. В трагедии развязка – печальный конец. После бесконечных мытарств и борьбы все вдруг переворачивается, и герой обнаруживает, что рок и обстоятельства побеждают его. Стало быть, катастрофа трагедии – смерть героя. Поскольку трагедии обычно затрагивают душу человека глубже, чем комедии, и лучше запоминаются, слово «катастрофа» стало чаще ассоциироваться с трагической развязкой. Поэтому теперь оно используется для обозначения всякого

печального конца, гибели (А. Азимов. Выбор катастроф). Стоит при-
смотреться внимательнее к выявившимся антиномиям – так ли уж они
очевидно-достоверны и безальтернативны? Думается, что – нет. Из-
вестно: не все идеологии одинаково полезны!

О.И. Печерских

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОНТО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Настоящая статья посвящена конкретизации онто-
гносеологического дискурса в определении актуального ныне явления
социальной реальности – *терроризма*.

Вступив в новое тысячелетие, человечество унаследовало тяже-
лый исторический груз серьезных проблем. Одна из них – терроризм в
самых различных формах и проявлениях. В этом контексте обращение
философской мысли к анализу терроризма вполне оправдано.

Прежде всего, терроризм представляется как исторический фено-
мен, неотъемлемый элемент человеческого существования, который
являет собой изменчивые формы развития – бытовые, политические,
идеологические, информационные и т.п. На современном этапе исто-
рического развития организованный террор стал опаснейшим гло-
бальным вызовом мировому сообществу, он дестабилизирует безопас-
ность стран и целых регионов, препятствует нормальному развитию
международных отношений. Общественность тревожит растущий
уровень финансовых возможностей и технической оснащенности тер-
рористических группировок, транснациональный характер их деятель-
ности. На сегодняшний день можно с уверенностью констатировать
рост количества национальных и международных террористических
организаций, упорядочивание их деятельности, налаживание межор-
ганизационных контактов⁵⁴.

Иными словами, терроризм оказался непосредственно связан с
проблемой выживания человечества, обеспечения безопасности целых

---

⁵⁴ Нетаньяху Б. Война с терроризмом: Как демократии могут нанести поражение сети
международного терроризма / Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2002. – 207 с.

государств. В международном масштабе терроризм распространился весьма широко и имеет тенденцию к устойчивому росту⁵⁵.

Поскольку терроризм глубочайшим образом внедрен в социальную реальность, при теоретическом осмыслении этого феномена он оказывается некоторой «пересекающейся» областью, где происходит пересечение теорий многих наук: юриспруденции, политологии, истории, психологии, религиоведения, экономики и других. Представляется возможным обозначить некоторые отраслевые дискурсы исследования данного феномена.

Наиболее детально терроризм разработан в юридической литературе. Юристы рассматривают терроризм, прежде всего, как преступление, выводя на первое место систему наказания. Осмысление явления в данной плоскости сужает проблематику, однако практически необходимо⁵⁶.

Весьма заметны исследования в контексте глобальной проблематики⁵⁷.

---

⁵⁵ См. например: Баранов А.С. Терроризм как следствие нарастания процессов глобализации // Социальная политика и социология. – 2003. – №4(20). – С. 66–69; Бельков О.А. Международный терроризм – слова и смыслы // Власть. – 2002. – №2. – С. 17–24; Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. – М.: Альпина паблишер, Горбачев-фонд, 2003. – 328 с.; Журавский Д. Террор // Вопросы философии. – 1993. – №7. – С. 35–47 и др.

⁵⁶ См. например: Бастрыкин А.И. Международное право в борьбе с терроризмом. – Л.: Знание, 1990. – 83 с.; Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. – 2000. – №1. – С. 70–77; Хлобустов О.М. О международно-правовых основах борьбы с терроризмом // Власть. – 2000. – № 1. – С. 46–51; Миньковский Г.М., Ревин В.П. Характеристика терроризма и некоторые направления повышения эффективности борьбы с ним // Государство и право. – 1997. – №8. – С. 84–91; Емельянов В.П. Проблемы ответственности за международный терроризм // Государство и право. – 2000. – №1. – С. 70–77; Петрищев В.Е. Правовые и социально – политические проблемы борьбы с терроризмом // Государство и право. – 1998. – №3. – С. 88–93; Антонян Ю.М. Терроризм: криминологические и уголовно-правовые исследования. – М.: Щит и меч, 2000. – 168 с. и др.

⁵⁷ См. например: Владимиров А.И. «Глобализация», война и мир третьего тысячелетия // Власть. – 2001. – №3. – С. 50–54; Горин Н.И. Глобализация и локальные цивилизации // Власть. – 2000. – №1. – С. 28–32; Петров В.К. Безопасность России в условиях глобализации // Власть. – 2001. – №9. – С. 18–21; Проскурин С.А. Глобализация или глобализм? // Власть. – 2001. – №6. – С. 53–58; Баранов А.С. Терроризм как следствие нарастания процессов глобализации // Социальная политика и социология. – 2003. – № 4(20). – С. 66–69; Валлерстайн И. Глобализация или переходный период? // Экономические стратегии. – 2000. – №2. – С. 64–78; Уткин А.И. Векторы глобальных перемен: анализ и оценки основных факторов мирового развития // Политические исследования. – 2000. – №1. – С. 46–53 и др.

Терроризм привлекает внимание политологов. Градиент политологических исследований заключается в выяснении причин терроризма независимо от его конкретных проявлений. Таким перспективным взглядом они выгодно дополняют представителей юридического исследовательского направления⁵⁸.

Существенный вклад в разработку феномена терроризма, а также решения проблемы вносят исследователи-психологи. Исследования этого направления позволяют глубже понять поведение и мотивацию террористов при совершении отдельных террористических актов. Данная информация очень важна для разработки системы антитеррористических мероприятий⁵⁹.

Глубоко и обстоятельно проблема терроризма рассматривается в исследованиях специалистов-востоковедов. Это подход позволяет учесть специфику развития конкретных «развивающихся» стран восточного региона. В этом, собственно, заключается практическая ценность таких работ, ибо их богатая фактология позволяет адекватно трактовать остро стоящую сегодня проблему «исламского терроризма»⁶⁰.

Фундаментально проблема рассматривается с позиций социальной философии. В работах религиоведов и социальных философов дается анализ ситуации в глобальном масштабе. Пути решения видятся в

⁵⁸ См. например: Неклесса А.И. *Ordo quardo – Четвертый порядок: пришествие пост-современного мира* // Политические исследования. – 2000. – №6. – С. 67–78; Журавский А.В. *Трудные вопросы современного развития* // Политические исследования. – 2003. – №2. – С. 177–189; Иноземцев В.Л., Кузнецова Е. С. *Глобальный конфликт XXI века* // Политические исследования. – 2001. – №6. – С. 67–75; Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций?* // Политические исследования. – 1994. – №1. – С. 38–46; Хиршман К. *Терроризм в новом измерении: причина и выводы* // Россия и современный мир. – 2003. – №1. – С. 251–257; Бельков О.А. *Международный терроризм – слова и смыслы* // *Власть*. – 2002. – №2. – С. 17–24 и др.

⁵⁹ См. например: Антонян Ю.М. *Психология преступника и расследование преступлений*. – М.: Юрист, 1998. – 285 с.; Бэрн Р., Ричардсон Д. *Агрессия*. – СПб: Питер, 1999. – 465 с.; Ольшанский Д.В. *Психология терроризма*. – СПб: Питер, 2002. – 375 с. и др.

⁶⁰ См. например: Игнатенко А.А., Жданов Н. В. *Ислам на пороге XXI века*. – М.: ИПЛ, 1989. – 234 с.; Долгов Б.В. *Феномен Исламского фундаментализма (на примере Алжира)* // *Восток*. – 2001. – №2. – С. 55–65; Белоусов В.Т. *Исламский экстремизм на Северном Кавказе – реалии и перспективы* // *Власть*. – 2001. – №3. – С. 47–49; Коровиков А.В. *Исламский экстремизм в арабских странах*. – М.: Наука, ГРВЛ, 1990. – 256 с.; Мирский Г.И. *«Политический ислам» и западное общество* // Политические исследования. – 2002. – №1. – С. 78–86; Рашковский Е.Б. *Ислам: от племенных обществ – к постиндустриальной эпохе* // *Восток*. – 2001. – № 1. – С. 148–156.

примирении конфессий и цивилизаций, в устранении конфликтов между ними, например, посредством сближения религиозных мировоззрений (экуменизм). Перспективно такой подход вполне может и должен стать основой нормализации отношений в глобальном масштабе⁶¹.

Как видно, спектр подходов к анализу терроризма достаточно широк. Мы выделили наиболее характерные их группы исходя из методологического подхода автора. При сравнении приведенных характеристик терроризма без труда можно увидеть основной их недостаток. Он заключается в том, что исследователи, строго придерживающиеся определенного отраслевого дискурса, концентрируют свое внимание на соответствующих аспектах явления. В результате получается ограниченный результат, который не дает общего понимания исследуемого феномена. Мы полагаем, что в такой ситуации значительно выигрывает именно *онто-гносеологический философский подход*, который отличается всеобщностью и позволяет учесть недостатки других подходов. Кроме того, в онто-гносеологическом плане современный терроризм рассматривается только опосредовано и контекстуально, а значит, это направление требует дополнительного развития.

Как таковое обращение к онто-гносеологическому дискурсу исследования проблемы обусловлено осознанием глубокого проникновения терроризма в повседневную жизнь человечества как социальной действительности (реальности), социального института и специфической деятельности людей.

Широкое распространение феномена в социальной реальности актуализирует проблему гносеологической институализации объекта терроризма. Это означает, что здесь являет себя традиционная гносеологическая проблема: определение некоторого «объектного» образования, которое могло бы служить в качестве предмета теоретического осмысления, оценки и научной интерпретации.

Сегодня очевидно, что, несмотря на ширококомасштабные акции против террора во всем мире, последнее социальное явление равно

⁶¹ См. например: Бельков О.А. Международный терроризм – слова и смыслы // Власть. – 2002. – №2. – С. 17–24; Каверин Б.И. Терроризм и война: общее и различия // Власть. – 2002. – №5. – С. 9–14; Иконникова Н.И. Групповая идентификация и социокультурный способ бытия человека // Социальная политика и социология. – 2003. – №3(19). – С. 88–105; Отюцкий Г.П. Общество в условиях информатизации (философский аспект) // Социальная политика и социология. – 2003. – №3(19). – С. 114–135; Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М., 1991. – 347 с.; Фролов И. Т. Философия глобальных проблем // Вопросы философии. – 1980. – №2. – С. 29–44.

расширяется⁶², это дает повод рассматривать *агрессивность и склонность к террору как естественное состояние социального бытия*. Это гипотеза. На философском уровне осмысления проблемы наша гипотеза дает повод обратиться к онтическим основам террористической деятельности с использованием философско-познавательного инструментария.

В контексте развиваемого дискурса терроризм предстает, во-первых, как теоретический объект философского анализа в качестве структурного элемента человеческого существования, во-вторых, как непосредственное насилие в виде физического воздействия, приводящее к разрушительным последствиям.

Как социальное явление терроризм представляет собой идеологию, политику, социальную практику общественных сил (индивидов, групп), ориентирующихся на нелегальные насильственные формы изменения установленных образцов социальной реальности. Это форма косвенной стратегии используется тогда, когда слабейшая сторона не может одолеть сильнейшую с помощью обычных средств. Наконец, это сознание, психология, стиль поведения человека в экстремальной ситуации.

Терроризм допустимо представлять даже как «повседневную действительность» – начиная от констатации подавления в семье и заканчивая международными акциями устрашения. Более того, террористическая реальность (начиная с бытового уровня) постоянно «сопровождает» современное общество. Так, например, практически ни одна супружеская пара не представляет себе воспитание ребенка без привития страха перед наказанием, и даже насилия. Равно как и на государственном уровне, подавление граждан есть норма жизни.

Наконец, террор представляет собой *деятельность*, наряду с другими ее видами. Террористическая деятельность – воплощение (реализация) концепции терроризма как системы подавления и культивирования страха в социальной реальности. В этом смысле терроризм есть сознательно организованная система методов подавления, уничтожения и поддержания состояния страха у людей субъектами (актерами) террористической деятельности. Трактовка по признакам «подавления и поддержания страха» открывает возможность для широкой интерпретации наличия терроризма во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

⁶² Баранов А.С. Терроризм как следствие нарастания процессов глобализации // Социальная политика и социология. – 2003. – № 4(20). – С. 66–69.

тельности – семейной, научной, профессиональной, культурной, дипломатической и так далее.

Мы полагаем, что *онтологически* террор есть комплекс общемировых процессов в системе «природа–человек–общество», *гносеологическая* сторона проблемы есть система представлений (и методов их получения) о целостности, содержании, движении и разрешении общемировых процессов в системе «природа–человек–общество». Все три системы «знают» террор. Во всяком случае, животная природа знает страх, человек и общество – также.

Соответственно у термина «терроризм» имеются онтологический и гносеологический аспекты. Онтологически терроризм представляет собой наличие комплекса определенных действий в процессе существования (сосуществования) людей. Гносеологически терроризм есть система знаний об оптимальных условиях для реализации террористической деятельности (террористических акций) и объект теоретического познания.

Категориально необходимо разделять такие понятия, как «террор», «терроризм» и «террористическая деятельность». Общим признаком этого совокупного категориального ядра является *terrор* с фундаментальными основополагающими признаками – применение насилия, удержание в страхе людей, уничтожение «противника». «Террор», таким образом, есть формообразующий элемент указанного категориального компендиума.

Отсюда следует, что *терроризм* есть сознательно организованная система методов и способов подавления, уничтожения и поддержания состояния страха у людей субъектами террористической деятельности.

Соответственно, *террористическая деятельность* предстает, как воплощение (реализация) концепции терроризма как системы подавления и культивирования страха в социальной реальности.

В заключении отметим, что на основании представленных рассуждений мы приходим к мысли о том, что террор как созидание страха, насилие в обозримом будущем будет неизменно сопровождать человека в его бытии.

М.Ю. Семенов

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск

ДИСКУРС ЭНЕРГОБЕЗОПАСНОСТИ

После того как У. Черчилль заменил уголь нефтью в качестве топлива для кораблей британских ВМС энергетическая безопасность превратилась в вопрос государственной стратегии. Британский премьер также определил и основное направление решений проблем, лежащих в этой области, через обеспечение «многообразия поставок».

За последнее десятилетие тема энергетической безопасности вновь и вновь возникала как важнейшая проблема стабильности межгосударственных отношений. Подхватившие проблематику средства массовой информации убрали специфику формирования отношений между государствами по вопросу энергетики и представили все элементы формирующейся структуры мировой политики только в области вопросов, касающихся энергетики. При этом определяющей мотивацией требования переосмысления значения энергетики в структуре международных отношений, явилось то, что «энергетическая безопасность не существует сама по себе, а напрямую связана с более широкими отношениями между государствами и способами их взаимодействия друг с другом».

На самом деле все это демонстрирует только то, что интенсивность и измененное содержание биржевой и финансовой коммуникативности глобализирующейся мировой экономики проявили тесную связь политики и энергетики, а также роль и значение ресурсов углеводорода в политическом менеджменте. Но следует отметить, что это значение только проявилось в последние десять лет, но существовала с тем пор как были определены элементы государственной безопасности и стабильности каждым из участников международных отношений.

Современные аналитические и экспертные работы по энергетической безопасности, специализирующиеся рассмотрением этой проблемы в плоскости политики страдают одной неточностью. Как правило, невозможно определить истинность того или иного вывода при отсутствии тех допущений, которые позволяют нам дать наиболее точное определение понятий, входящих в состав умозаключений.

Многие авторы, пытающиеся научно обосновать анализ, различные зависимости «политического» от «энергетического», при изложении выводов больше оперируют понятиями, распространенными в средствах массовой коммуникации и предлагающие свое объяснение данного явления, руководствуясь логикой «здравого смысла», не утруждая себя представить фактические аргументы.

Наглядным примером может послужить достаточно грамотно проведенный анализ методом множественной регрессии, сделанный А.Н. Щербаком в статье «Нефтяное проклятье» и постсоветские режимы», которой, тем не менее, не адаптирован к инструментарию политического анализа, что, в свою очередь, не позволяет автору в должной мере корректно сделать выводы в политической плоскости.

Фактически мы имеем дело с неопределенностью понимания, что такое «энергетическая безопасность». По данному вопросу существует соблазн, выяснить коннотацию «энергетической безопасности» через каузальность к определению «энергетическая политика». В этом случае, следуя требованиям логического анализа, мы нуждаемся в обосновании инвариантности понятия «политика», как родового понятия по отношению к понятию «безопасность». Определяясь поэтапно с терминами «политика» и «безопасность» мы вынуждены ограничивать понятие «энергетическая» их концептуальными рамками, что не позволяет нам объективно рассматривать всю многовариантность актуализации этого понятия в политической, экономической, геополитической, военной, научной сферах деятельности общества.

Ведь только для производства электроэнергии может выступать 8 энергоресурсов: природный газ, нефть, уголь, атомная, биомасса, ветровая, гидро (в т.ч. приливов, волн и океана), солнечная.

Совершенно очевидно, что современный категориальный аппарат политической теории не позволяет анализировать явление существующее в политической реальности и обозначаемое как «энергетическая безопасность» как достаточно конкретное и зафиксированное теоретическими разработками.

Большинство наднациональных институтов, работающих над проблемами энергетики дают свое определение понятия через его функциональную или стратегическую доминанту, которая определяется конъюнктурой того или сегмента межгосударственных отношений. Международное энергетическое агентство ограничивает термин «энергетическая безопасность» толкованием разумного соотношения

поставок к цене, в то же время, Мировой энергетический совет предлагает расширенную интерпретацию понятия до гарантированных поставок нужного качества и необходимого количества, учитывающих экономические условия. Это подтверждает и Жан Салир, в качестве директора Парижского центра социальных исследований, уточняя общепринятое определение тем, что энергетическая безопасность подразумевает такие условия, при которых потребитель имеет надежный доступ к необходимой ему энергии, а поставщик – к ее потребителям. То есть речь идет не только о бесперебойных потоках, но и о стабильных и разумных ценах.

Современная модель энергетической безопасности была создана в ответ на нефтяное эмбарго, введенное арабскими странами в 1973 году. Основная задача этой системы – обеспечить координацию действий индустриальных стран в случае срыва поставок, а также стимулировать сотрудничество в области энергетической политики, не допускать охлаждения в отношениях по причине борьбы за поставки, а также выработать единую стратегию реагирования в случае использования «нефтяного или газового средства давления» экспортерами. Система состоит из ряда ключевых элементов, которые призваны контролировать, регулировать, оперативно вмешиваться для эффективного воздействия на быстро изменяющуюся мировую энергетическую систему. К таким элементам относятся:

1. Базирующееся в Париже Международное энергетическое агентство (МЭА), членами которого являются индустриальные страны;
2. Стратегические запасы нефти, включая стратегические нефтяные запасы США (U.S. Strategic Petroleum Reserve);
3. Непрерывный мониторинг и анализ рынков энергоносителей и политики в области энергетики;
4. Экономия энергии и согласованное экстренное распределение стратегических запасов в случае нарушения поставок.

Система мер на случай чрезвычайных обстоятельств была разработана для противодействия крупным сбоям в поставках, угрожающим мировой экономике и стабильности, а не для управления ценами и товарным циклом. С момента возникновения этой системы в 1970-х согласованное экстренное вскрытие стратегических запасов происходило лишь дважды: накануне войны в Персидском заливе (1991) и осенью 2005-го после урагана «Катрина». Система также была приведена

в состоянии готовности во время прекращения нефтедобычи в Венесуэле в 2002–2003 годах и весной 2003-го перед вторжением в Ирак.

Тем не менее, Договор о Европейском сообществе позволяет трактовке «энергетическая безопасность» приобретать определенную политическую эвентуальность связывая диверсификацию топливно-энергетической составляющей с рисками политической устойчивости системы.

Хотя в экономически развитых странах привычное определение термина «энергетическая безопасность» сводится просто к констатации необходимости обеспечения достаточного объема поставок по доступным ценам, разные страны по-разному трактуют данное понятие применительно к своим условиям. С точки зрения энергетической проблематики мировое сообщество схематично можно поделить: на экспортеров, импортеров, страны, обеспечивающие транзит, страны экспортно-импортного значения. Основная коллизия разворачивается во взаимоотношениях между странами экспортерами, импортерами, транзитными странами. Как правило, страны обеспечивающие транзит под энергетической безопасностью понимают удержание своего государства в рамках стратегического значения как для импортеров, так и для экспортеров.

Страны – экспортеры энергоресурсов главный упор делают на поддержании «стабильности спроса» на их экспорт, от которого зависит уровень государственных доходов. Для России актуально через восстановление государственного контроля над «стратегическими ресурсами», обеспечить также надлежащий менеджмент основными трубопроводами и каналами сбыта, по которым ее углеводороды поступают на мировые рынки.

Развивающиеся страны озабочены тем, как изменение цен на энергоносители влияет на их платежный баланс.

Быстроразвивающаяся экономика заставляет Китай и Индию принимать быстрые и капиталоемкие решения, не позволяющие трактовать энергетическую безопасность только как способность быстро приспосабливаться к новой зависимости от мировых рынков энергоресурсов. И Китай и Индия осознали ту глубокую зависимость темпов развития от возможностей удовлетворения все возрастающих потребностей, прогнозирование уровня которых невозможно, без детального расчета всех макроэкономических факторов и внутреннего потенциала этих государств. Следует отметить, что именно для стран БРИКА угле-

водороды и вся инфраструктура, обеспечивающая эффективную эксплуатацию их, все же расположены в плоскости экономического приоритета, для поддержания которого используются политические инструменты и обоснования. Тем не менее, как справедливо отмечают эксперты «Тройка – Диалог», политика не успевает реагировать на быстро изменяющуюся конъюнктуру финансовых доминант современного мира.

Для Европы проблематика энергетической безопасности сосредоточена главным образом в политической плоскости с использованием всей научной базы, наработанной в политических науках. Тем не менее, не стоит переоценивать политическое значение углеводорода для Европы, так как экономическая и социальная значимость цены, качества и объема поставок для европейцев играет немаловажную роль.

В Европе главная дискуссия сосредоточена на том, как лучше контролировать зависимость от импортируемого природного газа; большинство европейских стран (за исключением Франции и Финляндии) также обсуждают перспективы строительства новых атомных станций и, возможно, возврата к (чистому) углю.

Провозглашенная Соединенными Штатами в 1973 году цель – достижение «энергетической независимости» все больше становится ошибкой целеполагания, так как государство вынуждено эффективно преодолевать форс-мажорные обстоятельства различного типа, которые все усложняются.

Энергетическая стратегия России до 2020 года определяет энергетическую безопасность как состояние защищенности страны, её граждан, общества, государства, экономики от угроз надёжному топливно – и энергообеспечению.

Как видно из вышесказанного, действительно, понятие «энергетическая безопасность» требует некоторого уточнения, конкретизации и определения статуса формулировки, необходимого для политического анализа и прогнозирования.

Любая формулировка термина является приблизительной для того, чтобы выстроить инструментарий определения наличия или отсутствия признаков категориальности термина. Ведь только явление, которое закончило определение реальностью и аксиологического и праксиологического осуществления в конкретный операциональный термин, имеет динамику категориального оформления. Для этого необходимо теоретическое осмысление через определение субстанциональных характеристик.

В термине «энергетическая безопасность» субстанциональность выражается в том или ином бытийном определении энергетики через конкретизацию понятия безопасность. Если мы безопасность будем констатировать как «отсутствие опасности» без функциональной составляющей, тогда наш термин будет иметь движение в аксиологическом осмыслении стабильного общества в рамках ближе к концепции «политического» Карла Шмитта. Как только мы придаем термину некие признаки его функциональности, так сразу обозначается рельефность онтологической характеристики как реальности «энергетической безопасности» в неразделенной совокупности понятий. В данном обозначении реальности в ее функциональной достаточности превалирует тенденция определения «энергетической безопасности» как определяющей, родовой релятивности к «энергетической политике». Именно термин энергетическая безопасность указывает на характер отношений между государствами в политико-экономической области, а энергетическая политика оказывается в нынешних условиях общей характеристикой основных стратегических оценок в одном лишь сегменте экономического (и подчас внутреннего) анализа.

Какие основные признаки определяют «энергетическую безопасность» как особую характеристику реальности «политического», необходимо уточнить, что объективные экономические процессы современной глобализирующейся мировой системы гораздо чаще находят выражение в принятии тех или иных как объективных (в интерпретации Истона), так и субъективных политических решений. Эти признаки, однако, варьируются в зависимости от тех маркеров, которые мы принимаем для характеристики действия конкретного государства в энергетическом пространстве. Традиционно можно принять трехчленную систему энергетической системы геополитики: это государства – импортеры, государства – экспортеры, государства специализирующиеся на транзите энергоресурсов.

Всех экспортеров будет определять та совокупность угроз, которая будет отличать их от импортеров и стран-транзитеров. А, следовательно, и интерпретация энергетической безопасности будет отличаться от той конкретизации термина, которой будет свойственна импортерам и странам - транзитерам.

Для экспортеров блоком угроз является:

1. Добывающий. Ввод новых месторождений. Отсюда активное освоение новых регионов, разведка, проектирование, финансирование,

капиталовложения не только в новые месторождения, но и в инфраструктуру региона,

2. Технологический. Позволит вести добычу в сложных географических условиях, а также увеличить долю готовой продукции в производстве. Необходимо осваивать новые виды топлива – сжиженный природный газ,

3. Транспортный – проектирование и прокладка новых маршрутов доставки энергоресурсов и не только строительство новых трубопроводов, но также альтернативных способов доставки,

4. Ценообразовательный. Быть не пассивным наблюдателем за конъюнктурой на мировом рынке углеводородов и электроэнергии, но через финансово-биржевые инструменты иметь возможность влияния на стоимость энергоресурсов, иметь возможность проводить политику обмена активами, участие в акционерном капитале компаний, владеющих распределительными сетями, хранилищами и имеющими выход на конечного потребителя и т.д.,

5. Транзитно-геополитический. Государство должно контролировать маршруты доставки своих энергоресурсов до покупателя, тем более, если они пролегают через сопредельные государства,

6. Научный. Необходимы значительные капиталовложения в научно – технические исследования, в том числе и в фундаментальные отрасли науки. Следовательно, государство должно обладать возможностью реализовывать программы подготовки научных кадров и соответствующей научной базы, обеспечивающих высокий уровень технологий разведки, добычи и транспортировки.

Для импортеров это реализации комплекса мер:

1. Первый и наиболее известный – это то, к чему призвал Черчилль более чем 90 лет тому назад: диверсификация поставок. Достижение разнообразия источников снижает ущерб от срыва поставок из какого-либо одного источника, предоставляя возможность получать сырье из других, альтернативных, источников. Но одной диверсификации недостаточно,

2. Устойчивость, «запас надежности» в системе энергоснабжения, который позволяет смягчить воздействие потрясений и ускорить процесс восстановления после сбоев. В качестве «запаса» могут выступать различные элементы стратегической безопасности, включая достаточные незадействованные производственные мощности, стратегические запасы, резервное накопление, а также тщательно

разработанные планы оперативного реагирования на сбой, от которых могут пострадать крупные регионы,

3. Необходимость интеграции. Существует только один рынок нефти, только один рынок газа. Они представляют собой сложные системы, перемещающие и потребляющие только нефти около 86 млн баррелей ежедневно. Стабильность этих рынков, зависимых от финансового баланса мировой системы, заставляет вырабатывать некие экономические и политические коммуникативные оценки в межгосударственных отношениях с позиций обеспечения безопасности, детерминированную стабильностью рынков. Это вынуждает государства больше ориентироваться на интеграцию и партнерство,

4. Важность информации. В основе хорошо функционирующих рынков лежит высококачественная информация. На международном уровне МЭА определило приоритетным направлением налаживание потока информации о мировых рынках и энергетических перспективах.

Какими бы важными ни были эти принципы, последние несколько лет высветили потребность в уточнении и конкретизации понятия энергетической безопасности, в рассмотрении этого явления с позиции возможности определения его через категориальный статут, а значит функциональной значимости в научной аналитике и прогнозе.

Д.С. Глухарев

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ДИСКУРС ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В последние годы все больше внимания уделяется проблемам безопасности. Введя в научный обиход американское понятие «национальная безопасность», и, тем самым, исключив традиционное для России понятие, государственная безопасность ученые и политики столкнулись с новыми трудностями. Понятие государственная безопасность относилось в большей степени к юридической науке, и как следствие имело четкое определение и не менее четкую структуру. Нарушение государственной безопасности чаще всего было уголовно наказуемо, и соответственно имело статью в особой части уголовного кодекса. Именно этим понятием руководствовались в своей деятельности сотрудники КГБ, в чью сферу деятельности и входило обеспе-

чение этой самой безопасности. С вводом в научный обиход понятие национальной безопасности произошло значительное расширение видов безопасности, многие из которых имеют слабое отношение к юридическому определению. Например, появляется термин духовная безопасность, с абсолютно размытыми границами. Одним из таких новых направлений стала демографическая безопасность.

Данный термин применим только в рамках понятия национальная безопасность. При этом из трехуровневой системы безопасности (безопасность общества, государства и личности) к данному термину применимы только первые два. Более того, в большей степени демографическая безопасность, это безопасность государства, а не общества. Именно государство страдает в первую очередь от современных демографических процессов и их негативных экономических последствий. Когда мы говорим о последствиях падения рождаемости, в первую очередь мы говорим о сокращении рабочей силы, снижении налоговых поступлений, увеличении социальной нагрузки на государство, вызванной повышением доли пенсионеров, сокращении лиц призывного возраста и так далее. Все эти факторы, угрожают нормальному функционированию государства, а не общества.

Появление термина демографическая безопасность вызвано было в большей степени дискуссией в административных и политических кругах, чем в научных. Когда в демографии стало широко использоваться понятие демографический переход, в политических кругах заговорили о новой угрозе безопасности государства. Эти два термина взаимосвязаны между собой и одно вытекает из другого. Действительно, подобная проблема могла возникнуть только в индустриальных и постиндустриальных государствах, столкнувшихся с проблемой резкого сокращения рождаемости.

Именно рождаемость является ключевым элементом в структуре демографической безопасности. Причиной этого явления посвящено множество работ, большинство из которых считает, что изменение статуса женщины повлекло за собой изменение репродуктивных установок. Общество потребления, чей основной принцип существования, повышение покупательского спроса, не может игнорировать такой активный класс потребителей, как женщины. Именно женщины являются основными покупателями, они и численно превосходят мужское население, и психологически нуждаются в большем количестве разнообразного товара. Логичным выводом является необхо-

димось повышения покупательской способности женщины, а, следовательно, их активное включение в рабочий процесс. Обладая собственными наличными средствами, женщина, таким образом, является двигателем общества потребления. Без ее активного участия экономика развивалась бы менее экстенсивно. Таким образом, возникает противоречие между основами рынка и репродуктивной функцией женщины. Женщина, ухаживающая за детьми, и чаще всего не имеющая значительного дохода, для экономики менее ценна, чем свободная от семьи женщина. Женщина, ведущая активный образ жизни потребляет гораздо больше товара и пользуется гораздо большим количеством услуг. Данное противоречие невозможно решить в рамках имеющегося общества, а значит демографическая проблема, имеет более глубокие корни, чем кажется многим политикам. Невозможно, только экономическими методами стимулирования, при активной рекламе «антисемейной» жизни, заставить женщину родить 2–3 детей, необходимых для простого воспроизводства населения. Три ребенка, это минимум шесть лет вне активной социальной жизни. В условиях пропаганды карьеризма, успеха, роскоши и остальных ценностей современного общества, на это может пойти только женщина, не контактирующая с современными средствами массовой информации. Поэтому, многодетные семьи, это в первую очередь семьи эмигрантов, прибывших из другой среды, где сохранились традиционные ценности. Это деревенские семьи, где ограничен доступ к СМИ, это религиозные группы, где члены общности сознательно ограничивают или навязывают иные ценности. Снятие вопроса повышения рождаемости заключается в решении духовных проблем общества, формировании новых ценностей, или пропаганде традиционных.

Второй элемент демографической безопасности – это старение населения. Увеличение доли пожилых людей в структуре общества вызвано не только тем, что сократилось число молодежи, но и увеличением продолжительности жизни у лиц пожилого возраста, в связи с достижениями медицины в современных развитых государствах. Несмотря на несомненную положительность для общества данного факта, для государства это негативный элемент. Увеличение числа пенсионеров повышает нагрузку на трудоспособное население, которое вынуждено работать за двоих, а иногда и за троих. Это не может не привести к межпоколенческому конфликту, что и выражается в появлении разных экстремистских идеологий возрастного характера (Э,

Лимонов). Государство видит решение данной проблемы в увеличении пенсионного возраста, что вызывает недовольство уже у лиц старшего поколения. Это второе противоречие, которое можно решить, лишь устранив первое. Увеличивая долю молодежи, мы снимаем нагрузку на трудоспособное население, и тем самым снимаем социальное напряжение.

Наконец, третий специфически элемент демографической безопасности – миграция. Миграция населения, особая проблема, выходящая за рамки освещаемого вопроса. Миграционные процессы, это способ решающий первые две проблемы, но порождающий другие специфические. Действительно, миграция трудоспособного населения, снижает остроту проблемы нехватки рабочих рук. За счет мигрантов, прибывших в основном из обществ с традиционными семейными ценностями, можно решить проблему рождаемости. Однако вслед за этим возникают новые для общества проблемы межнациональных отношений, межкультурных конфликтов, возникает религиозный вопрос. Стоит ли решать одну проблему, создавая три новых? События во Франции и Великобритании последних лет, показали, что новые проблемы, могут быть более деструктивными, чем старые.

В.О. Сазонов

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск

СТАНОВЛЕНИЕ ДИСКУРСА ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Начало XX века стало периодом идеологической борьбы двух политических систем. Это политическое противостояние не раз переходившее в стадию вооруженного конфликта, сделало развитие оборонного комплекса государства приоритетным направлением в экономике СССР в 30-е годы. К середине XX столетия советское и западное противостояние осложнилось созданием ядерной бомбы в США. Появление столь мощного оружия обусловило необходимость выработки адекватных мер защиты со стороны СССР. Таков был период 1942–1953 годов для России, когда приходилось создавать ядерный и термоядерный щит Родины. Эти задачи, поставленные перед учеными, конструкторами, производственниками, военными, управленцами и многими другими были успешно решены. Одно из главных мест в создании системы ядерной безопасности сыграл Урал, имевший геостратегиче-

ское положение, его промышленный потенциал, его люди, его закрытые города, выросшие в отдаленных уголках региона за считанные месяцы.

Освещение проблематики, связанной с созданием отечественного ядерного оружия началось главным образом в начале 90-х годов, когда были открыты архивные фонды, что обогатило источниковую базу исследований. Вскоре было начато издание архивных материалов⁶³. Были опубликованы воспоминания и мемуары участников ядерного проекта⁶⁴, представителей разведки⁶⁵. Наконец, появились публикации в периодической печати и монографические исследования, которыми были подняты отдельные темы, связанные с проблематикой создания системы ядерной безопасности, в том числе и по уральскому региону. На Урале появляется группа авторов, которая определила целое направление исследовательской деятельности, связанной с развитием уральской атомной промышленности и самих ЗАТО. Среди них в первую очередь нужно отметить В.Н. Новоселова, В.С. Толстикова, А.И. Клепикова, Л.П. Щедрина, Л.Г. Николаий, В.Н. Кузнецова и многих других.

Вместе с отечественными учеными тема ядерной безопасности СССР была затронута и зарубежными публицистами. Данная тематика зарубежными авторами чаще всего была освещена в контексте других проблем, например в рамках изучения американского атомного проек-

⁶³ Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. под общей редакцией Рябева Л.Д. Т.1: 1938–1945: в 2-х частях. – Ч.1. – М.: Наука Физматлит, 1998; – Т.1: 1938–1945: в 2-х частях. – Ч.2. – М.: Издательство МФТИ, 2002; –Т.2: Атомная бомба 1945–1954. –Кн.2. –Москва-Саров: Наука Физматлит, РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2000; –Т.2: Атомная бомба 1945–1954. – Кн.3. – Москва-Саров: Наука Физматлит, РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2002; Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. – Т.2: Атомная бомба. 1945–1954: – Кн.4. –М.-Саров: ФИЗМАТЛИТ-РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2004.

⁶⁴ Емельянов В.С. Атом и мир. – М.: Атомиздат, 1967; Александров А.П. Атомная энергетика и научно-технический прогресс. Статьи и выступления. – М.: Издательство «Наука», 1978; Академик В.Г. Хлопин. Очерки, воспоминания современников. Отв. ред. Петросьянц А.М. – Л.: Изд. «Наука» Ленинградское отд., 1987; Ананьин А.И. Записки деда (бывшего председателя горисполкома закрытого города). Златоуст-36, 1993; Воспоминание об Игоре Васильевиче Курчатове. Отв. ред. Александров А.П. – М.: «Наука», 1988; Гуськова А.К. Атомная отрасль глазами врача. – М.: Реальное время, 2004; Сахаров А.Д. Воспоминания. В 2-х т. – М.: «Права человека», 1996; Бронхович Б. Александр Анатолий Петрович, Бочвар Андрей Анатольевич. Вехи деятельности на Южном Урале. – Озерск: ПО «Маяк», 1995.

⁶⁵ Феклисов А.С. За оксаном и на острове: Записки разведчика. – М.: ДЭМ, 1994; КГБ открывает тайны: сборник. Сост. Филимошин М.В. – М.: Патриот, 1992; Мальков В.Л. Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия. – М.: Наука, 1995; Лота В. ГРУ и атомная бомба. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

та; создания ядерного оружия Германией или внутренней и внешней политики СССР и т.д. К такого рода работам можно отнести труды английского историка С. Монтефиоре Симоне⁶⁶, публициста Р. Кларка⁶⁷, французских авторов Д. Гольдшмидта⁶⁸, М. Рузе⁶⁹ и др.

Авторами работ по проблемам ядерной безопасности были рассмотрены: вопросы решения уранового проекта в послевоенный период⁷⁰, создание органов управления⁷¹, история создания атомных городов и предприятий, несущих градообразующую функцию, освещение общественно-политического и социального развития ЗАТО⁷², пробле-

⁶⁶ Монтефиоре Симон С. Сталин: двор Красного монарха / Пер. с англ. С. Манукова. – М.: ОЛМА Медиа Групп: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.

⁶⁷ Кларк Р. Рождение бомбы. Сокр. пер с англ. Дурнева В.Н. – М.: Гос. изд. лит-ры в обл. атомной науки и техники, 1962.

⁶⁸ Гольдшмидт Д. Атомная проблема. Политические и технические аспекты. Перевод с франц. А.Д. Федоровой под общ. ред. Емельянова В.С. – М.: Атомиздат, 1964.

⁶⁹ Рузе М. Роберт Оппенгеймер и атомная бомба. Сокращенный пер. с франц. Гнединой Т.Е. и Соколова А.Н. – М.: Гос. изд. лит-ры в обл. атомной науки и техники, Госкомитета по исполыз. атомя. энергии СССР, 1963.

⁷⁰ Полухин Г.А. Первые шаги. История производственного объединения «Маяк». Июль 1993; Кузнецов В.Н. Цена свободы – атомная бомба. – Екатеринбург: Полиграфист, 2005; Ядерная индустрия России. Ответств. ред. Петросьянц А.М. – М.: Энергоатомиздат, 1999.

⁷¹ Новоселов В.Н., Толстиков В.С., Клепиков А.И. История Южно-Уральского управления строительства. – Челябинск: «НИК», 1998; Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. – Челябинск, 1999.

⁷² Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны «сороковки». – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1995; Губарев В.С. Арзамас-16. – М.: Издат, 1992; Слово о Приборостроительном. Кн. 2-ая. Сост. сборника Щедрин Л.П. Трехгорный, 1998; Слово о Приборостроительном: воспоминания. Кн. 3-я. Сост. сборника Щедрин Л.П. – Челябинск: Южн.-Урал. кн. изд-во, Южн.-Урал. изд. торг. Дом, 2001; Трехгорный. История. Публицистика. Литература. Сост. Николай Л.Г. – Трехгорный: изд. «Урал Л.Т.Д.», 2002; Ядерный щит Родины. Приборостроительный завод, г. Трехгорный. Сост. Щедрин Л.П. – Челябинск: Южн.-Урал. кн. изд-во, Южн.-Урал. изд. торг. Дом, 2000; Черников В. За завесой секретности или строительство №859. (Страницы истории ЮУС). – Озерск, 1995; Лесной: история закрытого города. Сост. Шипулина Т.В. – Екатеринбург: Средне-Урал. кн. изд., 1997; Емсльянов Б. автор-составитель. Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинск-70). – Екатеринбург: ИПП «Уральский рабочий», 1997; Кузнецов В.Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. Первос десятилетие. – Екатеринбург, 2003.

мы экологии, как результат производственной деятельности предприятий ядерной промышленности⁷³ и т.д.

Различный спектр политических взглядов, появившийся в постсоветский период был отражен и в содержании публикаций. У исследований рубежа XX–XXI веков было достаточно противоречий по ряду проблем, связанных с вопросами ядерной безопасности. Автором данной статьи была предпринята попытка показать дискуссионные моменты в литературе, которые развивают исследователи различных направлений. Актуальность данной тематики очевидна в условиях, когда представляется новая интерпретация фактов, идет искажение событий советского периода и начинает теряться преемственность исторического опыта и политического развития.

Разный подход к различным проблемам создания системы ядерной безопасности России был обусловлен кругом используемых источников, политическими пристрастиями и общей компетентностью авторов. Так одним из спорных является вопрос о хронологических рамках начала работ по ядерной бомбе. Ряд исследователей считают, что создание ядерного оружия было начато с распоряжения И.В. Сталина в 1942 году, когда он узнал из доклада Л.П. Берия о Манхэттенском проекте⁷⁴. Однако довоенные исследования в области ядра, говорят о том, что научная почва для использования энергии атома в военных целях была подготовлена всем предвоенным периодом. Еще до начала войны осенью 1940 года двумя сотрудниками Физико-технического научно-исследовательского института Академии наук УССР В.А. Масловым и В.С. Шпинелем было зарегистрировано в Бюро изобретений НКО СССР устройство атомной бомбы⁷⁵.

Начало войны и засекречивание в научной литературе работ по ядерной физике наталкивало ученых, и не только Г.Н. Флорова на мысль о том, что в Германии и США ведутся работы по созданию

---

⁷³ Губарев В.С., Камиока И. и др. сост. Малкин Г. Ядерный след. – М.: Гос. изд. литры в обл. атомной науки и техники, 1961; Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Атомный след на Урале. – Челябинск, «Рифей», 1997.

⁷⁴ Монтефиоре Симон С. Сталин: двор Красного монарха / Пер. с англ. С. Манукова. – М.: ОЛМА Медиа Групп: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. – С.516–517; Лесков С. Как Россия перехаритонила Америку // Известия наука 28.фев. 2004. – С. 9; Медведев Ж.А. Сталин и атомная бомба // Вестник российской АН. – Т.72. – №1. – 2002. – С. 57–59.

⁷⁵ Губарев В. Белый архипелаг // Наука и жизнь. – №3. – 2000. – С. 30.

сверхмощного оружия разрушительной силы⁷⁶. Это было побудительным мотивом для многих исследователей выступать с обращениями о возобновлении довоенных работ, связанных с ураном⁷⁷.

Таким образом, работы по урану, начатые зимой 1942 года не были случайными. Начало уранового проекта было закономерным продолжением довоенных исследований. Теоретические научные достижения советских исследователей соответствовали уровню мировой науки. Кроме этого мысль об использовании энергии атома в военных целях имела своих приемников и в предвоенный период.

Говоря о проблеме создания ядерного оружия, авторами была поставлена альтернатива: необходимо ли было продолжение предвоенного курса на мобилизацию экономики и отказ от ее умеренного развития в пользу ядерной безопасности?

Послевоенный период был ознаменован началом «холодной войны». На протяжении длительного противостояния Востока и Запада был спор относительно того, кто развязал «холодную войну», таким образом, несет ответственность за ее последствия. Проще всего был подход к этому вопросу с конъюнктурно-политической позиции американского историка Джона Геддиса, который считал, что «холодная война» явилась заботой СССР и США о своей безопасности, но добились ее каждая держава в одностороннем порядке. Таким образом, атомные проекты США и СССР были представлены как контрмеры ядерному потенциалу Германии⁷⁸. В тоже время американскими исследователями Фредериком Шуманом и Джорджем Кеннаном, истоки противостояния двух сверхдержав были показаны как ответственность западных демократий за подъем нацизма в предвоенные годы, после «мюнхенского мира». Недаром в этом случае был подвергнут сомнению основной аргумент Запада о навязывании СССР странам Восточной и Центральной Европы своего образа жизни. Ведь появление СССР в Европе 1944–1945 гг., прежде всего, было связано борьбой с фашизмом. Словами американского политика Уэллеса в 1944 году была сформулирована цель внешней политики СССР: «Нынешнее совет-

⁷⁶ Александров А.П. Годы с Курчатовым // Атомная энергия. – Т.54, Вып.1, январь 1983. – С. 7.

⁷⁷ Маркелова Л.П. Оружием творчества. – М.: Издательство политической литературы, 1985. – С. 111–114.

⁷⁸ Медведев Ж.А. Сталин и атомная бомба // Вестник российской АН. – Т.72. – №1. – 2002. – С. 63.

ское правительство дало ясно понять, что оно отказалось, по крайней мере временно, от идеи мировой революции... По окончании войны главные усилия советского правительства, несомненно, на протяжении многих лет будут направлены на восстановление и реконструкцию разрушенных городов и территорий, индустриализацию и подъем жизненного уровня населения»⁷⁹. При этом мнение Уэллеса целиком совпадало с мнением Рузвельта.

Инициатором агрессивного курса против СССР была Англия. Недаром морской министр США Дж. Форрестал в 1945 году писал по поводу опасений Рузвельта, что «англичане очень хотели бы, чтобы Соединенные Штаты в любое время начали войну против России, и, по его мнению, следовать британским планам – значит идти к этой цели». Именно это и произошло, когда президентом США стал Трумэн. Им перед испытаниями ядерной бомбы, во время поездки в Потсдам летом 1945 года, было сказано: «Если она взорвется, а я думаю, что это случится, у меня будет управа на этих [русских] парней»⁸⁰.

Фактически авторы этой точки зрения рассматривают этот период как политику Запада, когда был задан тон в разделе политических сфер влияния. Это определяло политическую карту послевоенной Европы. Недаром первый ядерный взрыв в Аламогордо был произведен 16 июля 1945 г. в день открытия Потсдамской конференции, где одним из ведущих вопросов была судьба послевоенной Европы. Создание ядерной бомбы было использовано США и Англией как инструмент политического давления на СССР. Фактически осуществление такого политического курса США в послевоенный период было возвращением старых стереотипов, выработанных еще политикой Вудро Вильсона⁸¹.

Противовес этой позиции рядом авторов данный период показан как этап, когда в СССР были условия для дальнейшего развития, но с отказом от волюнтаристской практики. Наряду с перспективой мобилизационной экономики, начавшей действовать в 30-е годы, складывалось умеренное направление развития экономического курса. Это был более уравновешенный путь развития страны, сторонниками ко-

⁷⁹ Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 32–42.

⁸⁰ Там же, с. 49–51.

⁸¹ Дэвис Д.С., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона советско-американских отношениях / Науч. Ред. А.А. Поршакова; Пер. с англ. Е.В. Нетесовой; Сост. указ. И библиогр. Ред. Д.Н. Бакун. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 17–19.

того выступали: Н. Вознесенский, председатель Госплана; Н. Родионов, председатель Совета Министров РСФСР; А. Жданов, секретарь ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии; П. Доронин, первый секретарь Курского обкома партии. Сторонниками возврата к мобилизационной экономике были, прежде всего, Г.М. Маленков и Л.П. Берия. Развивая мысль о неправильности этой альтернативы, авторы работ данного направления не могут отрицать связь внутренней политики Советского государства с ростом международной напряженности, особенно в 1946–1947 годах⁸².

Имеется и очень оригинальная точка зрения на перспективы внешней политики СССР в послевоенные годы. Авторы этой позиции считают, что Сталин готовил мировое господство и первыми шагами в этом направлении была Европа и ряд территорий в Азии. Начало этому в Азии было положено в Корее, где развернулся конфликт между ее Северной и Южной частями. Для выполнения миссии связанной с мировой гегемонией необходимо было обладание ядерным оружием и поднятие морального духа народа после Второй мировой войны. Основным соперником в борьбе за мировое первенство должны были стать США, вчерашние союзники СССР. Для того чтобы создать образ врага была развернута антисемитская компания: борьба с космополитизмом, расстрел вредителей на ЗИСе, репрессии еврейских деятелей культуры, арест крупных медицинских специалистов, названный «делом врачей». Как считают сторонники этой точки зрения, антисемитская компания нарастала вплоть до смерти Сталина⁸³.

Сторонники противоположной позиции считают Америку инициатором в борьбе за мировое господство. Одним из аргументов в пользу стремления США к политическому лидерству было выдвижение в ООН в 1946 году «плана Баруха». Согласно этой стратегии право собственности на разработку атомного сырья и атомные предприятия должно было принадлежать международной организации под эгидой ООН, которая находилась бы под полным контролем США. Следующим шагом в этом направлении было благословение Трумэнem речи

⁸² Верт Н. История советского государства. 1900–1991: Пер. с фр. – М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. – С. 294–302, 314–326.

⁸³ Иоффе Б.Л. Особо секретное задание. Из истории атомного проекта в СССР // Новый мир. – №5, 1999. – С.144–145.

Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 года⁸⁴. Таким образом, США было сделано все, чтобы СССР начал осуществления собственной программы по обеспечению ядерной безопасности.

Одной из основных задач для создания паритета с США в после Второй Мировой войны была необходимость разработки в СССР промышленного производства компонентов, необходимых для изготовления атомной бомбы – плутония и урана. Чтобы получить плутоний требовалось создание реактора по его наработке, а затем целый производственный комплекс радиохимического и специального металлургического производства. Для производства урана требовалось создание производственных мощностей, где было возможно получение компонентов для бомбы методом разделения изотопов урана диффузионным способом. Кроме этого было необходимо получения различных материалов: чистый графит, тяжелая вода и т.д., без которых получения ядерной взрывчатки было не возможно⁸⁵. Все это приходилось создавать на этапе послевоенной разрухи, когда часть сил и средств была задействована на восстановление разрушенной войной экономики. В этих условиях, фактически с нуля нужно было создавать новую отрасль промышленности, которая по материальным затратам не уступала модернизационным процессам в экономике предвоенных лет.

Итогом напряженной работы нескольких лет были испытания советской ядерной бомбы на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года. Однако после испытания первой атомной бомбы СССР несколько месяцев нарабатывал ружейный плутоний необходимый для производства следующего заряда. В то время как в арсенале США к 1949 году по некоторым оценкам было уже 200 атомных бомб⁸⁶. И недаром во время вручения наград после первого испытания ядерного оружия, И.В. Сталиным была сказана фраза: «Если бы мы опоздали на один-полтора года с атомной бомбой, то, наверное, «попробовали» бы ее на себе»⁸⁷. Последующими событиями начала 50-х годов было показано, что ответным ходом на создание советского ядерного оружия и победу коммунистов в Китае, США был выбран путь – усиления своей воен-

⁸⁴ Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 56–58.

⁸⁵ Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы // Успехи физических наук. – Т. 171. №1. Январь 2001. – С. 99–100.

⁸⁶ Гончаров Г.А., Рябев Л.Д. О создании первой отечественной атомной бомбы // Успехи физических наук. – Т. 171. №1. Январь 2001. – С. 99–100.

⁸⁷ Смирнов Ю.Н. И.В. Курчатова и власть // ВИЕТ. – 2003. – №1. – С. 31.

ной мощи. Это было началом американской программы разработки всех видов атомного оружия, в том числе водородной бомбы.

Вопрос о строительстве закрытых городов и роли в этом спецконтингента, всегда являлся спорным. Одни авторы отстаивают точку зрения, что атомные города были главным образом построены за счет заключенных. «...Эту работу выполняли в основном заключенные, преимущественно советские солдаты, вернувшиеся из немецкого плена. По возвращении на родину их встречали не цветами и танцами. Вместо этого они получили несколько лет заключения за то, что проявили трусость на поле боя». Так, например, строительство завода по изготовлению урана в Ногинске «Электросталь» именуется не иначе как «остров» атомного Гулага, а число заключенных там увеличивалось соразмерно с увеличением производства урана⁸⁸. Приблизительно такая же оценка была дана строительству Арзамаса-16. «...Строгая «режимность» Арзамаса-16 объясняется тем, что большую часть всех строителей города составляли заключенные нескольких лагерей». Арзамас-16 «представлял собой некий симбиоз из сверхсовременного научно-исследовательского института, опытных заводов и большого лагеря... Руками заключенных строились заводы, испытательные площадки, жилые дома для сотрудников. Сами же они жили в бараках и ходили на работу в сопровождении овчарок... Ежедневно по утрам мимо наших окон с занавесочками проходили длинные серые колонны людей в ватниках, рядом шли овчарки»⁸⁹.

Есть и противоположная точка зрения на проблему использования труда заключенных при возведении атомградов. Авторы этой позиции считают, что участие заключенных в атомном проекте преувеличено. Конечно «спецконтингент» внес огромный вклад, но роль его не была решающей в создании закрытых городов. На первом этапе строительства технической базы атомной промышленности количество заключенных было велико. Это было обусловлено тем, что основным субподрядчиком в это время был Главпромстрой НКВД-МВД, который использовал практику привлечения к работам спецконтингента ИТЛ. Строительство первых предприятий атомной промышленности в Озерске и Новоуральске летом 1947 года и в конце 50-х годов было

⁸⁸ Медведев Ж.А. Сталин и атомная бомба // Вестник российской АН. – Т. 72. – №1. – 2002. – С. 61.

⁸⁹ Медведев Ж.А. Плаха для миллионов // Военно-исторический журнал. – №7. – 2001. – С. 49–50.

пополнено 16 тысячами и 18.5 тысячами заключенных соответственно. И это были максимальные цифры. С ростом первых предприятий количество заключенных, задействованных в строительстве уменьшалось. После амнистии 1953 года количество спецконтингента вообще резко уменьшилось⁹⁰. Спецконтингент использовался главным образом на строительстве социальных объектов, а также на подготовительных работах самих объектов. Огромную роль помимо заключенных, на строительстве объектов закрытых городов, принимали военнотруженики военно-строительных частей⁹¹.

Однако роль военно-строительных частей также вызывает спорные позиции. Есть мнение, что основную массу этих строительных батальонов составляли репатриированные из Германии и Австрии и повторно призванные, которые работали «до их полного физического износа». Такие части получили в литературе этого направления название «особая «крепостная армия»⁹².

Таким образом, основная роль в создании ведущих объектов ЗАТО выполняли в основном вольнонаемные и военные строительные части. Этот факт получил освещение с расширением источниковой базы.

Еще одной спорной проблемой создания ядерной безопасности является вопрос о роли разведанных. Одни авторы утверждают, что ядерная бомба СССР была точной копией американской, документацию по которой успешно предоставила разведка и затраты на нее были минимальными. «Однако в тот период существовала директива Сталина и Берни полностью копировать американский проект плутониевой бомбы, почти все детали которого были получены советской разведкой. ... В то же время Капица в отличие от Курчатова и его ближайших помощников не был допущен к изучению, анализу и оценке огромного количества поступавших в НКВД разведывательных материалов. Это создавало неизбежный конфликт между Капицей и Курчатовым, а также и другими членами Спецкомитета. Капица в своей работе исходил из предпосылки о том, что многие проблемы, например в области разделения изотопов урана, нужно сначала решать как науч-

⁹⁰ Бедель А. Наш ответ Трумэну. Как создавался атомный комплекс страны // Родина. Ноябрь 2001. – С. 97.

⁹¹ Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. – Челябинск: УралГАФК, 1999. – С. 91–110.

⁹² Медведев Ж.А. Крепостные спецконтингенты Красной армии. Повторно призванные // Урал. – №5. – 1995. – С. 216–225.

ные. Курчатов, Берия и другие, однако, знали, что эти проблемы уже решены и задача состоит лишь в проверке и уточнении полученных из США отчетов»⁹³.

В сборе сведений о ядерных проектах Англии, США, Японии и Германии были задействованы разведчики НКВД-НКГБ СССР и помимо этого не малую роль сыграла военная разведка. Сотрудничество разведок различных ведомств было плодотворным по добыванию атомных секретов. В сборе данных научно-технической разведки ведущая роль была отведена ученым, которые определяли круг научных вопросов разведчиков. Разведданные, добытые советской разведкой различных ведомств, конечно, позволяли избегать тупиковых направлений в исследованиях, сокращать время получения различных научных результатов⁹⁴. Однако эти данные требовали экспериментального обоснования, которое должны были подтвердить теоретические расчеты, пускай даже чужие. Но, тем не менее, эти данные не были способны исключить работы по получению технических цепочек производства различных компонентов, по выработке производственных технологических процессов, необходимых для производства ядерного оружия. Получение разведданных не могли избавить от того титанического труда, который был потрачен на становление атомной промышленности, «на разработку метода разделения изотопов, создание плутониевой технологии и, наконец, конструирование самой бомбы»⁹⁵. Кроме этого направления, исследований шли не только по пути слепого копирования. Советскими учеными, конструкторами, производственниками были разработаны свои методы получения ядерного оружия, более дешевого и более эффективного.

Самостоятельность работы советских ученых была подтверждена испытаниями атомной бомбы собственной конструкции в 1951 году. И последующий период работы над водородной бомбой советские физики вновь были на высоте. Американские работы над водородной бомбой под руководством Э. Теллера зашли в тупик. В то время как советскими физиками под руководством Я. Зельдовича с конца 1949 года

---

⁹³ Медведев Ж.А. Плаха для миллионов // Военно-исторический журнал. – №7. – 2001. – С. 45.

⁹⁴ Лота В. ГРУ и атомная бомба. Неизвестная история о том, как военная разведка добывала сведения об атомных проектах Великобритании, Германии, США и Японии. – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – С. 4–6; 49–127; 132–186; 192–246; 267–281; 285–301.

⁹⁵ Могут ли спецслужбы заменить Академию Наук. Обсуждение в Президиуме РАН // Вестник российской АН. – Т. 64. – №11. – 1994. – С. 970.

разрабатывалась собственная идея Сахарова–Гинзбурга по созданию «слойки»⁹⁶.

Таким образом, роль разведанных была в разработке системы ядерной безопасности неопределима. Полученные данные сокращали сроки работ, позволяли избегать чужих ошибок. Однако отечественные исследования и проверка полученных от разведки данных также имели огромное значение. И эту работу невозможно было проводить без собственных научных достижений. О компетентности советской науки нельзя было сказать лучше, чем сказал П.Л. Капица: «Я вполне допускаю, что наши ученые, работающие в ядерной физике, по своим творческим способностям и знаниям, если бы их не отвлекали и им смело помогали, могли бы решить проблему атомной бомбы вполне самостоятельно и раньше других»⁹⁷.

Следующим проблемным вопросом, вокруг которого дискутируют исследователи, является освещение руководства атомного проекта. Среди таких руководителей, чьи персоналии вызывают особый интерес публицистов можно назвать Л.П. Берия и И.В. Курчатова.

Личность Л.П. Берия – руководителя уранового проекта для ряда авторов является одиозной, но в последние годы появились исследования, где фигура Берии была показана, хотя и не без недостатков, с человеческим лицом.

Для круга авторов, которые критически подошли к личности Л.П. Берия, было характерно использования термина «бериевщина», под которым подразумевался инструмент управления неограниченной властью. Л.П. Берия был представлен в очень мрачных тонах, которые не совсем соответствовали действительности. Так, например, «Он (Берия) не создал ничего полезного, не построил, не сочинил, не запятнал своей репутации ни единым добрым поступком»⁹⁸. Далее Л.П. Берии было предъявлено обвинение в приписывании партстажа и службе в мушкетерской разведке. А его работа в Баку заместителем председателя АзЧК была поименована не иначе как «практика освобождения явных врагов Советской власти... и осуждение невинных». При этом все ему

⁹⁶ Медведев Ж.А. Плаха для миллионов // Военно-исторический журнал. – №7. – 2001. – С. 47–49.

⁹⁷ Есаков В.Д. Эпизоды из истории атомного проекта. Заметки архивиста // Природа. – №10. – 2003. – С. 52.

⁹⁸ Антонов-Овсеенко А. Карьера палача // Берия: конец карьеры / Сост. и общ. ред. В.Ф. Некрасова. – М.: Политиздат, 1991. – С. 5.

сходило с рук. Таким образом «...Берия уверовал в безнаказанность зла, если умело пользоваться легковерием простаков»⁹⁹. Работа Л.П. Берии в Грузии, мало чем отличалась от работы в Баку. «...Берия спешил нажать свой политический капитал. Чуть ли не каждый год он разоблачал... «гнезда контрреволюционеров»¹⁰⁰.

Вместе с тем курирование П.Л. Берией наркомата оборонной промышленности было связано с тем, что репрессии этого ведомства коснулись, особенно в годы войны в меньшей степени. «...После того как мы оказались в сфере влияния органов безопасности, аресты заводских работников любого ранга практически прекратились..., а таких заводов были десятки». Однако такая политика была преподнесена как попытка Л.П. Берия создать себе репутацию преданного и исполнительного человека¹⁰¹.

Берия был назван человеком злопамятным и самолюбивым. Его конфликт с одним из ведущих советских физиков П.Л. Капицей привел к тому, что Капицей было написано письмо к Сталину. При этом послание было отправлено главе государства от лидера науки. В своем обращении ученым была дана оценка деятельности Л.П. Берия: «У него дирижерская палочка в руках... но дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берии слабо... Берии... нужно работать, а черкать карандашом по проектам постановлений в председательском кресле – это еще не значит руководить проблемой... У меня с Берией совсем ничего не получается. Его отношение к ученым мне совсем не по нутру»¹⁰². Л.П. Берия даже был обвинен в том, что после смерти И.В. Сталина, в борьбе за политическую власть, он хотел использовать первый образец термоядерной бомбы в качестве шантажа¹⁰³.

Есть и другой портрет Л.П. Берии – первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, члена президиума ЦК КПСС, министра внутренних дел (МВД) СССР, Маршала Советского Союза, Героя

⁹⁹ Антонов-Овсеев А. Карьера палача // Берия: конец карьеры / Сост. и общ. ред. В.Ф. Некрасова. – М.: Политиздат, 1991. – С. 6–8.

¹⁰⁰ Антонов-Овсеев А. Карьера палача // Берия: конец карьеры / Сост. и общ. ред. В.Ф. Некрасова. – М.: Политиздат, 1991. – С. 13.

¹⁰¹ Новиков В.Н. «Шефство» Берии // Берия: конец карьеры / Сост. и общ. ред. В.Ф. Некрасова. – М.: Политиздат, 1991. – С. 229–237.

¹⁰² Медведев Ж.А. Плаха для миллионов // Военно-исторический журнал. – №7. – 2001. – С. 45–46.

¹⁰³ Губарев В.С. Секретный атом. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – С. 452–456.

Социалистического Труда, кавалера различных орденов. Авторы этой позиции оценивают Л.П. Берия человеком, который внес большой вклад в дело обороноспособности и экономического развития страны. Этой группой исследователей были отмечены первые попытки отказа от волюнтаристской политики в действиях Л.П. Берия. Им были предприняты попытки проведения ряда преобразований, которые позднее были продолжены Н.С. Хрущевым. Деятельность его изображена не как попытка захвата политической власти, а его расстрел был ответной реакцией на реформирование. Причина расстрела была скрыта в том, что Л.П. Берия хотел «разоблачить сталинские злодеяния, выявить участия в них видных партийных руководителей,... развенчать этих деятелей, а затем привлечь к ответственности»¹⁰⁴.

Безусловно, деловые качества, которые были проявлены Л.П. Берия как руководителя и хозяйственника на различных постах, сказались и на руководстве атомным проектом. Л.П. Берия, сменивший В.М. Молотова в руководстве атомной программой, придал ей необходимый динамизм. Им была организована операция по привлечению немецких ученых, как вспомогательной силы в советской работе над бомбой в конце войны. Немецкий опыт был использован не только для создания ядерного оружия. Опыт работы немцев над «ФАУ-2» пригодился для развития советского ракетостроения, что дополняло систему ядерной безопасности страны. С этой целью в 1947 году в Подлипках под Москвой был выстроен поселок с мастерскими, лабораториями и подсобными помещениями, где трудились 177 немецких специалистов. Благодаря организаторским способностям Л.П. Берия в 1951 году армия была вооружена ракетой Р-2, а через год появился носитель ядерного заряда – ракета Р-5.

На Берия была возложена доставка столь необходимого в СССР урана из Европы. Кроме этого была организована добыча собственной урановой руды на Севере, за Уралом и в Казахстане¹⁰⁵.

При строительстве атомных объектов Л.П. Берией была также проявлена мобильность и энергия. Он возглавил Спецкомитет, который решал основные вопросы уранового проекта. Л.П. Берия был автором нестандартных и неожиданных решений. И недаром И.В. Курчатова отказался быть в числе выступающих против Берия на Пленуме,

¹⁰⁴ Наумов В.П. Был ли заговор Берия // Новая и новейшая история. – №5. – 1998. – С. 18–31.

¹⁰⁵ Антонов-Овсенко А. Атомный король // Смена. – №3. – 1991. – С. 49–51.

когда того пытались обвинить в создании препятствий при производстве ядерного оружия. Ответ И.В. Курчатова был: «Если бы не Берия, бомбы бы не было»¹⁰⁶.

Еще одной личностью, которая вызывает противоречивые мнения исследователей является И.В. Курчатов. Так с одной стороны И.В. Курчатов представлен как человек, умеющий найти компромисс с высоким руководством страны на посту научного руководителя атомного проекта и одновременно подходивший для тесной корпорации с НКВД, в отличие от более талантливого ученого А.И. Алиханова. В тоже время авторы этой точки зрения прижимают организационную роль И.В. Курчатова, сводя ее к слабому научному авторитету среди крупных исследователей, не позволявшему «...давать по ним экспертную оценку и осуществлять руководство по их реализации». Обладая секретными разведанными Курчатов мог удивлять окружающих, решая проблемы ядерной физики без расчетов. «Это создавало ему ореол гениальности»¹⁰⁷.

Однако можно найти и противоположные характеристики, которые были даны И.В. Курчатову. Так А.Ф. Иоффе видел в нем выдающегося ученого, целеустремленного, способного организовать и довести до конца начатое дело. Он понимал и осознавал возложенное на него научное руководство атомного проекта, которое ему было поручено в трудное военное время, когда ответственность возрастала в двойне. Как вспоминал академик А.П. Александров: «Слово Сталина решало вообще судьбу проекта. По одному жесту Берии любой из нас мог уйти в небытие. Но вершиной пирамиды был все-таки именно Курчатов. Это наше счастье, что в нем воплотились тогда и компетентность, и ответственность, и власть»¹⁰⁸. И.В. Курчатов, для тех, кем он руководил, оставался человеком ровным полным оптимизма, не дававший своим эмоциям выход. Умел он обращаться не только с подчиненными, но с людьми наделенными властью. Одной из заслуг И.В. Курчатова было его влияние на руководство страны в 50-е годы, когда

¹⁰⁶ Новоселов В., Толстик В. Тайна «сороковки». – Екатеринбург: «Уральский рабочий», 1995. – С. 40.

¹⁰⁷ Медведев Ж.А. Сталин и атомная бомба // Вестник российской АН. – Т. 72. – №1. – 2002. – С. 59–60.

¹⁰⁸ Ларин И. Институт атомной энергии и его отцы-основатели // Наука и жизнь. – №4. – 2003. – С. 56.

страна в условиях идеологического противостояния смогла избежать ядерной катастрофы¹⁰⁹.

Портреты руководителей атомного проекта, таким образом, детализируют картину всего комплекса работ по ядерной безопасности, передавая динамизм этого процесса. Наличие противоположных точек зрения есть бесспорный показатель развития самой проблематики, попытки рассмотрения ее через человеческий фактор.

Перечисленные проблемы, связанные с системой становления ядерной безопасности России всегда были предметом пристальных взоров публицистов. Диапазон научных интересов в этой области широк. Однако данная статья не охватывает все дискуссионные вопросы. Автор лишь попытался наметить основные ее направления. И это характеризует то, что в проблематике ядерной безопасности еще достаточно много белых пятен, которые порождают противоположные точки зрения, позиции ученых меняются с введением в научный оборот новых источников.

Е. Г. Прилукова

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Благодаря развитию микропроцессорной техники, цифровых технологий и средств телекоммуникаций сформировалось информационное общество, которое просто невозможно представить вне деятельности средств массовой коммуникации и информации. Мировое пространство и время сжались. Взаимодействия людей увеличились в разы, по сравнению с предыдущими периодами развития цивилизации. Информация и информационные потоки сделали все государственные границы прозрачными и превратились в строжайший принцип, от которого зависят многие социально-экономические и социально-политические процессы. Масс-медиа, перестав быть только средством трансляции, стали основным средством производства картины мира, потому что в их основе лежит образ. Человек научился воспринимать мир не со слова, а с изображения: человек научился читать образ и создавать свою картину мира. «Система массовых коммуникаций со-

¹⁰⁹ Смирнов Ю.Н. И.В. Курчатов и власть // ВИАТ. – 2003. – №1. – С. 33.

временного типа провоцирует работающих в ней людей «фабриковать реальность» по своему усмотрению¹¹⁰. Поэтому современный мир предстает как безграничный поток образов и по своей природе мозаично-цитатный, плюралистичный и фрагментарный. Более того, подчеркнул французский философ Поль Вирильо, мы находимся на пороге мира, где будет существовать две реальности: актуальная и виртуальная и «новые технологии направлены на то, чтобы сделать виртуальную реальность более убедительной, чем актуальная»¹¹¹. Несомненно, большая роль в этом принадлежит масс-медиа, прежде всего телевидению. Именно оно чаще всего выступает поставщиком образов реальности. Одним из первых на это обратил внимание Жан Бодрийяр, анализируя электронные средства массовой информации. Он высказал мысль, что мир состоит из симулякров, не имеющих основания ни в какой внешней реальности и провел различие между имитацией и симуляцией. Симулякр представляет точную копию, оригинал реальности, которой никогда не существовало. Если имитация предполагает существование какой-то реальности за образом, то за симуляцией нет никакой реальности: она сама заменяет реальность, ее не с чем сравнивать. При помощи же телевидения можно всю реальность ощутить как симулякр. Новости «переносят» нас из одного государства в другое в считанные секунды. Однако в едином информационном пространстве современные государства не могут действовать как абсолютно открытые структуры.

Сегодня информационная насыщенность явно не успевает перерабатываться имеющимися современными средствами, и потоки неконтролируемой и неорганизованной информации становятся врагом человека и актуализируют вопрос его безопасности не только как социального существа, но и как биологического. Человеческий мозг часто не справляется с нахлынувшей на него информацией, и человек тонет в потоках информации, испытывая при этом потребность в знаниях и теплоте человеческих взаимоотношений. Телевидение и компьютеры пришли к нам не только на работу, но и в наш дом, они вторгаются во все сферы нашей жизнедеятельности, они создают симулякры. Пере-

¹¹⁰ Прилукова Е. Г. Теле-виртуальная реальность: гносеологический аспект: Монография. – Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусства, 2004. – С. 32.

¹¹¹ Вирильо П. Киберпространство, Бог и телевидение. Интервью. 21.10.1994 г. // Комментарии. – 1995. – № 6. – С. 211.

плетение симулякров совмещает различные миры в одном времени и пространстве. Как следствие всего этого, мы оказываемся в различных коммуникационных сетях: телевидение, телефонные разговоры, групповая терапия, народные целители, религиозные объединения и т. п. Как справедливо отметил Б. В. Марков: «Кибернетическая революция показала амбивалентность мозга и компьютера и поставила радикальный вопрос: кто я – человек или машина? Дальнейшее продолжение следует с революцией в биологии: кто я – человек или клон?»¹¹². Мы оказались в плену иллюзии, что техника решит все наши проблемы и освободит от личной дисциплины и ответственности. Даже частная жизнь превратилась в публичную, благодаря достижениям современных информационных технологий: можно не только увидеть и услышать, но и подсмотреть и подслушать и т. п. Коллаж наложенных друг на друга образов, что приводит к усиленным поискам самоидентичности и чем больше проникает в общество и нашу повседневную жизнь технический прогресс, тем больше нам хочется изменить техногенную среду и «оживить» ее. В этом плане особенно актуальной становится проблема информационной безопасности общества и личности.

Рассуждая об информационной безопасности, следует обратить внимание на такой момент, что безопасность – это одна из характеристик и один из критериев функционирования и развития социальной системы в целом. Следовательно, анализ проблемы информационной безопасности невозможен в отрыве от осмысления развития самой социальной системы, потому что существуют базовые явления социума, от которых зависит уровень безопасности общества и каждого его члена.

В данном контексте остановимся более подробно на телевизионной коммуникации и воздействии телевидения на личность. Сравнительно недавно телевизор был для многих окном в мир, лучшим другом, членом семьи: он информировал, развлекал, иногда просвещал и даже образовывал. В последние годы ситуация изменилась: телевидение присвоило себе ряд новых функций, в том числе – политических и идеологических. Телевидение превратилось в серьезную реальность. Телевизионная коммуникация втягивает человека в дела всего земного шара. Возникает новое тесное объединение людей, какое существовало в племени, в золотой век коммуникации. Преодолев племенную ограниченность, новая общность охватывает всю планету, создается

¹¹² Марков Б. В. Марков. Реквием сексуальному / Бодрийар Ж. Забыть Фуко. – СПб.: «Владимир Даль», 2000. – С. 34.

«всемирная деревня». Телевидение с его осязательностью стало разросшейся нервной системой человека: изображение на экране телевизора, не зафиксировано камерой, но воспринято (осмотрено, ошупано) нашими органами чувств. Оно втянуло в общение, сблизило между собой людей, которые в жизни никогда не встречались. Именно благодаря телевидению произошло возвращение к общению «лицом к лицу», что было во времена устной коммуникации, но совершенно на ином уровне – на уровне, когда человек как бы ошупывает, осязает изображение, но оно не повторяется буквально, а предполагается, моделируется в силу специфики электронных средств, к которым относится телевидение¹¹³. Телевидение, создав иллюзию общения «лицом к лицу», тем не менее, не предполагает взаимодействия субъектов по поводу объекта, что присуще общению¹¹⁴.

Понятийный аппарат для анализа проблем, связанных с информационной безопасностью включает два основных понятия *угроза и опасность*. Реализация концепции информационной безопасности зависит от ряда факторов и, прежде всего, от компетенции власти. Тем не менее, не все зависит только от власти, многое зависит и от самой личности. В силу собственной природы информационное пространство искажает реальное пространство. Поэтому важно, чтобы личность могла сама делать выбор, защищать себя, отстаивать свои интересы и права, при этом, не забывая о своей ответственности и обязанностях. Все большее количество каналов и изрядное разнообразие программ внутри них в своей совокупности расширяют свободный выбор, к этому стремится все либеральное сообщество.

Личность формируется и действует в обществе. Основа любых социальных взаимодействий – наличие единого критерия, совпадение ценностей. Каждый оценивает эффективность социального взаимодействия в соответствии со своими нуждами, потребностями, соотносит затраты и вознаграждение со своими личными возможностями. Выработке единых критериев и стандартов поведения во многом способствует современное телевидение. Именно его образы задают социальное пространство и социальное время, они моделируют реальность, выступая в качестве одного из важнейших инструментов идентификации личности, формируют портрет «героя нашего времени».

¹¹³ McLuhan M. *Understanding Media: the Extension of man*. – N. Y., 1964.

¹¹⁴ См.: Науменко Т. В. Социология массовых коммуникаций в структуре социологического знания // Социс. – 2003. – №10. – С. 41.

Общепризнанно, что общества без идеалов не существует, духовного вакуума не бывает, и на смену одним ценностям приходят другие. Вместе со сменой политической системы в нашей стране в начале 90-х гг. XX столетия были обозначены и контуры будущего общества – общества, где «есть все и сразу», другими словами – общества потребления. Средства массовой коммуникации стали мощными трансляторами ценностей этого общества как мирового феномена. Телевидение сразу предоставило галерею соответствующих образов: от рекламы «райского наслаждения» от обладания всевозможными вещами до героев «Бумера» и «ментов» с «Улиц разбитых фонарей», которым стали подражать во всем.

Важно отметить, что существует особенность восприятия телевизионных образов – если это показано всем, следовательно, так есть и так должно быть, возникает индивидуальный феномен – предпочтение телевизионного общения непосредственному, живому. Заняв прочное место в нашей жизни, телеэкран начинает активно влиять на нее. Любимые словечки актеров и поговорки входят в обиходную речь, имена становятся нарицательными. Мальчишки начинают играть в героев телепрограмм. Взрослые – оценивать жизненные ситуации с точки зрения новых «знакомых», подражать им в привычках, манерах, в выборе одежды и напитков. Все это оказывает влияние на формирование общественного сознания. Визуальная, звуковая и сигнальная связь позволяют жителям планеты в еще большей степени использовать все виды информации¹¹⁵; в условиях массового общества формируется индустрия сознания.

Когда сегодня мы говорим, что молодежь жестока и не желает трудиться, то возникает вопрос, а не телевидение ли 90-х гг. способствовало тому, что молодой человек желает иметь мир у своих ног, не прилагая особых усилий к достижению этого мира. Одним из главных инструментов достижения благ становятся сила и приспособленчество. Современная молодежь это дети 90-х, они просто выросли. Поэтому прежде чем клеить ярлыки на «нерадивую молодежь» следует посмотреть и на общество, ведь молодежь это зеркало общества. Дети выросли на телевизионных образах.

¹¹⁵ Mass Communication Dictionary. – N.Y., 1964. – P. X11; She Human Dialogue / Eds. F. Matson and A. Montegu. – L., 1967. – P. 190; Brzezinski Z. Between two ages. – N.Y., 1968. – P. 40.

Ведущим форматом современного российского телевидения выступают телесериалы (от «мыльных опер» преимущественно латиноамериканских к созданию своих) и игровые шоу («Слабое звено», «Кто хочет стать миллионером?», «Своя игра», «За стеклом», «Дом», «Последний герой», «Фабрика звезд» и т. п.). Идейный стержень игровых программ составляют вопросы борьбы за существование как необходимый закон жизни общества, в которой неспособные выбывают либо «уничтожаются», а выживают сильнейшие в результате естественного отбора как наиболее приспособленные. Как следствие, герой нашего времени – игрок и приспособленный человек не всегда культурный. Рождается новый Митрофанушка: «зачем работать, учиться, когда можно выиграть, а в Сети все есть». Игрок стал ведущим субъектом, приносящий в жертву любые ценности, в том числе и человеческую жизнь: можно все начать сначала, «переиграть».

Даже политическая жизнь стала превращаться в один нескончаемый сериал. Телевизионные новости показывают те события, которые наиболее значимы с точки зрения власти. Это визиты, встречи, совещания, выступления и т. п. прежде всего, властвующей элиты. Тем самым выстраивается иерархия образов, которая отражает существующую социальную иерархию¹¹⁶.

Кроме того, политика все больше превращается в игровое шоу («К барьеру» В. Соловьева, «Времена» В. Познера и т. п.). Гражданин перестает быть активным участником событий, он всего лишь зритель. Но при этом создается иллюзия участия («прямое голосование в студии», «звонок в студию», «SMS-голосование» и т. п.)¹¹⁷. Индивиды при этом не становятся активными, их действия зависят от символической политики медиа. «Дела политические также разыгрываются на своего рода пустом стадионе (такова, например, форма представительства), откуда изгнана вся реальная публика, способная на слишком бурные эмоции, и откуда не исходит ничего, кроме повторной телезаписи – обследования, кривые, опросы общественного мнения. И все это продолжает функционировать и даже овладевать нашими умами...»¹¹⁸. Не случайно все новоявленные революционеры спешат овладеть телестанциями и телестудиями. Борьба за политическую власть

¹¹⁶ См.: Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, 2003. – С. 366.

¹¹⁷ Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2001. – С. 81.

¹¹⁸ Бодрийяр Ж. Зеркало терроризма / Прозрачность зла. 2-е изд. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – С. 119.

сегодня – это борьба образов, политических имиджей. Реальные личность и деятельность политика всего лишь «информационный повод», то есть «своего рода алиби для тех, кто формирует имидж. Собственно политический процесс покинул заседания партийных и правительственных комитетов, составляющих программы реформ, распределяющих функции и контролирующих их выполнение. Покинул он и межфракционные переговоры, и партийные митинги. Политика ныне творится в PR-агентствах, в телестудиях и на концертных площадках»¹¹⁹.

Вереница телевизионных образов начинает формировать не только стандарты ценностей и образцы поведения, но и стандарты мышления, они унифицируют человека, превращают его в часть массы («я такой же, как и другие»). Только это уже новая масса – телевизионная, образная, виртуальная, анализ которой может предметом самостоятельного исследования.

Кроме того, хотелось бы обратить внимание и на такую характеристику современности, что глобальные масс-медиа превращаются в один из инструментов власти в национальных государствах, где доминировали раньше национальные политико-информационные и культурные институты. Следовательно, действующим политикам нужно найти точки соприкосновения совершенно различных по своей природе культур и выстроить между ними диалог, чтобы устранить негативное влияние глобальных медиа. В противном случае начинает формироваться новый вид неравенства – информационное, что ставит под угрозу, прежде всего, информационную безопасность личности. В этом плане необходимо вести речь о формировании продуманной информационной политики государства. Об этом говорил еще в 90-е годы XX в. итальянский писатель, философ и политический деятель У. Эко¹²⁰.

Таким образом, телевидение, вторгаясь в частную жизнь человека через своих героев, приводит к потере им индивидуальности и уникальности. Фактически сама природа телевизионных образов провоцирует формирование ситуации управления и манипулирования личностью. Начинает формироваться в буквальном смысле общество новых дисциплинарных практик, что ставит под угрозу безопасность личности вообще. Человек полагает, что он свободен в своем выборе, но выбор уже задан. Значит, в настоящее время как никогда становится

---

¹¹⁹ Иванов Д. В. Виртуализация общества. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. – С. 51–52.

¹²⁰ См.: Эко У. Под Сетью // Искусство кино. – 1997. – № 9. – С. 133–137.

ся важной роль знания, морали и права, которые должны выступать не только в качестве регуляторов поведения личности, но и как необходимые условия обеспечения безопасности личности.

И.В. Воробьев

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ДИСКУРС-АНАЛИЗ ИМИДЖА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сегодня очевидно тотальное влияние средств массовой информации и коммуникации на политику, право, экономику, идеологию, науку, эстетику, нравственные отношения, образование, воспитание и другие сферы жизнедеятельности человека. Во второй половине XX века они превращаются в силу, которая способна управлять обществом. Обращение к теме исследования обусловлено необходимостью поиска подходов к решению проблемы влияния имиджа региона на формирование условий информационной безопасности.

Виртуализация является одной из доминирующих тенденций современной трансформации российского общества. Наряду с объективной реальностью сформировалась «параллельная», виртуальная реальность. Российские регионы и в целом Российская федерация столкнулись с проблемой обеспечения информационной безопасности на всех уровнях.

Значение имиджа региона в конкурентных условиях возрастает многократно. Сегодня любой регион России находится в состоянии конкуренции не только с другими регионами РФ, но также с регионами иностранных государств. Речь идет о глобальной конкуренции территорий без относительно географической привязки и, следовательно, глобализации региональных угроз и в первую очередь глобализации информационных угроз.

Имидж как научная категория и имидж региона в частности является предметом анализа многих общественных наук. В первую очередь дискурс регионального имиджа ведется в рамках маркетинга, социологии, психологии и политологии. Эти науки рассматривают категорию с различных сторон, однако, решая свои частные научные проблемы, формируется единая теория – имиджеология.

Изначально категория имидж использовалась в научных и прикладных исследованиях как инструмент формирования положительно-

го восприятия какого-либо объекта, как одно из направлений коммуникации объекта с окружающей средой.

Однако в современных исследованиях акцент смещается от традиционного подхода в сторону осмысления имиджа как политического ресурса, способного нивелировать информационные угрозы и обеспечивать наравне с другими факторами стабильное развитие территории.

В современном научном дискурсе существует большое количество различных определений категории безопасность. Однако большинство из них можно объединить в два основных подхода.

Первый подход, условно обозначаемый как «традиционный», берет свое начало из классического понимания безопасности, данное в толковых словарях Даля и Ожегова. «Безопасность - положение, при котором не угрожает опасность кому-нибудь либо чему-нибудь»¹²¹. В рамках данного подхода безопасность трактуется буквально исходя из смысла слова как безопасность, то есть отсутствие опасности.

Закон РФ «О безопасности» определяет безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹²². В целом первый подход можно обозначить как «негативный» поскольку безопасность рассматривается как состояния, при котором опасность отсутствует, либо объект способен эффективно противостоять возникающим угрозам.

Второй подход преодолевая «негативизм традиционного подхода», вводят в рамки определения термина условия, в которых существует и развивается объект. Иващенко считает, что обеспечение безопасности «есть процесс создания благоприятных условий деятельности, процесс овладения субъектом необходимыми условиями собственного существования. Обеспечение безопасности субъекта есть создание условий, при которых реализовывались бы его интересы, осуществлялись бы поставленные им цели, в основании которых лежат его ценности. Это, в свою очередь, значит, что безопасность есть такие условия, в которых субъекты сохраняют и воспроизводят свои ценности»¹²³.

Таким образом, под информационной безопасностью будем понимать – способность субъекта либо объекта активно влиять на внешнюю и внутреннюю информационную среду с целью устранения и

---

¹²¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Екатеринбург: Урал-Советы, 1994. – С. 38.

¹²² Закон РФ О безопасности. Ст.1 www.scrf.gov.ru/documents/decree/1992_2446.shtml.

¹²³ Иващенко Г.В. О понятии «безопасность». www.portalus.ru/modules/philosophy/.

(или) недопущения информационных угроз, организации благоприятного функционирования и развития.

Эволюция факторов обеспечения безопасности региона чаще всего в научной литературе описывается как переход от «жестких», военно-политических факторов к «мягким». На сегодняшний день к числу «мягких» факторов помимо экономических относят: экологические факторы, социальную инфраструктуру, состояние и уровень развития культуры, качество менеджмента, информационное пространство, включая информационные потоки, имиджи, коммуникационные средства и пр. В этой связи на первый план в вопросе обеспечения безопасности выходит информационная безопасность.

В современных условиях глобализации человеческого общества и развития информационных технологий «жесткие» факторы продолжают играть значительную роль в обеспечении безопасности территории, однако на первый план выходят «мягкие» факторы, которые становятся доминирующими в способности региона управлять внутренней и внешней средой, обеспечивая безопасность. К числу ведущих «мягких» факторов можно отнести:

1. Имидж региона;
2. Качество менеджмента региона;
3. Уровень образованности населения;
4. Уровень развития культуры;
5. Экологическая ситуация в регионе;
6. Инвестиционная привлекательность региона и т.д.

В российском дискурсе безопасности им не придается должного внимания. Концепция и Доктрина информационной безопасности РФ не рассматривают имидж как объект защиты, также нет в данных документах среди угроз, угрозы имиджу России.

Современный дискурс формирования эффективной стратегии имиджа региона ведется в рамках двух основных направлений:

Маркетинговый подход (маркетинг имиджа)

Маркетинг это одно из ведущих направлений, в рамках которого изучается имидж территорий и в частности имидж региона. Впервые маркетинговый подход к анализу территорий был применен в США, в том числе там начало развиваться такое направление маркетинга как маркетинг территорий. В 1993 году публикуется основополагающий труд Филиппа Котлера и его коллег по Северо-западному университету Ивенстона (штат Иллинойс) – «Маркетинг территорий: привлечение инвестиций, производств и туризма в города, штаты и государст-

ва» (Marketing Places: Attracting Investment, Industry, and Tourism to Cities, States, and Nations). Эта работа актуализировала и дала толчок изучению маркетинга территорий, как на Западе, так и в России. Подавляющее большинство существующей литературы в данной области уделяет значительное внимание построению имиджа территорий. Несмотря на то, что маркетинговый подход не является достаточным при политическом исследовании имиджа региона, там более во взаимосвязи с информационной безопасностью, тем не менее, не избежать при построении теории категорий и концепций, выработанных в рамках маркетинга.

В отличие от классического толкования целей деятельности компании теоретики маркетинга территорий акцентируют внимание на том, что конечной целью маркетинговой активности территории не является прибыль. В качестве основной цели предлагается стабильное существование и развитие территории путем удержания существующих производств, недопущение оттока населения, а также привлечение инвесторов, новых производств, развитие инфраструктуры, привлечение новых резидентов и т.п. Территория, включая регион, должна эффективно взаимодействовать со средой.

В рамках маркетингового дискурса работают такие категории как: целевые аудитории, позиционирование региона, каналы коммуникации и пр.

Социально-политологический подход

Политологический подход к имиджу региона объединяет в себе несколько направлений, которые трактуют отношения в данной области не с позиции «продавец-покупатель», а пытаются представить расширенный вариант.

В первую очередь представители данного подхода понимают задачи имиджа региона более расширено, чем это принято в маркетинге. Обобщая существующие подходы к данному вопросу можно выделить следующие основные задачи:

1. Привлечение инвестиций в региональную экономику;
2. Продвижение региональных товаров и услуг;
3. Выравнивание уровня развития регионов;
4. Предотвращение (ликвидация) различных конфликтов и угроз внутри региона (социальных, этнических, религиозных и пр.);
5. Выстраивание эффективных отношений с федеральным центром и другими регионами и странами;

6. Предотвращение тенденций к распаду страны и регионов и т.п.

Конечным результатом и основной целью, интегрирующей все вышеперечисленные задачи, является стабильное развитие региона во всех сферах, повышение уровня его конкурентоспособности. Имидж региона в этой связи является инструментом управления регионом, управления региональным развитием, важнейшим ресурсом в руках региональных органов власти и органов местного самоуправления.

Ведущая роль имиджа региона как одного из регуляторов развития обусловлена принципиальными изменениями в современной жизни. Сегодня основной реальностью, с которой взаимодействует человек, становится виртуальная реальность, жизнь общества все больше зависит от информационного пространства. «Сложность и многогранность окружающего человека действительности, локализация его в определенном месте планеты, ограниченность его возможностей заставляют индивида использовать в повседневной практике все больше и больше представлений, полученных им в готовом виде через каналы коммуникации, уменьшая тем самым количество представлений, сформированных на базе непосредственно чувственного восприятия»¹²⁴.

На современном этапе человечество переживает принципиальный переход к новой реальности, которая хоть и похожа на старую реальность эпохи модерна, но, по сути, принципиально иная. В период перехода Европы от средневековья к Новому времени к эпохе модерна кардинальные изменения происходят не только в структуре общества. Экономической и политической системах, но в первую очередь в ментальном пространстве людей. Просвещение коренным образом изменило сознание человека. В эпоху средневековья мир воспринимался человеком через призму сакрализации, политика, общественное устройство, экономическая система и в целом все мироздание было сакрализовано. Просвещение предлагает принципиально иную картину мира, который становится овеществленным, политика из области божественного и недоступного простому смертному превращается в сферу жизни, как совокупность политических институтов. Любой человек может не только прикоснуться к политике, но и активно влиять, посредством института массовой демократии. То же самое происходит и с экономикой, культурой, религией, все они становятся сферами жизни человека, таким образом, мир становится реальным.

¹²⁴ Кирюнин А.Е. Имидж региона. – М., 2000. – С. 5.

В эпоху постмодерна начинается процесс развешествления мира, реальные сферы уходят в виртуальное пространство, происходит виртуализация политики, экономики, культуры, регионов и целых стран.

С одной стороны, виртуализация российского общества на первый план выдвигает вопросы обеспечения комплексной информационной защиты региона, его экономических и политических структур. Таким образом, имидж региона и имидж отдельных региональных структур (органы власти, промышленные группы, социальные программы, муниципальные образования, региональные товары и т.д.) становятся объектами, подвергающимися информационным угрозам со стороны недоброжелательных структур.

С другой стороны, имидж выступает активным инструментом формирования виртуальной реальности регионального пространства и отдельных его компонентов. Комплексная стратегия по продвижению регионального имиджа способствует помимо решения экономических проблем (привлечение инвестиций, рабочей силы и пр.) формированию благоприятного морально-психологического климата в обществе, снижению преступности, позволяет решать целый комплекс социальных проблем.

Имидж региона выступает «зонтичным брендом» по отношению к целому комплексу отдельных имиджей региональных структур. В российском научном дискурсе как правило имидж рассматривают как информационную стратегию, ядро связанное сетью ассоциативных представлений со смежными компонентами. Как правило, в качестве ассоциативных компонентов имиджа региона называют в первую очередь личность регионального лидера (губернатора субъекта РФ), а также знаковые региональные фигуры (спортсмены, политики, артисты), ведущие промышленные предприятия региона, достопримечательности, отдельные города, региональная символика и т.п.

Таким образом, современное общество характеризуется переходом к виртуальной реальности, всевозрастающим значением имиджа в научном и повседневном российском дискурсе.

На сегодняшний день нет единого и четкого представления о том, что такое безопасность и информационная безопасность в частности. В российском и зарубежном научном дискурсе доминируют два основных подхода на вопрос о сущности имиджа. Согласно первому подходу имидж рассматривается, как маркетинговая стратегия и призван обеспечивать эффективную коммуникацию между всеми участ-

никами рынка, существует на ряду с такими категориями как позиционирование региона, частно-государственное партнерство в области развития территорий и пр. Согласно социально политологическому подходу имидж это базовая информационная стратегия, информационное ядро региона, связанное множеством ассоциативных связей с ключевыми структурами региона.

В научном сообществе дискурс имидж в целом, и имиджа региона в частности продолжает трансформироваться, обогащаться новыми подходами. Постепенно происходит как качественное расширение категории, в том числе за счет рассмотрения имиджа как фактора обеспечивающего информационную безопасность региона.

М.Ю. Гутенев

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ДИСКУРС КОНФЛИКТНОСТИ ИСЛАМА

Человечество шагнуло в XXI век, в эру демократизации и расширения всеобщих прав и свобод человека. Позади две мировые войны, множество локальных и региональных конфликтов. Казалось бы, в XXI первом веке совместное сотрудничество международных организаций, всеобщее распространение демократических традиций, а также наличие огромного опыта по разрешению и предотвращению конфликтов должны не допускать развитие и эскалацию существующих на сей день конфликтов. Однако, это не так.

В современном мире большинство конфликтов, по мнению специалистов, так или иначе связаны с исламским миром.

Если взглянуть на карту нашей планеты и попробовать обозначить конфликтогенные зоны, то мы увидим, что на восточных границах исламского мира уже долгое время существует конфликт в Синьцзяне (Китай), где местные мусульмане, в основном уйгуры, выступают против власти Пекина. Если мы обратим наш взор на юго-восток исламского мира, то там уже много лет полыхает конфликт вокруг Кашмира, где местные мусульмане выступают с требованием независимости от Индии и перехода под власть Пакистана. В Африке, на крайнем юге исламского мира – в Судане, тянется бесконечная война, в которой мусульмане, преобладающие на севере страны, стремятся насильно исламизировать и поставить под свой контроль немусульманское население юга.

Если посмотреть на Европу, на западные границы исламского мира, то здесь нельзя не сказать о только слегка приглушенных конфликтах вокруг Косово и в целом на Балканах, конфликтных ситуациях на Кавказе, в Чечне и в Дагестане, не говоря уже о клубке ближневосточного конфликта. Поэтому, данная тема довольна, актуальна в современном мире.

Согласно одному из подходов причиной современных конфликтов является глобализация. Глобализация – процесс возрастания роли внешних факторов (экономических, социальных и культурных) в воспроизводстве всех стран-участниц этого процесса, формирование единого мирового рынка (рынков) без национальных барьеров и создание единых юридических условий для всех стран. Во всех сферах, которые охватывает глобализация (экономика, культура, безопасность, информационное пространство), наблюдается процесс усиления взаимозависимости и взаимовлияния. Ни одна область в современном мире не может оставаться в стороне от глобализации, и это является императивом XXI века. Перестройку сознания менталитета под глобализацию уже трудно контролировать, поскольку её плоды пустили корни в сознании целых поколений планеты в форме его американизации, или вестернизации.

Основная проблема глобализации связана с тем, что к новой системе «открытого» лишенного барьеров мира различные народы и государства подошли не одинаково подготовленными, значительно различающимися по своему экономическому, военно-стратегическому и информационному потенциалу.

Многие не западные страны видят глобализацию причиной всех своих неудач. На Востоке рассматривают понятие глобализации с двух точек зрения. Первая – глобализация как процесс всемирной унификации, считается как новая форма экономического и культурного империализма. В соответствии со второй точкой зрения глобализация является процессом вестернизации, или американизации, то есть новым колониализмом.

Глобализация международных отношений становится реальностью современного мира. Глобализация с её неперменным «расширением Запада», как победившей парадигмы человеческого развития, более эффективной, оптимальной и рациональной линии движения, вызывает сопротивление еще сохранившейся традиционной культуры на Востоке.

Восточные антиглобалисты выступают против монополизации власти и влияния могущественными, и в значительной мере безличными транснациональными силами, подрывающими традиционные самобытные основы культур наций, навязывающие народам единообразные западные духовные ценности и стандарты поведения, починяющими экономику суверенных государств интересам транснациональных корпораций.

Исламским странам брошен вызов со стороны западной массовой культуры. В этих условиях наблюдается рост самосознания представителей восточной цивилизации.

Именно духовно-нравственные религиозные истины и религиозный опыт начинают сопротивляться усреднению и унификации. И на сегодняшний день важнейшим ресурсом этого сопротивления является религия. В понимании западного мира, религия должна быть вытеснена в сферу частных интересов. Но культура Востока не допускает выделения «прагматики» в отдельную, независимую от религии сферу.

Хантингтон отмечал: «Мусульмане опасаются мощи Запада и противятся ей и той угрозе, которую она несет их обществу и их убеждениям. Они рассматривают западную культуру как материалистическую, коррумпированную, декадентскую и аморальную. Но они также понимают соблазн, который она несет, и поэтому еще больше подчеркивают необходимость сопротивляться ее воздействию на их образ жизни... Мусульмане клеймят Запад не за то, что он следует неверной религии – ведь это все же «религия Книги» – а за то, что он не имеет религии вообще. В глазах мусульман западный секуляризм, атеизм, проистекающая из этого аморальность – это гораздо большее зло, чем породившее их христианство»¹²⁵.

В качестве ответа западной глобализации выступает исламский фундаментализм. Фундаментализм есть крайне консервативное течение в современном исламе. Основными положениями исламского фундаментализма являются: объединение всех мусульман под властью «подлинного исламского правления» и борьба против гегемонии запада; абсолютизирование исламской традиции, как единственно правильной, непризнание этнических границ, культ строгих шариатских законов.

Задачи современных исламистов можно сформулировать следующим образом: «навести порядок в мусульманском мире», искоренить

¹²⁵ Воскресенский А.Д. Политические системы и политические культуры Востока. – М.: Изд-во АСТ, 2007. – 829 с.

социальную несправедливость, безнравственность и коррупцию, устранить «неправедных правителей», защититься от пагубного воздействия чуждых культурных и поведенческих моделей Запада, необходимость очищение самого ислама от вредных наслоений, возвращение к незамутненным истокам этой религии. Вернуться к «чистому, подлинному и правильному исламу», восстановить мусульманскую духовность и утвердить примат ислама.

Результатом противоборства радикального фундаментализма и западной глобализации являются на сегодняшний день террористические акты и различного рода конфликты, имеющие место на нашей планете.

Глобализация не исчерпывает всех причин конфликтов, связанных с миром ислама.

Другим подходом, объясняющим конфликтность вдоль исламского мира и внутри него являются противостояния модернизированных и немодернизированных социально-политических систем.

Термин «социально-политическая система» включает не только некоторую совокупность, государственных институтов, партий, общественных организации, конституций и действующих законов. Под социально-политической системой мы понимаем систему отношений индивида по поводу власти, собственности и труда в общем контексте традиций политического господства и управления в рамках той или иной политической и духовной культуры Востока.

На мой взгляд, причины конфликтов, полыхающих в разных регионах мира, и даже причины глобального террористического вызова, который брошен цивилизованному миру со стороны наиболее радикальных исламистских организаций, имеют под собой фундаментальные основания, коренятся в растущем противостоянии модернизированных и немодернизированных социально-политических систем.

Под модернизированной социально-политической системой рассматривается система, в которой в определенном синтезе и в определенной взаимосвязи существуют как элементы политической культуры, традиционной для того или иного восточного общества, так и мощный и в некотором смысле господствующий пласт, связанный с принятыми от стран Запада нормами, правилами и политико-культурными смыслами.

Если проанализировать все социально-политические системы восточных цивилизации, то можно прийти к выводу, что реального успе-

ха добились лишь те страны, которые прошли длинный и мучительный путь модернизации (Китай, Япония, Индия). Эти страны на сегодняшний день могут поддерживать и гарантировать устойчивое развитие и политический рост. Данные государства в процессе модернизации своей социально-политической системы ставили на первое место вопросы формирования наилучших условий для национального развития и могущества, и только на второе – сохранение традиционных принципов и морали.

Немодернизированные исламские страны менее прагматичны и более идеологичны. Трудность модернизации исламских стран состоит в том, что в исламских странах глава политической власти, согласно Корану, должен являться главой и духовной власти. Именно из-за сакрального характера власти в мусульманских странах, любые попытки модернизации системы встречают серьезные возражения со стороны всех слоев общества.

В мире по мере все большего отставания от модернизированных политических систем увеличивается разрыв между амбициями исламской политической элиты и ее реальным влиянием в мире. Исламские страны не желают играть, по сложившимся в мире правилам игры, которые установил Запад. Но амбиции и желание быть активным участником международных отношений у них остаются.

Это способствует возрастанию такой угрозы, что в исламском мире все большую популярность может получить идея вообще не участвовать в мировой игре, которая проходит по чужим правилам и в которой реализовать амбиции правящих элит крайне сложно. Отсюда и реально существующая негласная поддержка тех деструктивных сил, которые видят единственный шанс самоутверждения исламского мира в том, чтобы разрушить существующий мировой порядок и навязать миру принципиально иной, в котором исламский мир мог бы диктовать всем остальным субъектам международных отношений свои условия.

Есть точка зрения, согласно которой западные страны зачастую сами провоцируют конфликты, применяя политику двойных стандартов, то есть именно те методы в политике, которые отвергаются исламским менталитетом, особенностями их культурно-антропологического поведения; отказ от диалога с оппонентами, неравноправное отношение, отказ в признании самоценности и самодостаточности ислама для исповедующих его народов. Примером таких провокаций со стороны запада могут послужить недавние события во-

круг публикации карикатур на пророка Мухаммеда – это новое подтверждение напряженных отношений.

Проблема конфликтности исламских стран, несомненно, сложна по своему содержанию и неоднозначна в оценке. При анализе этой проблемы не стоит акцентировать внимание на одной точке зрения. Рассмотренные подходы, хоть и не являются исчерпывающими, но дают представление о данном объекте изучения с разных сторон.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В.Е. Хвощев

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

Социальная активность субъектов, являясь источником и основой всякого дискурса, сама, в свою очередь, может быть предметом дискурса и дискурс-анализа. И как по отношению к любому другому предмету дискурс социальной активности, в том числе, и ее разновидности – активности политической – крайне неравномерен во времени, по интенсивности и в качественном наполнении.

Дискурс политической активности на протяжении многих веков человеческой истории характеризуется вялым течением, бессистемными «вспышками» и скудным содержанием. Начиная со времен Конфуция, и вплоть до середины 20-го века дискурс политической активности фактически сливался с дискурсом политической деятельности, лишь в редких случаях проявляя слабые тенденции к обособлению. И только с 60-х годов прошлого столетия на возникшем по многим причинам «гребне» дискурса активности стал быстро формироваться дискурс активности политической.

Особенностью дискурса политической активности того периода является ясное осознание двух качественно различных, но тесно взаимодействующих субъектов. Как точно подметил Э.Фромм, многое в жизни людей обуславливают «жажда власти или тяга к подчинению»¹²⁶ – стремления, которые, присутствуя в любом виде деятельности, придают ей политический характер. При этом борьба за власть является активной политической составляющей взаимодействия инди-

---

¹²⁶ Фромм Э. Бегство от свободы: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. П.С.Гуревича. – М.: Прогресс, 1989. – С. 21.

видов в обществе, а реализация потребности в подчинении – также активной, но качественно иной политической деятельностью. Иначе говоря, и рвущийся к власти и стремящийся к подчинению субъекты могут быть одинаково активны в политическом отношении. Сравнение этих разновидностей политической активности сложнее, чем может казаться на первый взгляд, поскольку стремление к подчинению принято связывать с пассивностью, раболепием и осуждать как инфантильность недоразвитых индивидов. Между тем, именно этому свойству, едва ли не в первую очередь, человечество обязано прогрессивным развитием. Более того, любая власть только тогда обретает настоящую силу, когда сочетается с соответствующей готовностью подчиняться этой власти, когда «жажда власти» и «тяга к подчинению» образуют в обществе некоторое политическое единство.

В годы советской власти катализатором научного дискурса был дискурс партийный. В материалах съездов КПСС большое значение придавалось активности трудящегося населения. Выступления руководства партии содержат широкий смысловой спектр понятия активности самых разных субъектов. Трудно сказать является ли высокая частота словоупотребления активности в этих документах результатом глубокого понимания значения феномена в жизни общества и отдельного индивида или ставшей привычной данью марксизму, в трудах основоположников которого активность народных масс занимает одно из центральных мест.

Так или иначе, этот важный и пусть не всегда строго научный термин переключается из партийных отчетов в Послания российских президентов постсоветского периода. Частоту применения и богатство смысловых оттенков активности демонстрирует в своих обращениях к Совету федерации Б.Н. Ельцин, особенно – в первых из них. Уже в первом Послании президент не ограничивается призывами развивать «деловую активность», «инвестиционную активность», а констатирует «расширение мотиваций для трудовой и предпринимательской деятельности экономически активных граждан» в новых социальных условиях, что позволяет во втором Послании ставить задачу «сформировать массовый слой экономически активных и материально обеспеченных людей». Здесь же отмечается и еще одно важное обстоятельство: «люди, преодолев безразличие, начали проявлять большую политическую активность», «многие активно участвуют в политической жизни». Процесс этот Б.Н. Ельцин связывает с развитием партийной

жизни в стране, «закреплением роли партий как основных каналов политической активности, связанной с формированием власти» (Послание 1993 г.), не забывая и о роли в социальном строительстве общественных организаций: «Необходимо открыть шлюзы для активности общественных объединений» (Послание 1998 г.). Наметившееся «увеличение количества объединений и блоков является проявлением политической активности» (Послание 1999 г.) отмечал первый президент России в своем последнем Послании. «Активное пользование своими правами и свободами» (Послание 1994 г.) во внутренней жизни страны Б.Н. Ельцин призывал сочетать с активной внешней политикой, наращиванием «активного политического диалога», «активной экономической дипломатией», «активным участием в выработке принципов мироустройства» (Послание 1999 г.), учитывать расширяющийся диапазон «форм активности».

К сожалению, низкая популярность Б.Н. Ельцина приглушила его очевидный призыв к исследованию активности, не услышанный наукой. И хотя в Посланиях президента В.В. Путина отмечается необходимость «активной политики», значение «творческой активности людей», «предпринимательской активности граждан» и даже делается политический вывод о том, что «возможность трудиться и зарабатывать серьезно сократила и масштабы забастовочной активности» (Послание 2003 г.), может возникнуть ощущение затухания интереса власти к развитию активности широких масс населения. Однако реальная политика опровергает такое восприятие. Очевидно, что власть не может точно сформулировать науке свои потребности в виде социального заказа, а политическая наука не вполне готова выдвигать предложения, вызывающие интерес у власти.

Отражение интереса к активности человека (народа, трудящихся, рабочего класса, крестьянства) в главных законах нашей страны не столь заметно, как в науке, идеологии, пропаганде, однако, динамика этого интереса достаточно характерна для своего времени. Если в Конституции 1918 года можно найти лишь отдельные упоминания «об активном и пассивном избирательном праве», то в основном законе нашей страны 1924 года они полностью отсутствуют. Лишь позднее (в Конституции 1936 года) активистская терминология возвращается в юридическую лексику: «Статья 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации». Еще ниже в

той же статье отмечается, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков)». При этом соседство активности и сознательности косвенно указывает на начавшееся осмысление понятия активности как качественного феномена. Право граждан на объединение в организации для развития их активности подтверждается и в Конституции 1977 года: «Статья 51. Граждане СССР имеют право объединяться в политические партии, общественные организации, участвовать в массовых движениях, которые способствуют развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов». Особо следует отметить, что в этом документе активность представлена не только как основа гражданского и политического объединения людей, но и как человеческое свойство, имеющее самостоятельную ценность. Конституция в преамбуле «все более активное участие трудящихся в государственной жизни», Конституция рассматривает «творческую активность трудящихся» как опору государственного управления (Гл.2, ст.15), рекомендуя сочетать «единое руководство с инициативой и творческой активностью на местах» (Гл.1, ст.3). В Конституции 1993 года термин «активность» не употребляется. Разумеется, что это не означает полного отказа от надежд решения многих социальных проблем развития России за счет самостоятельности народа или полного непонимания властью значения массовой активности. Просто объективно существующее свойство личности – активность оказывается спокойнее и выгоднее для власти подменять абстрактными и неопределенными формами его проявления – самоуправлением и деятельностью гражданского общества.

Значительное развитие активистский дискурс получил в программах КПСС, особенно в варианте, принятом 1 марта 1986 года на 27 съезде. Смысловая нагрузка понятия «активность» не ограничивается в этом документе лишь количественным – усиленным, ускоренным – значением. Во многих случаях оно (понятие активности) соседствует с качественными характеристиками деятельности: «Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении»¹²⁷. Пусть на словах (то, как было на деле требует особого ана-

¹²⁷ Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат. – 1986. – С. 140.

лиза) партия нацеливается программой на «рост общеобразовательного, культурного и профессионального уровня, трудовой и общественно-политической активности рабочего класса»¹²⁸. Но самое важное, Программа ориентирует своих сторонников на «развитие политической системы, углубление демократии, социалистического самоуправления народа на основе повышения политической и трудовой активности масс, широкого вовлечения их в управление производством, государственными и общественными делами»¹²⁹.

Удивительно, но КПРФ, воспринимаемая многими как преемница КПСС, не унаследовала от бывшей могущественной партии главного – ориентации на развитие активности широких народных масс. Ее программа содержит банальные и вышедшие из употребления штампы, безнадежно устаревшие и не отражающие новых тенденций развития российского общества. Мало того, что по объему программа КПРФ в 6 раз уступает своей предшественнице, по содержанию и глубине анализа она просто несопоставима с программой КПСС. Достаточно отметить, что развитие активности масс и отдельных субъектов по сути снимается с повестки дня, подменяясь вялыми и маловразумительными лозунгами, призывающими укреплять гражданское общество.

Те же недостатки присущи программному заявлению «Единой России», которая не осмелилась определиться с полноценной программой партии. Присущи они крайне амбициозной в декларировании долженствования программе ЛДПР и активистской по сути, но не усвоившей активизма по форме программе СПС и манифесту партии «Яблоко».

Похоже, что современные партийные программы не намерены апеллировать к разуму россиян. Для этого они слишком поверхностны, малонаучны, не отражают реальной жизни, не ставят перед обществом действительно актуальных задач. Причины подобной ущербности партийной мысли лежат, по-видимому, в пренебрежении ею научным анализом современной внешней и внутренней политической ситуации, в уповании на эмоциональное восприятие населением многочисленных негативных фактов социального развития и попытках откровенного манипулирования общественным мнением. А, главное – в утрате понимания значения для процветания общества, государства, личности роста массовой социальной и политической активности населения.

---

¹²⁸ Материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат. – 1986. – С. 155.

¹²⁹ Там же, с. 183.

Активность и ее разновидности в учебной литературе являются одними из самых распространенных понятий. Правда, 8 из 10 случаев употребления этого термина несут в себе смысл внешней количественной характеристики явления или процесса, употребляются в качестве синонима ускоренной человеческой деятельности и только меньшая часть содержит показатель особого внутреннего качественного состояния объекта, его реализации в социальных отношениях, во взаимодействии с окружающей действительностью.

Российские учебники по политологии испещрены дискурсивными догадками о сути политической активности субъектов. Не могут не коснуться этой проблематики ни политологи, ни социологи, ни юристы, ни экономисты, решившие пробовать силы в разработке учебной политологической литературы. Особенно успешно элементы теории активности применяются в разделах о политическом участии и политическом лидерстве. Но и в представлениях о политике в целом нередко высказываются мысли о значении в ней активности личности, общества и государства. «Оценка политики как особой сферы активности специальной группы людей и специального способа организации жизни имеет принципиальное значение» – считает Г.А. Белов¹³⁰, а «человеческий фактор определяет меру активности политики, ее влияние на общество»¹³¹. Важную роль активности субъектов в политической жизни отмечают и другие авторы – «в самом широком смысле политические процессы есть форма политической активности общества»¹³². А в известном учебнике, опубликованном под редакцией М.Н. Марченко, подтверждается центральный активистский принцип марксизма: «человек, класс, общество в целом должны не только исходить из объективных законов и учитывать их в своей деятельности, но и активно влиять на ход событий в своих интересах»¹³³. В работе под редакцией В.Д. Первалова напоминает, что «К. Маркс и Ф. Энгельс открыли и сформулировали закон о возрастающей роли и активности народных масс в истории»¹³⁴. И если обстоятельства препятствуют этому росту, то

¹³⁰ Белов Г.А. Политология. Учебное пособие. – М.: ЧеРо. – 1999. – С. 11.

¹³¹ Там же, с. 10.

¹³² Курс политологии: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М. – 2002. – С. 268.

¹³³ Политология. Курс лекций. Под ред. доктора юридических наук профессора М. Н. Марченко. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Издательство ЗЕРЦАЛО. – 1999. – С. 68.

¹³⁴ Политология: Учебник для вузов / Отв. ред. д. ю. н., проф. В. Д. Первалов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА). – 2002. – С. 97.

социальное развитие будет испытывать серьезные трудности. «В наше время большую актуальность приобрела проблема политической активности российских граждан – утверждается в учебнике. – Углубляющийся системный кризис в обществе порождает противоречивые формы, этой активности»¹³⁵. Примечательно, что в словаре терминов, используемых в этом учебнике, многие из них определяются через понятие активности.

Вполне естественно, что современные учебники политологии насыщены стихийным дискурсом политической активности и остается сожалеть, что отсутствие философских обобщений не позволяет их авторам последовательно выдерживать логику активизма.

Дискурс политической активности в ресурсах Интернет чаще всего предстает как широко распространенный штамп, имеющий крайне неопределенную смысловую нагрузку. На многих сайтах под политической активностью понимается просто явка на выборы: выше процент пришедших на выборы – выше политическая активность населения. Но даже термин «электоральная активность» для обозначения участия в голосовании оказывается не вполне корректным, поскольку такое участие может быть обусловлено механической привычкой, своеобразно понятой обязанностью, опасениями возможных негативных последствий по служебной линии и прочими мотивами, не связанными со свободным волеизъявлением.

Среди носителей политической активности можно встретить самые разнообразные объекты – молодежь, учащиеся, работники разных отраслей, избиратели... Ими могут быть регионы, органы власти, общественные организации, политические партии... По общему мнению в сети, политическая активность является формой активности социальной, продуктом рукотворным и управляемым, ее можно повышать или «сокращать» по желанию, ее можно демонстрировать или скрывать. Она может нарастать, спадать или давать разовые «всплески», «вспышки», «выбросы». Политическую активность могут проявлять государства и целые регионы, ее можно реализовать по случаю, во время каких-то событий и сделать это непосредственно или виртуально – например, через сеть.

---

¹³⁵ Политология: Учебник для вузов / Отв. ред. д. ю. н., проф. В. Д. Перевалов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА). – 2002. – С. 54.

Как видно, не систематизированное пространство сети содержит обширный и не упорядоченный дискурс, прямо или косвенно связанный с политической активностью.

Но каковы бы ни были формы дискурса политической активности, аналитикам не обойтись без их семиотической интерпретации. И в этом направлении в отечественной науке есть забытые заделы. Простой и удовлетворительный способ количественного выражения видов социальной активности был предложен четверть века назад свердловчанами, в частности, В.Г.Мордковичем. Любой вид социальной активности, по его мнению, может быть представлен вариациями в заданных диапазонах таких признаков как участие в практической деятельности (участие-неучастие), ценностное отношение субъекта к этому участию (положительное-отрицательное), инициативностью действий (от минимума до максимума), временными затратами на реализацию данного вида активности. Группируя и суммируя полученные цифровые ряды значений видовой активности, В.Г.Мордкович определял их основные уровни – высокий, средний, низкий, пассивный.

Вполне приемлемо, сконструировал обобщенный показатель социальной активности москвич В.А.Смирнов. В его понимании формы социальной активности (производственно-трудовая, общественно-политическая активности, активность в сфере духовной культуры и быта) включают в себя три основных звена – знания, убеждения и действия, а «структура активности представляет собой сплав двух «срезов», условно могущих быть названными «вертикальным» (расчленение активности на ее структурные звенья – знания, убеждения, действия) и «горизонтальным» (деление активности на ее основные формы и виды)»¹³⁶.

К сожалению, теория активности более четверти века не разрабатывается российской наукой и практикой, а поэтому и соответствующий ей дискурс несовершенен и не создает предпосылок к развитию теории.

Так или иначе, но «...современный человек испытывает возбуждение, главным образом, от политических страстей»¹³⁷ и эти страсти должны находить выход, не в последнюю очередь, в дискурсе политической активности.

¹³⁶ Смирнов В.А. Социальная активность советских рабочих: (Некоторые методол. и социол. аспекты проблемы) – М.: Политиздат, 1979. – С. 30.

¹³⁷ Одайник В. Психология политики. Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга / Пер. с англ. К.Бутырина. – М.: ЮВЕНТА, 1996. – С. 51.

И.В. Юрченко
Южный научный центр РАН
г. Краснодар

«ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ» КАК БАЗОВЫЙ КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹³⁸

В современной России важнейшей темой обсуждения остается проблематика политической власти и обеспечения ею общественной безопасности и связано это не только с проблемами власти, как это принято считать, а, прежде всего, с мировой тенденцией интеллектуального осмысления происходящего. Любые социальные образования создаются взаимодействием людей. Во взаимодействии люди движимы волей. Воля может быть направлена на сохранение и утверждение чужой воли, а может быть разрушительной и негативной. В результате взаимодействия возникает нечто такое, что обладает значимостью для участвующих в нем. Люди действуют сообразно этой значимости.

В структуре политического дискурса можно выявить дискурс власти, дискурс публичной риторики, контрдискурс, а также сферы его соприкосновения с другими разновидностями институционального дискурса (научным, юридическим, религиозным), а также с неинституциональными формами общения (т.н. бытовой дискурс).

В определении границ политического дискурса можно исходить из широкого его понимания, т.е. включать как институциональные, так и неинституциональные формы общения. Основной функцией политического дискурса является интеграция и дифференциация групповых агентов политики (партий, этнических групп, конфессиональных объединений и др.).

С формальной точки зрения дискурс понимается как язык выше уровня предложения или словосочетания. С функциональной позиции дискурс рассматривается как употребление языка в широком социокультурном контексте. С учетом взаимодействия формы и функции

---

¹³⁸ Статья выполнена в рамках работы над проектом: «Безопасность Краснодарского края в контексте современных политических процессов в Черноморском регионе» (Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»). Подпрограмма по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе».

дискурс предлагают трактовать как «текст плюс ситуация», понимается как «речь, погруженная в жизнь»¹³⁹.

Политический дискурс является не единственным, но очень мощным фактором как воспроизводства, так и распада государственности.

Понять сущность и проявления политического возможно только при условии признания конфликтного взаимодействия различных пониманий происходящего разнородными акторами, которые в зависимости от характера понимания группируются вокруг влиятельного артикулятора своих мыслей, идей, взглядов, оценок.

У каждого такого артикулятора есть неизменное желание узурпировать право политического понимания и диктовать свои критерии демократичности и недемократичности, прогрессивности и отсталости, эффективности и неэффективности политической системы.

Борьба политических пониманий, разворачивающаяся в зависимости от того, как распределяются ресурсы (финансовые, интеллектуальные, административные) может привести общество к таким ценностным рассогласованиям, которые в конечном итоге приведут к распаду государственности, а в ином случае – к консолидации значительной части населения вокруг разделяемых ими фундаментальных ценностей.

Различные акторы политического процесса неоднозначно трактуют такие понятия как «безопасность», «угрозы безопасности», «права человека», «защищенность». Интерпретации и трактовки этих феноменов задаются противостоянием «западников» и «антизападников», что и воспроизводит ситуацию раскола в обществе. «Демонтированное», «ослабленное», «деградирующее», «расколотое» государство и тому подобные дискурсивные характеристики состояния многих политических общностей на постсоветском пространстве (да и в других регионах) говорят о кризисе государственности.

В этих условиях проблема воспроизводства государственности становится значимой в глобальном масштабе всего современного политического процесса.

В конфликтном поле политических интерпретаций, после распада советской государственности, формировались различные, в том числе и полярно противоположные, идеологические дискурсы. Угрозы дальнейшего распада политической общности заставили конструктивные силы активизироваться для того, чтобы дать адекватный с их точки

¹³⁹ Марков М. Основы теории дискурса. – М.: Гносис. – 2003. – С. 88.

зрения ответ на политические вызовы современности. Политический центризм стремится осуществлять консолидирующую функцию, он актуализируется в государственном управлении, т.к. именно государство, стремясь к социальной стабильности и правопорядку, пытается объединить «миры, существующие врозь». Череду социальных стрессов, потрясений и революционных скачков центризм противопоставил эволюционность политического процесса.

Рассматривая дискурсивное конструирование политики, можно определить, какой вид политической общности воспроизводится, какие идеи были отвергнуты или наоборот сохранены, или извлечены из забвения и выставлены на всеобщее обсуждение.

К началу XXI века в научном и политическом дискурсе все чаще на первый план выдвигается проблема государственности, государственного суверенитета. Речь идет о таких новых вызовах безопасности, как распад или, по крайней мере, эрозия Вестфальской системы мира, замещение функций государства, как политического института, ролью новых «единиц» политического, в т.ч., и международного, взаимодействия таких, как неправительственные организации, транснациональные корпорации и т.п. Высказывается мнение, что государство теряет свои властные полномочия, отдавая их международным организациям или внутригосударственным регионам, что правовое государство как поздняя форма властного социального института знаменует его закат. В статье В. Зорькина «Апология Вестфальской системы» утверждается, что Вестфальскую систему атакуют по двум направлениям. Во-первых, права человека и права нации на самоопределение противопоставляют принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. Во-вторых, национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации¹⁴⁰. Проблема деградирующей государственности активно обсуждается и за рубежом, и в российских печатных изданиях. Так, летом 2005 г. была заявлена тема технологии разрушения государства в статье «Три слоя лжи»¹⁴¹, в которой высказывается предположение, что «государственная фаза человеческого общежития есть некоторый эпизод человеческой истории»¹⁴². Профессор Свободного Берлинского

¹⁴⁰ Российская газета. 22 августа 2006 г.

¹⁴¹ Главная тема. Общ. пол. ежемес. журнал. – №6. – 2005. – С. 4–15.

¹⁴² Галковский Д. Три слоя лжи. Технология разрушения государства // Главная тема. – №6. – 2005. – С. 14.

университета Томас Риссе утверждает, что несостоятельные государства становятся главной проблемой международных отношений, так как почти в 60% современных стран мира государственная монополия на использование силы осуществляется лишь в урезанном виде. К кризисным регионам мира, кроме африканских, азиатских и латиноамериканских стран он относит регионы на периферии России¹⁴³. Рынки насилия и гражданские войны угрожают стабильности не только этих регионов, но и международной безопасности в целом. Австрийский исследователь М. Малек, рассматривая причины распада государств со второй половины XX века, акцентирует внимание на новой, по его мнению, тенденции «исчезновения государств с политической карты мира», – когда государственные институты и общество – расшатывались внутренней силой, например этносепаратистскими движениями¹⁴⁴. Констатация распада, раскола, разрушения государственности показывает наличие внутренних и внешних угроз системному равновесию политической институционализации. Что же касается механизмов воспроизводства государственности, в литературе эта проблема освещается недостаточно. Обычно понятие «воспроизводство» используется в экономической науке. Однако этот термин, на наш взгляд, может быть применен и для политологического исследования.

В широком смысле слово «воспроизводство» означает приобретение социальной системой способности создавать условия и предпосылки своей собственной дальнейшей жизнедеятельности, воссоздание более совершенных условий для трудовой деятельности, комфортного жизненного пространства и обеспечения растущих потребностей населения.

В политическом контексте «воспроизводство» это сохранение самодостаточности развития общества, как суверенного государства, политического организма полноценно развивающегося на основе осознания гражданами своих возможностей в использовании собственной политической воли в процессе рационального распоряжения интеллектуальными и природными ресурсами страны, в целях укрепления позиций в мировом сообществе и возобновления политических

---

¹⁴³ Internationale Politik. – №5. – 2005. – М.: Изд-во МГУ. – С. 54.

¹⁴⁴ Малек М. Распад государств и его значение для международных отношений (категории и метод теоретического анализа) // Вестник Московского университета. Политические науки. Серия 12. – 2006. – №3. – С. 84.

возможностей для защиты интересов каждого гражданина и единой политической общности – государства¹⁴⁵.

Чем более поведение институционализировано, тем более предсказуемым, а значит и контролируемым оно становится. Сам по себе феномен государственности коррелирует с понятием управляемости. При этом государственность – это явление, прежде всего, ментального порядка. Поэтому проблема ослабленной государственности должна решаться и с помощью механизмов дискурсивного конструирования реальности¹⁴⁶.

Устойчивое социально-экономическое и политическое развитие общества может быть доминантной мотивацией социально ответственной элиты. Однако оформление института партии парламентского большинства сделало «Единую Россию» очень привлекательной нишей для т.н. «рутинизации харизмы» (Д. Кола) той части правящего класса, которая стремится любой ценой сохранить свою власть, даже если она неэффективна, а порой и коррумпирована. Деградирующая государственность – это не мимолетный феномен, а процесс, имеющий свою логику, динамику, причинную обусловленность и следствия. Тщательное исследование этого процесса требует систематического отслеживания симптомов деградации.

Необходимо упреждать эти угрозы, в первую очередь на основе критического анализа деятельности региональных элит и бюрократического центра, опираясь на принципы демократической делиберации и разрабатывая механизмы социально-политической и экономической безопасности государства.

Так, например, вызовы и угрозы региональной и национальной безопасности на Юге России актуализировались в процессе глубокой этносоциетальной трансформации и разрушения социального порядка, одним из аспектов которого стало противоречивое взаимодействие этнической и религиозной мобилизации с демократическими реформами.

Важнейшим фактором региональной безопасности является политическая стабильность – «динамическое состояние отношений как

¹⁴⁵ См. Ильин Н.И. Воспроизводственная структура: понятие и содержание // Власть. – 2006. – №8. – С. 44–46.

¹⁴⁶ Юрченко И.В. Дискурсивное конституирование политики по обеспечению региональной безопасности // Дискурсология: методология, теория, практика. Доклады Первой Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи». – 2006. – С. 168–169.

внутри страны, так и за ее пределами, которое позволяет социально-политической системе (ее подсистеме – национальной безопасности) сохранить свои качественные базовые характеристики и основные направления и тенденции развития. Критерием внутривнутриполитической стабильности является уровень сбалансированности групп общества, государства и всех его граждан»¹⁴⁷.

Главным в обеспечении системы национальной безопасности были и остаются задачи предупреждения и отражения внешних угроз. Но со второй половины 90-х годов XX века, когда начинается переход от этнической мобилизации к этнической реконструкции, важнейшим фактором обеспечения региональной и национальной безопасности становится стабилизация этносоциальной структуры общества, ее институциональной системы, социального порядка, выработка и артикуляция общенациональной системы ценностей, учитывающей многонациональную и поликонфессиональный состав населения России и ее органичной части – южнороссийского региона.

Внутриполитическая стабильность как условие региональной и национальной безопасности может быть обеспечена поддержанием баланса интересов различных социальных и национальных групп. Исследователи выделяли следующие основные современные проблемные блоки политического процесса, влияющие на состояние динамического развития политической системы: конституционные проблемы, экономические проблемы, проблемы власти, культурные проблемы¹, которые определяют содержательную сторону политической риторики и характеризуют тематизацию дискурса государственности.

Важнейшим ресурсом, на наш взгляд, является и т.н. «символический капитал», включающий в себя аксиологический аспект социокультурной динамики общества в глобализирующемся в конфликтном мире. На сегодняшний день осуществляется попытка реализовать социальный проект воспроизводства государственности в соответствии с центристской политической программой. Идеология центризма опирается на интерпретацию культурного разнообразия мира (в т.ч. и Российского общества) и постоянного культурного взаимодействия, обмена информацией и перевода феноменов одной культуры на язык другой, противопоставит крайним этноцентризму и космополитизму, т.е. различного рода абсолютизации и гипертрофирования какой либо идеи.

¹⁴⁷ Кротов Д.В. Политическая безопасность России: проблемы обеспечения в Южном федеральном округе. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 139.

Эффективным механизмом воспроизводства государственности в параметрах дискурса власти является деятельность политических партий, которые должны являть собой борьбу политических пониманий, производство смысла, ценностей и целей.

Политический дискурс всегда имеет конфликтный и интеграционный потенциалы, возможность дифференциации которых обеспечивает перераспределение центров власти и управление конфронтационными процессами в обществе. Появление на политической «сцене» новых субъектов, новых политических блоков, фракций, политических партий изменяет расстановку политических сил и вносит в политический дискурс дополнительное разнообразие: иные аспекты значимости ряда социальных проблем. Эффективная политика – это всегда такое управление конфликтными взаимодействиями в обществе, которое отражается в политическом дискурсе, как наиболее влиятельная идеология, «политическая формула», подтверждающая легитимность властной элиты, стремящейся к сохранению сложившейся институциональной структуры, включающей усилия по воспроизводству государственности.

Как показывает исторический опыт, государство, в зависимости от характера реализации им комплекса имманентных функций, может являться основным механизмом обеспечения безопасности, создающим определенный уровень защищенности общества и его граждан от внешних и внутренних угроз. А с другой стороны, возможны такие метаморфозы власти, которые сами создают угрозы личной и общественной безопасности. В реальных социальных условиях понимание роли конкретного государства парадоксальным образом объединяет прямо противоположные смысловые значения и оценки, которые распространяются в массовом сознании, т.е. коммуникационные процессы, создают особую социальную среду, укрепляющую или разрушающую политические структуры и институты.

А.Г. Исаева

Казанский государственный энергетический университет

г. Казань

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА В АНАЛИЗЕ ЯВЛЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

С началом XXI в. стал формироваться новый социально-политический порядок, основывающийся на знании. Проблема заключается в том, что политика любого уровня не может осуществляться без соответствующего знания, информационного сопровождения и научного обоснования. Профессия политика включает в себе способность принимать решение в пользу той или иной программы действий, брать на себя ответственность за выбор и действовать в соответствии с принятым решением, так как политическая управленческая активность требует профессионализма. Прежде всего, это связано с тем, что политическая сфера – сложное, многоуровневое, быстро меняющееся явление, представляющее собой определяющее начало в жизни государства, общества и самой личности. Перемены в ней означают не столько переход от одного качества к другому, сколько показатель того, что возникают такие общественно-политические отношения, которые ориентированы на перемены. Во многом данное обстоятельство и объясняет особое внимание к изучению мира политического со стороны научного сообщества.

В настоящее время рост теоретического знания имманентно способствует тенденции к расширению и смещению границ отдельных гуманитарных наук. Многие специалисты в области политической коммуникации придерживаются позиции, согласно которой политическое мышление, политическое действие, языковая форма тесно переплетены и взаимодействуют друг с другом. Данное направление повлияло на возрастание интереса к изучению анализа феномена политического дискурса. Дискурс выступает объектом исследования не только лингвистов, психологов, социологов, философов, экономистов, но и политологов, что свидетельствует о междисциплинарном характере предмета рассмотрения. Политическая реальность образована осмысленными, логически последовательными действиями людей, или политическими дискурсами. В рамках такого дискурса действия и слова являются, своего рода, знаками, за каждым из которых закреплён определенный смысл. Важно установить связь между политическими

действиями и смыслами. Посредниками в этом исследовании выступают слова, при помощи которых политики и политологи могут вывить суть вещей.

В литературе, наряду с категорией «политический дискурс», используются также понятия «общественно-политическая речь», «язык общественной мысли», «политический язык», «политическая коммуникация», «политический диалог». Подобное терминологическое разнообразие порождает определенную путаницу, не смотря на то, что, в принципе, все эти понятия синонимичны. Суммируя типологические характеристики употребляемых терминов, можно сказать, что «политический дискурс» – это совокупность всех дискурсивных практик, которые характеризуют участников политического дискурса как таковых или образуют определенную тематику политического взаимодействия. Политические действия находят свое выражения в словах, поэтому изучение действий – это, в первую очередь, анализ слов. Спектр языкового материала здесь достаточно многообразен. Это могут быть резолюции, заявления, выступления политиков, политических обозревателей, аналитиков, публикации СМИ, материалы специализированных изданий на различные темы, затрагивающие политическую тематику.

Участников любого политического дискурса можно разделить на агентов и клиентов. Их взаимодействие не носит личного характера, но, тем не менее, выстраивается в диалог. Первые играют активную роль в политической коммуникации, а вторые обращаются к агентам, выступая в качестве представителей общества в целом.

Особо следует подчеркнуть, что язык политики не тождественен языку быденного общения. Его специфика заключается не столько в использовании каких-либо особенных формальных средств, сколько в несколько своеобразном изменении соотношения между означаемым и означающим. При таком преобразовании единицы хорошо знакомого речевого языка получают порой необычную интерпретацию и, как следствие, многие хорошо известные феномены социально-политической сферы перестают называться своими именами. В ходе работы с политическим текстом может быть выявлен его неэксплицитный смысл, отличный от буквального и, что особенно показательно, противоположный ему. В этом смысле политический дискурс лишь тогда становится собственно политическим, когда он сопровождает конкретный политический акт в определенной политической обстановке. Именно при таком условии политический дискурс начинает вы-

ступать в качестве инструмента мониторинга многообразных изменений и тенденций, происходящих в сфере политики.

Изучение политического дискурса позволяет проникать в существо происходящего, понять смысл, направленность и целесообразность действий в мире политики; тем более, что в процессе анализа происходит не только описание самого объекта политики, но и его авторское конструирование. В исследовании интересующего нас фактического материала через фокусирование внимания на отдельно взятых ключевых моментах, единицах анализа, имеющих определенную символическую направленность, можно выявить скрытые отношения, взаимодействия явлений, объясняющие событийные политические ряды; активно воздействовать на них, решать возникающие проблемы и предотвращать появление нежелательных политических тенденций.

В наиболее концентрированном виде содержание политических процессов находит свое проявление в сфере политической власти и властных отношений. Именно здесь приобретают свое политико-правовое оформление нормы и ценности политической системы, выдвигаемые политическим режимом социальные идеалы и установки, становятся законодательно выраженными и закреплёнными экономико-политические характеристики общественного развития.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что политическая реальность, конституирующая политический дискурс, не статична. Политический дискурс не является простым рассуждением о политических реформах. Он представляет собой построенную по специфическим правилам систему суждений о социально-политической действительности. Поле политики – это место конкурентной борьбы, целью которой является монополия, социально признанная за определенным индивидом способность полномочно и авторитетно говорить и действовать. Политическое пространство складывается из взаимоотношений участников коммуникации, позиции которых образуются вследствие неравномерного распределения ресурсов, необходимых агентам и клиентам для деятельности. Политический дискурс устанавливает связь между действующими лицами политического процесса и выявляет внутренние схемы их действий.

М.И. Мирошниченко

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск

ГЕНДЕРНЫЕ ДИСКУРСЫ:

ФОРМИРОВАНИЕ ИЛИ ДЕФОРМАЦИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ?

Дискурсивность научного мышления в противоположность некритичности религиозного, синкретичности мифологического мышления или интуитивности воспринимается с позиций формальной (элементарной, двузначной) логики как одно из основных достижений современной цивилизации. При этом главным критерием дискурсивности считается степень логичности мышления, то есть его логичной непротиворечивости – степень соблюдения (или несоблюдения) в процессе рассуждения законов тождества, противоречия (или непротиворечия), исключенного третьего, закона достаточного основания; правил деления или определения понятий; правил посылок, терминов, общих правил построения простого категорического силлогизма, закона обратного соотношения между объемом и содержанием понятия и т.п. При этом в процессе обращения к той или иной проблеме выясняется, что ряд основополагающих понятий, которыми оперирует научная мысль, относятся к группе трудноопределимых понятий или же понятий с открытым объемом. К подобным понятиям наряду с терминами «культура», «цивилизация», «тоталитаризм», «партия», «государство», «нация», «этнос», «культурно-исторический тип» «рынок» и рядом других принадлежат и понятия «мужчина» и «женщина». Однако мужчины и женщины исчерпывают собой множество понятия «электорат», столь важного при выработке стратегии и тактики политических партий в современном российском обществе. При всей дискуссионности проблемы советского наследия ясно выступает в числе наиболее сложных задач современной политики необходимость преодоления несбалансированности демографических процессов. В этих условиях важно определиться, какими понятиями следует оперировать, разрабатывая ту или иную политическую стратегию, – понятиями «люди» («люди вообще») или понятиями «мужчины» и «женщины». Что означает на самом деле понятие «пол» и насколько «бесполой» может быть проводимая политика, возможно ли вообще разрабатывать внутреннюю политику без учета полоролевых особенностей – это вопросы,

которые требуют своего разрешения в политологической мысли, поскольку мужчины и женщины выступают также объектами и субъектами политики. Опираясь на понятия «мужчина» и «женщина», «пол», важно не только понимать их значение и смысл, но и учитывать особенности каждого пола и каждого рода пола.

В настоящее время в предлагаемых в России политических стратегиях преобладает нормативный подход, определяющий «как должно быть». Но политическими субъектами, как и объектами политического воздействия, выступают реальные мужчины и женщины. При этом субъектами политики, принимающими решения, являются в большинстве своем мужчины. Если в 1980–1985 гг. в Верховном Совете РСФСР женщины составляли 35% депутатов, а в местных Советах – 50% депутатов, то в Государственной Думе созыва 1993 г. – 11,4%, а в Государственной Думе созыва 1996 г. – 12,7%¹⁴⁸. Откровенно маскулинный характер носит в нашем государстве политика по отношению, к примеру, к одиноким матерям.

Насколько дескриптивны требования, предъявляемые к современным мужчинам и женщинам в реальной жизни? Дескриптивные науки изучают то, что есть. Семейные роли в современной семье существенно изменились. Растет число распадающихся браков. Растет процент одиноких матерей и детей, рожденных вне брака. Ушло в прошлое время, когда рождение детей вне брака было позором. Насколько соответствуют воспитательные каноны, основные пропагандируемые ценности реальному положению дел? Все это определяет актуальность постановки проблем сущности и влияния различий в способностях, мотивах, поведении мужчин и женщин, их обусловленности биологическим или социальным. Теоретическая недооценка пола, как отмечает И.С. Кон, практически оборачивается тем, что традиционно мужские свойства и образцы поведения выдаются за универсальные..., что мешает пониманию специфических проблем женской половины человечества и противоречит принципу равенства полов...»¹⁴⁹.

Во второй половине XX века появилось новое направление гуманитарных исследований – так называемая гендерная парадигма. При этом проведено различие между понятиями «пол» и «гендер». Когда

¹⁴⁸ Серегина, И. Н. Профессиональная карьера / А. Н. Серегина // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 78.

¹⁴⁹ Кон И. С. Введение в сексологию. – М., 1988. – С. 47.

говорят о биологических различиях между мужчинами и женщинами как индивидами, то используют термин «пол» (в контексте понятия «половой диморфизм»; в англоязычной литературе этому соответствует термин «секс»¹⁴⁹). Когда имеют в виду социокультурную или психосоциальную роль мужчин и женщин как личностей, то чаще всего говорят о гендере, гендерных различиях. Но и в западной и в российской науке вопрос о терминологии далеко не разрешен, поскольку разными исследователями (зачастую одновременно) даются различные определения понятия «гендер».

Гендерный [*англ. gender* род, пол] – это специальный термин, обозначающий «связанный с различиями людей по полу»¹⁵⁰.

Гендер – это биологическое различие между мужчинами и женщинами (существует два биологических пола: самец и самка). И здесь же – гендер (в социологии) относится к социально-психологическим, социальным и культурным атрибутам, разделяющим людей на категории «мужской» и «женский» (есть два социально-культурных пола: мужчина и женщина)¹⁵¹.

Гендер – это система отношений и взаимодействий, образующих фундаментальную составляющую социальных связей, имеющая элементы одновременно устойчивости и изменчивости и являющаяся основой стратификации общества по признаку пола, иерархизации его представителей¹⁵².

Гендер (социальный пол) – комплекс соматических, репродуктивных, социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины и женщины¹⁵³.

---

¹⁴⁹ При этом следует учитывать, что термин «секс» воспринимается при русскоязычном переводе как обозначающий половое поведение, а не пол. (См.: Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчин и женщин / Е. П. Ильин. – СПб, 2006. – С. 12).

¹⁵⁰ Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин / отв. ред. Н. Еремина. – М., 2007. – С. 188.

¹⁵¹ Социология: учебник / Ю. Г. Волков, В. И. Добренков, В. Н. Нечипуренко, А. В. Попов. – 2-е изд. – М., 2002. – С. 477.

¹⁵² Пушкарева, Н. Л. Проблема институализации гендерного подхода в системе исторических наук и исторического образования // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей / под общей ред. В.И. Успенской. – Вып. 2. – Тверь, 2002. – С. 21–22.

¹⁵³ Петрова, Р. Г. Гендерология и феминология: учебное пособие / глав. Ред. А.Е. Илларионова. – 3 изд. – М., 2007. – С. 190.

На наш взгляд, гендер – это социально конструируемый пол, представляющий собой совокупность социально-психологических, социальных и культурных атрибутов, разделяющих людей на являющиеся культурно и исторически относительными категории «мужской» и «женский».

Введены понятия «гендерная роль», «гендерная идентичность» и «гендерная идентичность»; «гендерный статус».

Гендерная роль – это набор культурных ожиданий, определяющих те модели поведения, которым должны следовать представители каждого пола; гендерная самоидентификация – это наше представление о себе как о мужчине или женщине; гендерная идентичность – это представления людей о самих себе как о мужчинах или женщинах¹⁵⁴. На наш взгляд, гендерные роли – это совокупность действий, которые должен выполнить человек, зависящие от его принадлежности к социально конструируемому полу (это требования или ролевые предписания, ролевые ожидания соответствующего поведения), а также ролевое исполнение (поведение человека – то есть совокупность действий, которое выполняет человек); оценку выполнения предписаний и санкции (то есть социальные последствия действия в рамках требования социального статуса). Гендерный статус – в социологии: социальный статус человека, обусловленный его полом¹⁵⁵.

Таким образом, существенными признаками гендерного называют либо пол, либо социально конструированный пол. Однако имя «пол» носят несколько предметов. Выделяют различные виды пола. Гонадный, истинный пол – это пол, который идентифицируется по основному показателю половой принадлежности – гистологическому строению половой железы; гражданский пол (паспортный, акушерский, аскриптивный пол) – это официально регистрируемый пол; определяется при рождении и выводится непосредственно из морфологического пола (как правило, определяет пол воспитания)¹⁵⁶. Генетический (гаметный) пол (женский генетический пол –

¹⁵⁴ Социология: учебник / Ю. Г. Волков, В. И. Добренков, В. Н. Нечипуренко, А. В. Попов. – 2-е изд. – М., 2002. – С. 283, 285, 477.

¹⁵⁵ Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин / отв. Ред. Н. Еремина. – М., 2007. – С. 188.

¹⁵⁶ См.: Словарь сексологических терминов и понятий // Сайт «Неврология: Служба информации»: < <http://www.heuro.net.ru/bibliot/b003/index.html>> Словарь терминов / Сексология. Персональный сайт Игоря Семеновича Кона: < <http://sexology.narod.ru/>.

гомогаметный, определяемый XX-хромосомами; мужской генетический пол – гетерогаметный, определяемый XY-хромосомами). Гормональный пол – это пол, возникающий в эмбриональный период, когда у зародыша в 3 месяца яички начинают продуцировать мужской половой гормон тестостерон (андрогены). Есть внутренний морфологический пол (дифференциация внутренних репродуктивных органов) и внешний морфологический пол (определяемый по строению наружных гениталий, а также особых нервных механизмов, так называемых «половых центров», которые в дальнейшем регулируют маскулинное или феминное поведение человека)¹⁵⁷.

В большинстве гендерных исследований речь постоянно идет о воспринимаемых, а не о действительных различиях между полами. И в основном через призму социопсихических и социокультурных особенностей пола рассматривается положение только женщины. В англо-саксонских странах понятия «феминистские исследования», «гендерные исследования», и «исследования по проблемам женщин» часто считаются синонимами.

Во многих публикациях, особенно зарубежных, явно наблюдаются односторонний подход, объясняющий имеющиеся различия в положении мужчин и женщин, в способностях и поведении мужчин и женщин только воспитанием и социализацией. Вследствие этого при изучении различия между полами в гендерной психологии и социологии, а за ними и в гендерной истории главное внимание уделяется в основном обсуждению социального неравенства женщин. Хотя и не отрицающаяся роль биологических различий в большинстве работ при этом оттесняется на второй план. Однако различия в поведении мужчин и женщин следует искать не только во влиянии психологических и социальных установок общества, но и в биологических различиях, в том числе гормональных, центрально-нервных, морфологических.

Как бы ни влияло общество на формирование поведения людей разного пола, первоисточки этих различий, согласно психофизиологии, следует искать в биологической предназначенности мужчин и женщин. Не случайно изучением этой проблемы занимаются не только дисциплины гуманитарного профиля: психология, социология, философия, этнография, культурология, история и правоведе-

¹⁵⁷ Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчин и женщин / Е. П. Ильин. – СПб, 2006. – С. 18.

ние¹⁵⁸, но и многие дисциплины биологического профиля: генетика, эндокринология, эмбриология, эволюционная биология, физиология, нейрофизиология и др.¹⁵⁹ Значительная часть представителей западной науки, стоящих на гендерных позициях, стремятся доказать равные возможности мужчин и женщин. Главной темой литературы по половым различиям, выходящей в мире в огромном объеме (до 1,5 тысяч работ в год) является изучение гендерной роли женщины в разных социумах. Ведущее положение в изучении этой проблемы принадлежит американским исследователям, издающим в большом количестве монографии и учебники по гендерной психологии и социологии. Появились специализированные журналы. Так, в США начал издаваться междисциплинарный журнал «Sex Roles» («Половые роли»), *Journal of Gender, Culture and Health, Psychology of Women Quarterly*. В нашей стране работают Московский центр гендерных исследований при поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (проводит исследования в рамках проекта «Аналитико-информационный ресурсный центр для сообщества экспертов по гендерному равенству») и Тверской Центр женской истории и гендерных исследований (в котором разработан и осуществляется проект «Интеграция женских и гендерных исследований в университетское образование», в рамках этого проекта при поддержке благотворительной организации Институт «Открытое общество (Фонд Сороса)» издаются сборники научных

¹⁵⁸ Кон, И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей // Соотношение биологического и социального / И. С. Кон. – М., 1975; Каган, В. Е. Стереотипы мужественности – женственности и образ «Я» у подростков В. Е. Каган // Вопросы психологии. – 1989. – № 3. – С. 65–69; Этнические стереотипы мужского и женского поведения / под ред. А. К. Байбурина, И. С. Кона. – СПб., 1991; Хамитов, Н. Философия одиночества: Одиночество мужское и женское / Н. Хамитов. – Киев, 1995; Семина, Н. Э. Гендерная идентификация как психологический механизм регуляции поведения (на примерах подростков): Дис. ... канд. психол. наук / Н. Э. Семина. – Хабаровск, 2003; Шамсутдинова, М. О. Гендерная парадигма в контексте культурологического анализа процессов социокультурной самореализации современной российской женщины: Дис. ... канд. культурологических наук / М. О. Шамсутдинова. – Челябинск. 2005; Гапова, Е. Пол и право / Е. Гапова // Дайджест теоретических материалов информационного листка «Посиделки»: 1996–1998 гг. – СПб., 1999; Завадская, Л. Н. Гендерная экспертиза Конституции России и практики ее применения (1917–2000) / Л. Н. Завадская // Гендерная реконструкция политических систем / ред.-сост. Н. М. Степанова, Е. В. Кочюна. – СПб., 2004. – С. 423–455.

¹⁵⁹ Геодакян, В. А. Дифференциальная смертность и норма реакции мужского и женского пола: Онтогенетическая и филогенетическая пластичность / В. А. Геодакян // Общая биология. – 1974. – Т. 35. – № 3. – С. 376–385; Еремеева, В. Д. Девочки и мальчики – два разных мира / Д. В. Еремеева, Т. П. Хризман. – СПб., 2001.

трудов «Женщины. История. Общество»). Создан Центр гендерных исследований при Владивостокском государственном университете экономики и сервиса. В Украине работает Харьковский центр гендерных исследований¹⁶⁰. Широко распространены кросскультурные исследования женских гендерных ролей.

Соединение феминизма и гендерного подхода происходит на основе того, что в феминизме рассматривается не опыт пола, а опыт рода (англ. gender – не биолого-анатомические, а культурно-психологические особенности пола), поскольку практически проявления пола и биологическая сексуальность существуют только как продукт «очеловеченных взаимодействий». Согласно феминизму, приписывать родовые представления, присущие данной культуре, самой «природе человека», его половым характеристикам – это значит некритично принимать ряд скрытых посылок, восходящих к патриархальному типу культуры. Одна из ведущих исследователей гендерной тематики в истории России Пушкарева Н.Л. считает разделение гендеристов (гендерологов) от феминистов (феминологов) лишь стремлением уберечься от лишних нападков. По ее мнению, быть гендеристом, не будучи феминистом, невозможно¹⁶¹. Введение термина «феминизм» в название новых направлений, например, киберфеминизм, экофеминизм, расширяет сферу внедрения проблематики пола/гендера, вводит ее в новые отрасли знания.

В рамках эволюционистского направления изучение половых различий осуществляется в психологии. Эволюционисты рассматривают многие из таких различий, как функционально заданные природой: раз эти различия есть, значит, они нужны с точки зрения эволюции вида. Расширяется круг наук, предметом исследования которых становятся гендерные стереотипы. В круг этих наук вошла дифференциальная психофизиология, с позиций которой различия между мужчинами и женщинами в способностях, поведении, профессиональной деятельности и семейной жизни есть комплексная психофизиологическая проблема, включающая в себя биологические, психологические и соци-

¹⁶⁰ См.: <http://www.gender.univer.kharkov.ua>.

¹⁶¹ Пушкарева, Н. Л. Проблема институализации гендерного подхода в системе исторических наук и исторического образования / Н. Л. Пушкарева // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей / под общей ред. В. И. Успенской. – Вып. 2. – Тверь, 2002. – С. 21.

альные аспекты¹⁶². При этом поднимается и проблема объективности подобного знания. По словам И.С. Кона, женщины не могут судить о женской психологии, потому что они пристрастны, а мужчины – потому что они некомпетентны¹⁶³. Следует согласиться с Е.П. Ильиным в том, что это же самое можно сказать и относительно суждений мужчин и женщин о мужской психологии, только в роли пристрастных будут выступать исследователи-мужчины, а в роли некомпетентных – исследователи-женщины¹⁶⁴. Задачей гуманитарных наук, и истории в том числе, является выявление и исследование именно социальной составляющей этой проблемы.

Какие тенденции преобладают в российском обществе? Какова природа мужчин и женщин? Что необходимо обществу, чтобы вырастить настоящего мужчину? Каково содержание понятия «настоящий мужчина» и «настоящая женщина», а ведь оно, безусловно, конкретно исторично, как и понятие «красота». Какой образ настоящих мужчин и женщин есть в сознании россиян, какую политику ведут реальные «дескриптивные» мужчины и женщины? Ответить на этот вопрос – задача современных российских ученых.

В настоящее время в западной культуре, и, прежде всего в США, в средствах массовой информации осуществляется целенаправленное формирование образа маскулинизированной женщины. Ряд гендерных исследований привносит характерное для американского опыта рассмотрение женщин как социального меньшинства. Распространяется идея исторического понимания женщины как подавляемой социальной группы. Женщины оцениваются как социальная оппозиция полу мужчин. При этом материнство понимается как однопорядковое явление подчинению мужчинам и рассматривается не более как социальная роль, сконструированная и наложенная обществом.¹⁶⁵ Наблюдается в жизни и тенденция феминизации мужчин, формирование пассивного

¹⁶² Кимура Д. Половые различия в организации мозга / Д. Кимура // В мире науки. – 1072. – № 11–12. – С. 73–80; Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчин и женщин / Е. П. Ильин. – СПб, 2006.

¹⁶³ Кон, И. С. Введение в сексологию / И. С. Кон. – М., 1988. – С. 10.

¹⁶⁴ Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчин и женщин / Е. П. Ильин. – СПб, 2006. – С. 8.

¹⁶⁵ См.: Келли, Д. Социальные отношения полов и методологическое значение истории женщин / Д. Келли // Женщины. История. Общество: Сборник научных статей / под общей ред. В. И. Успенской. – Вып. 2. – Тверь, 2002. – С. 28–29. Работа издана в 1984 г., переведена Е. Лучининой и В. Успенской.

считающегося феминистским типа личности – это ли не результат деформации, гендерных перекосов?

Диалектическое противоречие проблемы самостоятельного материального благополучия женщины в том, что такие женщины, способные жить независимо от заработка супруга, предпочитают (в представлении общества) не связывать себя брачными узами.

Каково же содержание семейной политики? На различных этапах общества отношение к женщине было различным. Общество объективно ждет от женщины выполнения в первую очередь ее репродуктивной функции. Когда репродуктивная дисфункция в силу исторической специфики становится наиболее явной, общество идет на крайние меры и отказывается в отношении женщины от ряда христианских или демократических ценностей. Подтверждениями могут служить известная политика гитлеровской Германии («Женщина, роди фюреру арийца»); поворот в отношении политики по отношению к семье, произошедший в 1930-е годы в советское время, запрещение аборт и т.п.; политика после окончания Второй мировой войны в ФРГ, когда было разрешения двоеженства с тем, чтобы восполнить демографический пробел. И в переломные моменты и в период стабилизации от женщины требовалось главное – рожать (налогоплательщиков, воинов, государственных мужей, других матерей, работников).

Пренебрежение психофизиологическими различиями между мужчиной и женщиной при разработке политики государства есть игнорирование являющихся половозрастными онтогенетических¹⁶⁶ характеристик личности.

Разработка политики невозможна без дифференциации половых ролей и стереотипов мужественности и женственности, отражающих различия в предназначении и психике мужчин и женщин. Электоральная политик должна использовать в своей практике эти различия. Без этого невозможно и понимание жизни человеческого общества¹⁶⁷. Какую роль играют женщины в российском обществе? Женщина – мать. Женщина – хранительница домашнего очага. Женщины традиционно

¹⁶⁶ Онтогенез – это совокупность преобразований, претерпеваемых организмом от зарождения до конца жизни. Термин введен немецким биологом Э. Геккелем в 1866 г. – См.: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – СПб., 1993. – с. 933.

¹⁶⁷ См. Кораблина, Е. П. Становление личности женщины / Е. П. Кораблина // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб., 1998. – с. 174.

преобладают в ряде профессий. Это учитель, врач-терапевт, воспитатель. Хотя такие традиции сложились именно в советском обществе. В дореволюционной России врачами, учителями были мужчины. Но каждая указанная выше профессия связана с воздействием на личность ребенка. Многие люди выходят из школы со стойким убеждением в том, что каждый учитель готов унижить его человеческое достоинство, поэтому во многих ситуациях они заранее занимают агрессивно-наступательную позицию. Какие комплексы приобретут дети, общаясь в течение десятилетий с измученными подработками женщинами? Становится ли такая женщина социально ущербной? Какие ценности будут передавать такие учителя детям невербально? Какие мужчины вырастут рядом с такими женщинами? Какие качества светил будущей политической региональной элиты среднего звена, а позже, возможно, и центральной политической элиты будут сформированы такими женщинами? Будут ли они видеть в каждой женщине свою нелюбимую учительницу? Школьная дружба и любовь к первой учительнице давно уже стала в большинстве своем (даже широко и не пропагандируемым сейчас) очередным социальным мифом. Одним из главных порочных следствий тоталитаризма в нашей стране называют огосударвленную и заполненную исключительно женщинами машинерию воспроизводства и социализации, которая создавала все более «некачественных» мужчин, мужчин, чей авторитет, продолжительность жизни, общий уровень здоровья и культуры постоянно снижался. Феминизация институтов семьи и школы стала одним из факторов потери новым офицерством в чисто мужском институте – армии – в 1970-х гг. и позже роли «отца-коандира» и переход социализирующей функции к «дедам» – мужскому коллективу «старших ровесников»¹⁶⁸

Как должна воспринимать себя женщина в российском обществе? И как она воспринимает себя в действительности? Какова дескриптивная женщина? Когда женщина рождает ребенка, это ее личное дело, ее выбор. Но когда ребенок вырастает, он поступает в распоряжение государства: в любом случае – это налогоплательщик, если ваш ребенок – мальчик, это воин; если это девочка, от нее ждут рождения других работников, налогоплательщиков, воинов, матерей. А если государство еще считает, что ему нужна «маленькая победоносная война», как в 1979–1989 гг. в Афганистане или в 1994–1996,

¹⁶⁸ См.: Левинсон А. Женщина как цель и средство в отечественной телерекламе / А. Левинсон // Женщина и визуальные знаки / под ред. А. Альчук. – М., 2000. – С. 50–51.

1999–2000 гг. в Чечне, то оно распоряжается не только здоровьем и психикой мальчика, но и его жизнью (а также судьбами множества других достигших брачного возраста девочек). Все это ставит перед политологами ряд проблем. Если пол конструируется социально в течение жизни, то на конструирование какого пола следует ориентировать свои стратегию и тактику современным российским политикам? Какую политику и по конструированию какого пола проводить? Если половые различия биологически предопределены, и половая дифференциация – это универсальный биологический процесс, то какие полы следует конструировать?

Большинство исследователей гендерной проблематики на западе – женщины. Сами термины «гендерные отношения», «гендерные исследования» пришли к нам из англо-американского феминизма¹⁶⁹. Во многих работах отчетливо проявляется влияние феминистской идеологии, причем нередко в ее крайних формах, когда отрицаются какие бы то ни было различия между мужчинами и женщинами, и выдвигаются требования абсолютного равенства и полной симметрии в отношениях между полами¹⁷⁰. При этом в зарубежных работах, посвященных полоролевым стереотипам, почти не рассматриваются половые различия, обусловленные половым диморфизмом, биологической целесообразностью специализации полов в процессе репродуктивной деятельности.

Гендерные проблемы постепенно занимают свою нишу в российских СМИ. Издаются журналы «Женщина в российском обществе. Российский научный журнал», «Женский парламент», «Женщины России», «Женщина плюс», «Диалог женщины», «Вестник женского информационного образовательного проекта», «Вестник проекта «Школа лидерства и развития для женщин»», «Бюллетень Центра гендерных исследований», «Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Центр гендерных исследований», «ЖИФ: Женский инвестиционный Фонд Восток–Запад», «Мир женщины», «Права женщин в России. Законодательная практика», «Пре-

¹⁶⁹ См.: Силасте, Г. Г. Гендерные исследования: размышления участника международного семинара / Г. Г. Силасте // Социологические исследования. – 1992. – № 6. – С. 29–53; Силасте, Г. Г. Гендерные отношения в период социальной трансформации России / Г. Г. Силасте // Социологические исследования. – 1994. – № 3. – С. 15–22.

¹⁷⁰ См.: Агеев, В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В.С. Агеев // Вопросы психологии. – 1987. – № 2. – с. 156–157.

ображение. Русский феминистский журнал», «Pro et Contra», «Равенство возможностей: Бюллетень феминистской лиги», «Феминистский вестник», «Девочки просят внимания». В Украине – «Новый образ. Украинский феминистский журнал».

До середины 80-х гг. XX в. в рамках гендерной парадигмы рассматривался опыт белой женщины из среднего класса Западной Европы и Северной Америки. Корректен ли перенос гендерной методологии как явления, возникшего в европеоцентристской научной традиции, в условия России или евразийская почва отторгает идеи абсолютного равенства мужчины и женщины? Является ли заметное особенно в последние годы советской власти стремление женщин «назад к неравенству» выражением в устойчивой общественной психологии россиян замаскированного предубеждения против идеи равенства? Или оно связано с проводимой политикой в отношении женщин, которым в советском обществе часто отводилась тяжелая, низкооплачиваемая или непрестижная работа¹⁷¹. Насколько решен в России женский вопрос? Каково его реальное содержание в контексте гендерного подхода? Каковы исторические корни современных гендерных отношений? Каково влияние советского периода истории на формирование современных гендерных отношений в России? Вопрос о корреляции, соотношении демократических и традиционных ценностей в цивилизациях различного типа с позиций цивилизационного подхода уже поставлен¹⁷². Все это проблемы, которые еще предстоит разрешить исследователям.

Широкий спектр дискуссионных вопросов порождает также возвращение в российскую культуру творческого наследия российской философской мысли конца XIX – начала XX вв., в том числе русской религиозной философии, требующее еще вдумчивого глубокого осмысления. Это труды Н. А. Бердяева, В. С. Соловьева, Л. Шестова, С. Булгакова, П. Флоренского, С. Франка и др. Так Н. А. Бердяев находит основания для объяснения полового деления людей в мифе об андрогине. Андрогин (по древнегреческим представлениям) как муже-женское начало, будучи началом всех вещей, сам

¹⁷¹ Аристов, В. Советская «матриархаика» и современные гендерные образы / В. Аристов // Женщина и визуальные знаки / под ред. А. Альчук. – М., 2000. – С. 4.

¹⁷² Лукашева, Е.А. Права человека: конфликт культур / Е. А. Лукашева // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца / сост. В. Г. Графский. – М., 2006. – С. 241–255.

является порождением Хаоса¹⁷³. После того, как демиург разделил людей на две ищущие друг друга половинки, человек оказался существом «половым, половинчатым, разорванным, не целомудренным, не премудрым, обреченным на дисгармонию, страстное влечение и неудовлетворенность»¹⁷⁴. Борьба мужского и женского принципов в человеке рассматривается Н. А. Бердяевым как сложное отношение, поскольку каждый человек имеет андрогинную природу, то есть в каждом человеке представлены оба начала – и мужское и женское. По-другому говоря, мифологическое разделение андрогина не вызвало абсолютной противоположности мужского и женского. «В каждом человеке, мужчине и женщине, остается двуполость, в разных пропорциях соединенная, и этим определяется вся сложность половой жизни человека, ее четырехчленность»¹⁷⁵. «Разделение полов есть следствие падения Адама, потому что Адам был андрогинном... Только дева-юноша, целостный бисексуальный человек, есть образ и подобие Божие...»¹⁷⁶.

Рассматривая проблему взаимоотношения полов, В. С. Соловьев говорит о половой стыдливости у человека, которая служит определением этического отношения человека к материальной природе. То, что «самый факт природы ощущается как постыдный», свидетельствует, по В. С. Соловьеву, что здесь заявляет о себе «высшее человеческое достоинство», что «человек не есть только факт природы и не должен служить страдательным орудием ее жизненных целей»¹⁷⁷. Половая принадлежность человека, тем самым, не выводится В. С. Соловьевым за пределы животной природы человека, остается вне его личностного бытия, которое, в свою очередь, постоянно стремится к выходу за пре-

---

¹⁷³ В мифах других народов в образе андрогина представляли неких первопредков – это либо прародитель и демиург, либо андрогинное божество, породившее остальных богов или создавшее мир, либо даже некое порождение первой пары людей. – См.: Суroveгина, Н. А. Гендерные проблемы в антропологии Н. А. Бердяева: идеи и философские перспективы / Н. А. Суroveгина // Женщины. История. Общество: сборник научных статей. – Вып. 2. – Тверь, 2002. – С. 125.

¹⁷⁴ Бердяев, Н. А. О назначении человека: Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев // Бердяев, Н. А. О назначении человека. – М., 1993. – С. 69.

¹⁷⁵ Бердяев, Н. А. Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства // Н. А. Бердяев. Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 137.

¹⁷⁶ Бердяев, Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – М., 1989. – С. 86.

¹⁷⁷ Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соловьев В.С. Соч. – В 2 т. – М., 1998. – Т. 1. – С. 124–126.

дела земной жизни. Оценивать ли наследие В. В. Розанова как декаданс или видеть в его трактовках предтечу гендерного подхода?

На современном этапе развития российской науки осмысление гендерных дискурсов, пожалуй, ставит больше вопросов, нежели дает ответов.

Является ли гендерный дисплей (многообразие представления и проявления мужского и женского во взаимодействии, в социальных коммуникациях) социально значимым фактором, который надо учитывать, или им можно пренебречь? Является ли гендерный разрыв на выборах социальной проблемой или это норма? Является ли гендерная самоидентификация существенным фактором социализации? Способствует ли кризис гендерной идентичности дестабилизации или это политически нейтральное явление? Обращение к поставленным проблемам, их разрешение способствует преодолению «кризиса ценностей», проявившейся в связи с крушением социалистических ценностей, преодолению анонии, отклонения в системе социальных норм, вследствие чего людям становится трудно следовать нормам, ощущающимся как слабые, неясные или противоречивые, что ведет к разрушению единства культуры, затрудняет процессы формирования культуры демократического сотрудничества.

Ю.А. Луккина

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Время является постоянным и чрезвычайно важным аспектом политики. Учет фактора времени необходим для наиболее полного понимания причинно-следственных связей в политике, закономерностей протекания процессов, однако при этом учет данного фактора сильно затруднен из-за того, что политика существует во времени не одномерно, а в разрезе многих плоскостей, темпоральных срезов, каждый из которых отражает лишь одну сюжетную линию политического процесса. Совмещение этих плоскостей и переход от одной к другой весьма проблематичен, потому что в процессе иерархизации темпоральных плоскостей политического явления (а такое выстраивание «в ряд» темпоральных срезов неизбежно при попытке перехода от одной плоскости к другой) с высокой долей вероятности приведет к сбою в

хронологии событий, нарушению причинно-следственных связей, а также возможно и «выпадению» некоторых событий или акторов из единого массива политического процесса или явления.

Политическое время является одним из ключевых понятий, раскрывающих динамику политики, позволяющих осмысленно взглянуть на политические процессы и явления, полноценно рассмотреть деятельность политических акторов, именно благодаря времени появляется возможность собрать множество разнообразных событий, действий в единую систему политики, рассмотреть их как единый политический процесс во всех их сложной взаимосвязи¹⁷⁸.

Дискурс политического времени и времени вообще появился давно и не прекращается до сих пор.

Для полноценного и всестороннего изучения категории политического времени необходимо рассмотреть становление собственно времени в рамках философской науки, потому что именно философия впервые стала всесторонне изучать феномен темпоральности. Появление таких категорий как «биологическое (живое) время», «психологическое время», «социальное время» и пр. происходит гораздо позже и все эти категории берут свое начало, исток именно из философской науки.

Развитие категории времени в рамках философии

Несмотря на устойчивый интерес к проблемам времени со стороны философии и других наук, изучение времени как субъективного феномена, а также роли времени в формировании и структурировании социальной деятельности, началось фактически только в конце XIX века и носило междисциплинарный характер. Но, несмотря на относительно небольшой период, прошедший с момента появления первых исследований в этой области, к настоящему моменту в разработке проблемы времени были достигнуты значительные результаты.

В философии данной проблематикой занимались М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, А. Бергсон, Г. Рейхенбах, Дж. Уитроу, А. Грюнбаум, И. Пригожин, В.И. Вернадский и т.д. В отечественной философии рассмотрение времени как социального феномена активно началось в 60 – 70-е годы XX века. Наиболее интересными являются исследования А.Ф. Лосева, Н.Н. Трубникова, Ю.Б. Молчанова, Ф.С. Завельского, А.И. Осипова, Б.Г. Ананьева, Я.Ф. Аскина, В.А. Артемова, М.Д. Ахундова, А.Б. Власова, А.Г. Горбичевского, Н.И. Иконниковой, Б.А.

---

¹⁷⁸ См. Ильин М.В. Феномен политического времени. // Полис. – 2005. – №3, с. 5–15.

Брундова, Г.Е. Зборовского, В.П. Яковлева, П.П. Гайденко, Г.Г. Сучковой, В.П. Трофимова, И.А. Хасанова и многих других.

В истории – Р.Дж. Коллингвуд, Г. Зиммель, К. Ясперс, Н.А. Бердяев, А.В. Гулыга, И.М. Савельева, А.В. Полетаев и т.д.

В культурологии – О. Шпенглер, А. Тойнби, А.Я. Гуревич, С.С. Неретина, А.П. Огурцов, И.Е. Данилова, И.Я. Литвяк, Л.А. Штомпель, В.П. Ярская, Д.В. Никулин, П.П. Гайденко и т.д.

В социологии – Ж. Гурвич, У. Мур, А. Юбер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин, В. Гейдис и т.д.

В рамках данного параграфа нас в первую очередь будет интересовать становление категории времени в рамках философии (о необходимости изучения «истоков» мы уже говорили выше) и социологии, как науки, из понимания социального времени которой, по мнению многих ученых, например, С.И. Семенова, и появилась категория политического времени, речь о которой пойдет в третьем параграфе.

Прежде чем приступить к рассмотрению непосредственно времени политического, необходимо определиться с тем, что такое время вообще. Впервые категорию времени стала изучать философия, которая считает «время всеобщей формой бытия материи, выражающую длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов и мире»¹⁷⁹. Время не существует само по себе, в отрыве от материального мира и изменений в нем, равно как и в материальном мире не существует таких процессов и тел, которые бы не изменялись от прошлого к будущему.

По мнению Е.В. Печенковой, развитие категории времени в философии представляет собой череду попыток разрешения основных вопросов, представленных в форме антиномий.

Относительно вопроса об объективном или субъективном статусе времени в докантовской философии существовало две основные тенденции: рассмотрение времени как некоего данного человеку предмета познания и рассмотрение проблемы времени в контексте проблемы сознания. Первое направление ставит перед собой следующие вопросы:

1. Вопрос о статусе времени в структуре Вселенной: субстанциональной концепции абсолютного времени (время – особая субстанция, не зависящая от тел и событий, «мера измерения») противостоит реля-

¹⁷⁹ Философский энциклопедический словарь. Гл. редакция: Л.Ф. Ильчев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 94.

ционная концепция, согласно которой время представляет собой некоторое отношение событий (время – «мера изменения»);

2. Вопрос о бытии событий. Согласно статической концепции времени, бытие событий неизменно, все события – прошлые, настоящие и будущие – обладают равным онтологическим статусом, а переход событий из будущего в прошлое и настоящее зависит только от сознания, переживающего возникновение и исчезновение предметов и явлений. Динамическая концепция предполагает, что существуют только события настоящего времени, а события прошлого и будущего не существуют (а существуют, соответственно, только их следы и предпосылки);

3. Вопросы об обратимости времени; о размерности времени; об однородности времени.

4. Вопрос о дискретности или непрерывности времени, существовании минимальной длительности или бесконечной делимости момента времени.

Второй подход ставит вопрос об источнике познания времени – априорном или эмпирическом.

Перечисленные проблемы поднимались еще в философии Античности. Так, первым философом, систематически разрабатывавшим категорию времени, является Аристотель. В основе его концепции лежит связь между понятием времени и понятиями существования и движения. Время определяется как «число движения по отношению к предыдущему и последующему»¹⁸⁰. Вопрос о существовании времени, согласно Аристотелю, парадоксален, поскольку прошлого уже нет, будущее еще не наступило, а настоящее является скорее не частью времени, а некой границей между прошлым и будущим, которая, соединяя прошлое и будущее, одновременно их разделяет. Все временные характеристики применяются именно к этому моменту настоящего – неделимому и, по сути, не делящемуся моменту настоящего. Исходя из этого, Аристотель делает вывод, что «время или совсем не существует, или едва существует»¹⁸¹. Таким образом, концепцию Аристотеля можно охарактеризовать, как реляционную (время задано через последовательность событий, связь предыдущего и последующего) и

¹⁸⁰ Аристотель. Физика. / Аристотель. Соч. в 4-х томах. – М.: Мысль, 1978. – Том 3. – С. 149.

¹⁸¹ Там же, с. 145.

динамическую (поскольку прошлые и будущие события не существуют, а происходит непрерывное становление).

Необходимо отметить, что Аристотель не отождествляет время и движение, хотя и считает, что время от движения неотделимо. Кроме того, Аристотель описывает важнейшие свойства времени: оно едино, непрерывно, бесконечно делимо, однородно, не делится на виды и не может идти с разной скоростью.

Также важным является то, что «теперь» у Аристотеля – не просто точка настоящего на оси времени, а момент осознанного настоящего. Аристотель считает, что время не существует в отсутствие души (то есть сознания человека), именно душа, по мнению Аристотеля, осуществляет отсчет времени, ощущает его течение. Но время идет, изменяя объекты, и в отсутствии человеческого сознания, вне его. Аристотель, считает, что такое движение возможно, однако «порядок «прежде-после» превращается во временной при его осознании человеком»¹⁸². Таким образом, у Аристотеля можно увидеть зачатки концепции психологического времени. Аристотель вводит понятие психологической временной перспективы (цепочка прошлое–настоящее–будущее, память–восприятие–воображение), а также делает ценные замечания о восприятии времени, и прежде всего о том, что восприятие времени непосредственно зависит от возможности человека воспринимать движение, причем не только внешнее, но и внутреннее, которое происходит в сознании человека. Однако противопоставление физического и субъективного времени Аристотель еще не проводит.

Концепция времени Аристотеля стала вновь востребованной в средневековой Европе в рамках христианской философии. Значительный вклад в процесс осмысления христианского мироощущения в контексте классической античной философии внес Аврелий Августин. В целом, философию Августина можно охарактеризовать как христианский неоплатонизм. Для него, как и для Платона, существуют два мира – идей (в Боге) и вещей (в пространстве и времени как результат воплощения идеи в материю). Через все творчество Августина проходит идея превосходства человеческой души над телом, ее близости Богу, в том числе, и в его рассуждениях о времени. Именно при рассмотрении категории времени Августин опирается в значительной степени на труды Аристотеля.

¹⁸² Воробьев В.В. Становление идей неклассической логики в Античности и Средневековье. – М.: МГУ, 1989. – С. 27.

Используя понятие времени, Аврелий Августин стремится оправдать противоречие между существованием бога, являющегося средоточием добродетели, и существованием в мире зла и несправедливости (теодицею). Бездействие Бога он объяснял тем, что Бог существует в Вечности, то есть вне времени, в то время как люди живут в мире времени, сотворенного Богом. Таким образом, существование Бога вписывается в статическую концепцию времени, а существования человека — в динамическую.

Рассматривая вопрос о «начале времен», то есть о сотворении мира, Августин утверждает, что время существует в «мире вещей» и определяет его как отношение порядка между вещами, выражающееся в их следовании друг за другом через момент настоящего. Таким образом, время представляет собой совокупность событий, первым из которых является сотворение мира, последним — страшный суд. Соответственно, вопрос о том, что было до начала мира, оказывается бессмысленным из-за некорректности применения понятия «до» к понятию «начало времен». Таким образом, подлинно существующим в мире вещей оказывается только «настоящее».

С другой стороны, рассматривая парадокс Аристотеля (будущего ещё нет, прошлого уже нет, а настоящее представляет собой бесконечно краткое мгновение между прошлым и будущим, не обладающее никакой длительностью), Августин приходит к выводу, что прошлое и будущее все-таки существуют, но только для души, то есть в сознании человека, и делает вывод о том, что в собственном смысле необходимо говорить о трех временах: настоящее прошлого, настоящее настоящего, настоящее будущего. Этим трем модусам существования времени соответствуют три модуса сознания: ожидание (настоящее будущего), созерцание или интуиция (настоящее настоящего) и воспоминание (настоящее прошлого).

Таким образом, обе эти концепции, и объективная, и субъективная, являются реляционными, поскольку за меру времени принимается мера изменчивости (смены событий, следующих друг за другом, моментов в сознании человека), а не мера длительности.

Разработка понятия времени с точки зрения науки приходит в философию во время первых успехов физики и других естественных наук и связана с такими именами ученых, как Лейбниц и Ньютон. В натуральной философии Исаака Ньютона приобретают законченную форму понятия абсолютного пространства и времени. Его концепция

включает в себя абсолютное пространство (бесконечную протяженность, служащую вместилищем всей материи) и абсолютное время (равномерную бесконечную длительность). Абсолютное время Ньютона – физическое, это реальное условие существования всех вещей. В то же время Готфрид Лейбниц относит пространство и время не к реальностям, а к феноменам – явлениям, вытекающим из существования других реальностей, поскольку время представляет собой порядок последовательности тел, а пространство – порядок размещения тел. Таким образом, созданная Лейбницем концепция времени относится к реляционным и стационарным. Однако помимо описанной выше интерпретации физического времени Лейбниц высказывает еще несколько интересных мыслей относительно психологического времени. Так, он решает в вопрос о том, как соотносятся между собой временная организация внутреннего мира личности и временная организация мира внешнего, каким образом душа и тело действуют согласованно.

Помимо научной проблематики, Новое время принесло в философию времени проблематику гносеологическую. До работ Иммануила Канта преобладала точка зрения об эмпирическом характере постижения времени. Так, Джон Локк рассматривал опыт в качестве источника познания времени. Долгое время была популярна соответствующая его взглядам эмпирическая теория восприятия времени, в пользу которой свидетельствовал факт отсутствия у человека специальных органов чувств, служащих для восприятия времени.

Иммануил Кант в «докритический» период своего творчества рассматривал категорию времени очень близко к пониманию И. Ньютона. А в критический период он разрабатывает теорию «субъективного времени», согласно которой время становится не самостоятельным предметом исследования, а средством человеческого познания, определяющим одновременно и его возможности, и ограничения. Переворот, совершенный Кантом в понимании познания, коснулся категории времени. Итак, Кант рассматривал время и пространство как априорные формы чувственного созерцания, изначально присущие человеческому восприятию. Пространство – априорная форма внешнего чувства, время – априорная форма внутреннего чувства. Однако если «пространство как чистая форма всякого внешнего созерцания ограничено как априорное условие лишь внешними явлениями», то время, поскольку оно определяет «отношение представлений в нашем внутрен-

нем состоянии»¹⁸³, а, следовательно, косвенно и внешние явления, поскольку ничто не дано человеку вне познания. Таким образом, время – общее условие возможности всех явлений, необходимое представление, лежащее в основе всех созерцаний.

Очередная трактовка понятия времени, оказавшая большое влияние на последующее развитие категории времени в естественных науках, в том числе, в биологии и психологии, была высказана Анри Бергсоном. А. Бергсон утверждал, что геометрическая модель времени не может адекватно описать протекание эволюции и развитие живой природы. Геометрическая модель представляет время как череду отрезком (моментов) времени абсолютно равных друг другу. Эта модель времени подходит для описания физических процессов и явлений, но описать с ее помощью процессы, происходящие в живом мире практически невозможно, потому что живое существует в особом времени, которое состоит в первую очередь из времени конкретного опыта. Бергсон выдвинул идею о том, что живое время познается посредством интуиции, которая является самодостаточной формой познания жизнью себя. Живое время характеризуется:

– постоянным изменением, «длительность не является сменяющимися друг друга моментами»¹⁸⁴, любое изменение, любое движения является неделимым, и не может быть расчленено даже гипотетически. Говорить о смене состояний в живом времени можно только с той точки зрения, что внимание человека способно отмечать только значительные изменения состояния системы, и только когда изменения становятся заметными для человеческого сознания, можно говорить о смене состояния;

– неоднородностью, потому что каждый последующий опыт включает в себя весь опыт предыдущий: «Мое состояние души, продвигаясь по дороге времени, постоянно набухает длительностью, которую оно подбирает: оно как бы лепит из самого себя снежный ком».¹⁸⁵ Для большей наглядности Бергсон предлагает представить память человека, содержащую весь накопленный опыт, в виде конуса, основание которого неподвижно покоится в прошлом, а вершина непрерывно движется в будущее, представляя собой «поперечный разрез

¹⁸³ Кант И. Критика чистого разума. // Сочинения в 6 т. – М.: Мысль, 1964. – Т.3. – С. 138.

¹⁸⁴ Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Канон-пресс, 1998. – С. 10.

¹⁸⁵ Там же.

через поток вселенского становления»¹⁸⁶. Такая метафора дает возможность представить память как такую форму организации психологического (и живого) времени, где все прошлые моменты, состоящие из воспоминаний, могут быть спроецированы в настоящее.

Таким образом, А. Бергсон различает физическое и живое время. Относительно познания времени Бергсон доказывает, что единственным доступным для этого методом является интуиция. Появление категорий биологического и психологического времени в научной мысли XX века обязано, прежде всего, трудам А. Бергсона.

Еще одной концепцией, которая оказала значительное влияние на развитие психологических теорий стала концепция Эдмунда Гуссерля, который является основателем феноменологии (субъективно-идеалистическое направление, целью которого является непосредственное восприятие идеальных сущностей (феноменов) при помощи интуиции и описание этих актов сознания). Собственно, одним из основных, базовых понятий феноменологии является категория времени.

Гуссерлем предложен феноменологию как единственно возможный вариант дальнейшего развития философии как науки о феноменах (единствах сущности и явления). В основу познания он ставит метод феноменологической редукции, первая ступень которой заключается в отказе от веры в реальность объективного мира. В качестве единственного источника познания Гуссерлем называет рефлексию. Понятие времени рассматривается в феноменологии двояко, с одной стороны, как предмет исследования, к которому применяется метод феноменологической редукции, а с другой стороны, как осознание времени (сознание в рамках феноменологии не существует вне времени). Гуссерль считал, что познание всегда облекается в форму времени, которое по своей сути всегда априорно.

Рассмотрев основные вехи в развитии категории времени в философской мысли, можно выделить основные идеи, касающиеся проблематики изучения категории времени. Итак, большинство философов рассматривают время как субъективный феномен. Однако, существуют и такие теории, которые однозначно трактуют время как объективное явление, к таким течениям относится, например, марксизм, который рассматривает «время как форму бытия материи, существующую

---

¹⁸⁶ Бергсон А. Две памяти. // Хрестоматия по психологии памяти. – М.: Черо, 1998. – С. 284.

независимо от человеческого сознания и способности человека воспринимать предыдущие и последующие события»¹⁸⁷.

Некоторые философы (в их числе и Аристотель) относились ко времени, как к единому пласту, потоку, не разделяя его на виды и не выделяя их в едином массиве времени. Разделение времени на историческое, биологическое, социальное, политическое и проч. произошло гораздо позже. Однако философы тщательно разрабатывали категорию времени, рассматривая его свойства и характеристики, применяющиеся сегодня к категории политического времени.

Становление и развитие категории социального времени

В социологии наибольший вклад в разработку категории времени внесли Ж. Гурвич, У. Мур, А. Юбер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин, В. Гейдис и др.

Можно выделить несколько основных направлений исследований, посвященных проблематике социального времени.

Первое направление связано с изучением процесса формирования представлений о времени у человека. В рамках второго направления время анализируется как некий социальный смысл, то есть как часть общественной системы, которая структурирует социальные действия. Третье направление исследует влияние представлений о времени на поведение человека.

Во всех перечисленных направлениях можно выделить несколько базовых характеристик социального времени. Прежде всего, то, что к настоящему моменту большинство исследователей убеждено в том, что понятие социального времени зависит от придаваемого ему смысла и предлагают некое универсальное представление о времени, независимое от той конкретной символической формы, которую оно имеет в различных культурах. В начале XX века французский социолог А. Юбер определял время как символическую структуру, которая выражает организацию общества через временные ритмы. А еще в конце XIX века американский психолог У. Джеймс, который отстаивал принцип социальной обусловленности психологии индивида, в том числе и в восприятии времени, выдвинул тезис о том, что символически выраженное время всегда конструируется коллективно, и представления о нем являются продуктом коллективного сознания. В дальнейшем эту идею развил в своих работах Э. Дюркгейм, также подчер-

¹⁸⁷ Философский энциклопедический словарь. Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – С. 94.

кивая, что время является продуктом коллективного сознания – социальной категорией мышления, творением общества, объектом коллективных представлений.

Существует большое разнообразие представлений о социальном времени. Например, в этнологических исследованиях содержатся яркие примеры разнообразных форм представлений о времени и знаковых систем его выражения: различные календари самого причудливого вида, с неделями разной длины, неординарного структурирования времени суток. Все это дает возможность сделать вывод о том, что представления о времени как продукте коллективного сознания являются не только социально, но и культурно обусловленными. Перечисленные базовые характеристики социального времени (символический характер, коллективная основа формирования и культурная обусловленность) выделялись на основе этнологических исследований, относившихся к обществам со слабо дифференцированной структурой. Относительно таких обществ можно говорить о наличии у них единого социального времени (как о системе единых коллективных представлений, соответствующих культуре данного общества). В более сложных общественных системах с развитой социальной дифференциацией, как отмечают многие исследователи, существует не одно, а несколько социальных времен или комплексов представлений о времени. Так, например, В.П. Яковлев выделяет время индивида, время поколения, время истории.

Французский социолог Ж. Гурвич одним из первых высказал мысль о взаимосвязи социальной структуры с различными типами восприятия времени и стал различать восемь видов времени человека: длящееся, обманчивое, неустойчивое, циклическое, замедленное, переменное, идущее вперед, взрывчатое. В соответствии с такой классификацией, можно структурировать общество по группам, каждая из которых характеризуется преобладанием одного из перечисленных типов восприятия времени.

Примерно в один период с появлением теории Ж. Гурвича, похожие идеи были выдвинуты американскими социологами Р. и Л. Козеровыми. Они, в отличие от Гурвича, который выделял типы восприятия времени, выделили четыре типа социального поведения: индивидуалистическое и активное; коллективное и активное; коллективное и пассивное; индивидуалистическое и пассивное. Козеровы считали, что принадлежность к определенному социальному типу обуславливает

соответствующее представление о времени: первое – конформистское; второе – ориентированное на будущее (как индивидуальное, так и коллективное); третье – хилиастическое (пассивное ожидание высшей справедливости); четвертое – гедонистическое (жить сегодняшним днем). Таким образом, каждый тип восприятия времени определяет модель социальной активности группы или индивида.

Для ученых важным вопросом оказалось влияние представлений о времени на социальное поведение и их связь. Время, как часть социальной системы, как совокупность коллективных представлений, является важным фактором, осуществляющим воздействие на поведения человека. Э. Дюркгейм сформулировал основы данного подхода. Согласно его теории органической солидарности, время как продукт коллективного сознания подчиняет себе время (а соответственно и социальные действия, которые структурируются во времени в форме моральных обязательств и взаимных услуг, координацию действий обеспечивается определенными ритуалами и процедурами) отдельных индивидов, входящих в данный социум.

Кроме того, позднее данная проблема была рассмотрена Питиримом Сорокиным, который предпринял попытку еще более конкретизировать роль представлений о времени в общественной жизни. Сорокин считает, что оценка событий зависит от их расположения в той или иной структуре восприятия времени, и показал, что время формирует социальную активность. Кроме того, П. Сорокин выделял такие функции социального времени, как синхронизация и координация социальных явлений.

Американский социолог У. Мур, развивал дальше идеи П. Сорокина и выделил три составляющие социального времени: последовательность, синхронизация и темп (скорость). Последовательность является важным элементом социального структурирования социальной жизни, например, в выявлении приоритетности и иерархизации событий. Синхронизация связана с необходимостью координации и упорядочения человеческой деятельности. А скорость описывает и задает интенсивность событий в определенный период времени.

Таким образом, рассматривая время в качестве некоего параметра, структурирующего социальную реальность, его все же нельзя однозначно трактовать исключительно как продукт коллективных представлений, важно учитывать и роль индивидуального темпорального сознания индивидов. Исследования социального времени говорят об

индивидуальной субъективности времени с одной стороны, и его социальной объективности с другой.

Итак, социальное время – это темп и ритм протекания событий за определенный период существования индивида, группы или общества.

Исследования проблемы социального времени дали обширный материал для исследований времени политического. Например, актуальны для разработки категории политического времени исследования, связанные с осмыслением такой функции социального времени как синхронизация и координация социальных явлений.

Понятие и сущность политического времени

Одной из форм социального времени выступает время политическое. Время политическое стало разрабатываться намного позже, чем социальное, однако так как оно затрагивает политическую жизнь общества, вторгаясь тем самым в сферу времени социального, мы можем сделать вывод о том, что политическое время может считаться подвидом социального времени.

Социальное время (иначе говоря, время человеческого бытия) – это коллективно воспринимающееся время, некая универсалия культуры, которая составляет ритм и скорость протекания событий за некоторый период существования индивида или группы.

Таким образом, время политическое выступает неким иным качеством времени, взаимодействующим с политической сферой жизни общества.

Для того чтобы не допустить неточности и разночтения в трактовке понятия политического времени, необходимо рассмотреть трансформацию понятия политического времени со сменой эпох, а также взгляды различных ученых на данную категорию, и синтезировать их, получив в результате общее определение политического времени.

Изучение категории времени в политике ведется отечественными учеными-политологами с начала 90-х годов прошлого века. Эти исследования были тесно связаны с общим процессом становления отечественной политической науки. Кроме того, кризисная политическая обстановка в нашей стране в обозначенный период обусловила особый интерес ученых к темам модернизации, реформирования политических институтов, которые несомненно тесно связаны с пониманием времени в политике. Смена политического режима в процессе «перестройки», кризисы власти 1991 и 1993 годов заставили задуматься ученых-теоретиков не только о модели переустройства российского

общества и государства, но и о вопросах преемственности власти и властных институтов, о закономерностях трансформации и смены их во времени. Так, появилась теория политического транзита, которая в конце 90-х годов стала разрабатываться А.Ю. Мельвилем и рядом других исследователей, объясняющая процессы трансформации политических режимов, перехода от авторитарных и тоталитарных политических режимов к демократическим.

Однако детальное изучение категории времени впервые началось не в постсоветское время, разработка этой проблемы велась еще в советском обществознании. Хотя само понятие «политическое время» тогда не упоминалось, целый ряд его аспектов так или иначе затрагивался в многочисленных исследованиях природы социального и исторического времени. В советской социальной философии обосновывались идеи о множественности пространства-времени, о допустимости анализа времени в различных областях действительности, а также формулировались методологические принципы исследования времени¹⁸⁸. Таким образом, уже советское обществознание заложило определенные основы для дальнейших детальных исследований феномена политического времени.

Не меньшее, а возможно и большее влияние на становление хронополитики в российской политической науке, развитие исследований природы и свойств темпоральности, а также взаимосвязи политики и времени, оказали зарубежные исследователи. Интерес к проблемам временного измерения политики (и, прежде всего, мирового политического процесса) за рубежом возник в 70-х годах XX столетия и был связан с ростом кризисных явлений внутри западных стран и на международной арене (например, война во Вьетнаме, нефтяной кризис и др.). В этот период и появляются хронополитические концепции теории микросистемы И. Валлерстайна и длинных циклов в мировой политике Дж. Модельски¹⁸⁹.

В 1992 году вышла статья доктора философских наук, профессора Андреева С.С. «Политическое время и политическое пространство», в которой раскрывается понятие политического времени, история трансформации понимания политического времени и обосновывает важность и необходимость детального его изучения. Однако идеи Ан-

¹⁸⁸ См. Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза // Полис. – 2003. – №6. – С. 51.

¹⁸⁹ Там же, с. 55.

древая находятся в русле советского подхода к историческому и социальному процессу, в частности, он говорит о социальном прогрессе как о процессе смены формаций. И если Андреев сумел вырваться из системы марксистской идеологии, называя Высшим Идеалом, к которому идет политической прогресс, идеалы демократии, то подход к изучению проблем времени остается советским.

По мнению С.С. Андреева, политические отношения существуют в пределах конкретного, постоянно изменяющегося, пространства. Эти пространственные изменения не происходят в один момент, они всегда разделены временными промежутками, отражающими последовательность развития политических процессов, таким образом, политические отношения существуют не только в пространстве, но и во времени.

Андреев рисует логическую цепочку возникновения времени политического. Выйдя из природной среды, человек, по его словам, начал активно превращать природу из естественной среды обитания в объект воздействия, начал создавать материальные ценности, таким образом, начинается уже отсчет времени исторического. Следующим шагом стало превращение человека в носителя общественных отношений, и это дало толчок для отсчета времени социального, которое представляет собой совокупность деятельности людей и последовательность процессов, являющихся результатами этой деятельности. Именно человеческая деятельность, по мнению Андреева, наполняет время содержанием. С появлением социально-дифференцированного общества в массиве социального времени выделяется время политическое. Политическое время, по мнению Андреева, характеризует длительность политических отношений, последовательность смены одного типа политических отношений или процессов другим. Главными атрибутами политического времени являются длительность и последовательность, которые определяют соответственно устойчивость и направление изменчивости политических отношений и процессов.

Андреев говорит и об объективности времени, о его независимости от сознания человека. Человек оказывается беспомощным перед временем вообще и временем политическим в частности, он не может задержать, растянуть момент настоящего, не может изменить события прошедшие и заглянуть в будущее.

Кроме того, Андреев рассматривает трансформацию представлений человечества о времени. У Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.) история человечества двигалась от своего расцвета к концу, проходя через пять

эпох – золотой век, серебряный, медный, век героев и железный. Платон (428–347 гг. до н.э.) выдвигает идею цикличности времени, он считал, что мир был сотворен богами 72 тысячи лет назад, причем он был сотворен таким образом, что одна его половина была наполнена гармонией, а другая была в хаосе, таким образом, история движется на манер маятника от хаоса к гармонии, и от гармонии к хаосу. Идеи поступательного социального и политического времени появились только в XVIII веке вместе со становлением классической науки, время стало рассматриваться линейно и одномерно, а одним из главных свойств времени стали считать его необратимость.

Андреев рассматривает течение политического времени как движение к Высшему Идеалу, ни субъекты, ни объекты политики не могут повлиять на направление этого движения, они могут лишь временно сместить ось времени, однако оно все равно будет стремиться к этому Идеалу.

Политическое время нельзя рассматривать исключительно в контексте настоящего или прошедшего, Андреев считает, что настоящему политическому времени присуще творческое начало, которое позволяет осмысливать и осваивать наследие, оставленное событиями и акторами прошлого, а также в дальнейшем накапливать опыт и закладывать фундамент для будущего.

Еще одним главным свойством политического времени Андреев называет одновременную его непрерывность и дискретность. По его мнению, непрерывность времени складывается из конечных отрезков, отличающихся друг от друга качественным содержанием, структурой, внутренними свойствами. Дискретные отрезки, составляющие линию политического времени, представляют собой как раз ряд единиц политического времени, отражающих поступательное движение к Высшему Идеалу. И если единицей социального времени является формация, то единицей времени политического – тип политических отношений на данном отрезке.

Вообще, Андреев видит динамику социального процесса в рамках марксистской идеологии, а именно как смену формаций. По мнению Андреева, политическое время в этом процессе играет решающую роль. «Пока приращение количества (последовательная демократизация) определенного типа политического качества (политических отношений) обеспечивает поступательное развитие общества, сохраняется качественная определенность временного отрезка (формация).

Как только приращение количества в пределах старого качества становится невозможным, политические отношения этого типа и соответствующее им политическое время себя исчерпали». ¹⁹⁰ В таком случае, становится очевидной необходимость перехода в следующей формации, более демократическому политическому режиму.

Таким образом, политическое время это не только фактор, упорядочивающий последовательность процессов и определяющий их длительность, но и определяющий длительность политических отношений, обеспечивающих политический прогресс.

Андреев разделяет абсолютное и относительное политическое время. Абсолютным является время, которое определяет поступательное движение к прогрессу в каждой отдельной стране, а относительное время представляет собой соотношение конкретного абсолютного и абсолютного времени человечества. Причем, абсолютным временем человечества являются политические отношения стран, которые идут впереди остальных, прокладывая путь к Высшему Идеалу, остальные же являются носителями прошедшего времени или даже давнопрошедшего.

Наличие формаций, как составляющих политического времени, Андреев не подвергает сомнению, напротив, говорит об объективности их существования и нацеленности на Высший Идеал, под которым он понимает либеральные идеалы «Свободы–Равенства–Справедливости» ¹⁹¹.

Таким образом, С.С. Андреев одним из первых в постсоветской России предпринял попытку всестороннего изучения проблем политического времени. К сожалению, ему было сложно «отказаться от привычного теоретического инструментария» ¹⁹², предложенного советским обществознанием, однако это несколько не умаляет его вклада в разработку категории политического времени.

В последующие годы подход к проблемам времени изменился.

Так, по мнению, Сергея Семенова, политическое время является составной частью времени социального, но, в то же время, это и особая разновидность социального времени. По его мнению, политиче-

¹⁹⁰ Андреев С.С. Политическое время и политическое пространство. // Социально-политический журнал. – 1993. – №6. – С. 31.

¹⁹¹ Там же, с. 29.

¹⁹² Чихарев И.А. Хронополитические исследования: опыт синтеза. // Полис. – 2003. – №6. – С. 52.

ское время тесно связано с политической жизнью, что, к сожалению, не всегда учитывается современной политической наукой, в рамках которой политическое время зачастую отождествляется со временем историческим. Собственно, главной функцией политического времени является упорядочение и организация политической жизни социально дифференцированного общества и поэтому оно не может не иметь многослойную структуру. Политическое время является атрибутом согласованного группового политического действия средних и больших групп, поэтому оно не столько устремлено в прошлое, сколько сосредоточено на настоящем и обращено в будущее, таким образом, политическое время относится к измерению количественных характеристик политической деятельности в прошлом, настоящем и будущем¹⁹³.

Говоря о свойствах политического времени нельзя не упомянуть идею А.Б. Венгерова об обратимости политического времени, которую он называет «самым странным свойством»¹⁹⁴. Речь здесь идет, конечно, не о возврате каких-либо политических событий, ситуаций и свойств, а, скорее всего, о возвращении к каким-либо их аспектам, проведении аналогий, связанных с прошлым.

Полемизируя с Венгеровым, Семенов говорит об еще более «странном» свойстве политического времени – о его неравномерности, связанной с многослойностью его структуры. Для разных социальных групп, общественных институтов и отдельных индивидов время течет в разном темпе, поэтому, накладываясь, получается сложная картина общего политического времени. Кроме того, политическое время способно ускоряться, или напротив, сжиматься, замедляя свой ход.

Еще одним свойством политического времени Семенов называет мифологичность, которая, по его мнению, выступает скорее как свойство коллективного сознания, нежели как свойство политического времени, которое, прежде всего, в кризисные моменты выстраивает сложные конструкты в сознании людей, связанные часто с идеализацией прошлого, и также способно кардинально изменять поведение людей.

Таким образом, С.И. Семенов считает, что политическое время организует политическую сферу жизни общества, кроме того Семенов критикует выдвинутые другими исследователями идеи о таких свойст-

¹⁹³ См. Семенов С.И. Хронополитические аспекты кризисов культуры. // *Общественные науки и современность*. – 1993. – №4. – С. 153–154.

¹⁹⁴ Венгеров А.Б. Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // *Общественные науки и современность*. – 1992. – №6. – С. 61.

вах политического времени как обратимость, прерывистость и мифологичность.

Еще одним исследователем политического времени и новой отрасли политической науки – хронополитики, является А.С. Панарин.

А.С. Панарин рассуждая о социальном времени, отождествляет его с политическим. Он выделяет два вида социального времени: линейное и циклическое. Циклическое время – это такой тип времени, при котором происходит «вращение по кругу». До сегодняшнего дня, по мнению Панарина, причиной циклического характера времени в странах Востока является господствующий в экономике этих государств перераспределительный принцип. Общественный процесс в этих странах представляет собой «игру с нулевой суммой», то есть изъятие «благ» у одних для возвышения других, поэтому совокупный общественный потенциал в этой системе практически не растет, ведь суммарная энергия социального, экономического, политического возвышения одних приблизительно равна суммарной энергии социально-экономического, политического падения других. Достигнув максимальной точки, маятник истории поворачивается в противоположную сторону, и общественный процесс фактически начинается заново.

Линейное время представляет собой длительные, кумулятивные (самоусиливающиеся) процессы, фиксируемые статистикой, относящейся, в частности, к росту средней продолжительности жизни, производительности труда, национального дохода на душу населения. По мнению Панарина, уникальность западной цивилизации проявилась как раз в том, что она сумела вырваться за рамки циклического и освоить линейно-кумулятивный тип времени. Прежде всего, помог ей в этом, открытый еще древними греками, логический дискурс (рациональное логическое мышление), который выгодно отличался от коллективных верований, распространенных на Востоке. Вторым важным фактором стал иудео-христианский монотеизм с его отличным от политеистических верований отношением к природе и человеку – природа, отданная единым Богом в услужение человеку, стала превращаться в источник богатств и орудий труда, таким образом, монотеизм создал глубокие социокультурные предпосылки инструментального отношения к природе. Кроме того, благодаря западному монотеизму, произошло формирование автономной личности, не растворенной в коллективе¹⁹⁵.

¹⁹⁵ См. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая шк., 1996. – С. 75–77.

Таким образом, А.С. Панарин отождествляет политическое время с социальным, подразумевая под ним течение исторического процесса, политическое и социально-экономическое развитие цивилизации. Кроме того, Панарин разграничил политическое время «восточного» и «западного» типа – циклическое и линейное. В отличие от С.С. Андреева, Панарин не считает политическое время абсолютно объективным явлением, не зависящим от воли и сознания отдельных людей, по его мнению, на течение политического времени оказывает влияние конкретное общество или направление развития цивилизации, множество социально-экономических факторов.

М.В. Ильин также один из первых в постсоветской России поднял вопрос о соотношении политики и времени, о сущности времени политического. Кроме того, именно в журнале «Политические исследования», главным редактором которого был М.В. Ильин, в 1999 году была открыта рубрика «Пространство и время политики», в рамках которой была предпринята первая серьезная попытка обобщить весь накопленный опыт по хронополитической проблематике.

Политическое время, по мнению Ильина, выполняет множество функций. Среди них – оформление, институционализация политических действий и процессов, связывание воедино всей палитры политической событий, действий, процессов и акторов. Кроме того, политическое время является одновременно еще и одним из важнейших ресурсов власти. Исходя из этого, Ильин делает вывод о том, что недостаток политического времени грозит политике разложением, распадом.

Но помимо такого обобщенного взгляда на политическое время, Ильин предлагает трактовку политического времени с позиций современной политической науки. Категория политического времени охватывает практически все разделы и направления политической науки, практически невозможно найти такую проблему политологии, которая не требовала бы рассмотрения ее в динамике, «во времени»¹⁹⁶.

Политический процесс Ильин понимает как особую систему, существующую во времени. Политическая реальность, по мнению Ильина, разбивается на множество дискретных частей – фактов, таким образом, весь процесс представляет собой логическую череду этих фактов. И здесь чрезвычайно важно соотнесение с прошедшими и будущими процессами, которое позволяет определить характер системы

¹⁹⁶ Ильин М.В. Феномен политического времени. // Полис. – 2005. – №3. – С. 5.

(например, открытость или закрытость). Кроме того, Ильин считает, что политические процессы цикличны по своей природе, что собственно и позволяет определять их как системы. Полноценная система образуется только после полного завершения цикла самовоспроизводства (монархия проходит такой цикл от одной коронации до другой, республика от выборов до выборов), а повторение цикла закрепляет систему.

Ильин также раскрывает одно из свойств политического времени, упомянутых выше – неравномерность. По его мнению, феномен времени, раскрывается наиболее плотнее, если посмотреть на него сквозь призму эволюции. Именно на вершине эволюции время становится максимально плотным и многослойным, что дает возможность наиболее эффективно рассматривать прошедшие времена, обладающие соответственно меньшей плотностью.

Ильин выделяет три диапазона времени, который человек воспринимает одновременно. Это равномерное реальное время (Повседневность), многовекторное время истории (История) и время взаимосвязи эволюционных состояний (Хронос или Развитие). При этом каждый из этих диапазонов наделен своей логикой, размерностью, которые при первом приближении сложно друг с другом сопоставить. Кроме того, серьезную проблему представляет переход от одного диапазона в другой, ведь, например, ход исторического времени может не совпадать с течением времени физического.

Время воспринимается по-разному и обладает разными свойствами, если мы следим за событиями в реальном, настоящем времени, иначе – если вспоминаются и осмысливаются явления и события прошедшие, иначе – если проводится анализ накопленного потенциала и осуществляется прогноз на будущее. Наложение масштабных исторических событий на «мелкие», повседневные некорректно, для первых необходим иной уровень обобщения, более масштабный, первые же, соединяясь, представляют собой некие «кванты» на линии темпоральности, которые в свою очередь, при еще большем отдалении, становятся еще менее различимы и на первый план выдвигаются еще более обобщенные тенденции политического развития. Таким образом, шкала темпоральности, которую предлагает Ильин, оказывается разделенной не отдельными событиями, а переходами от одних качественных состояний к другим. Такой диапазон темпоральности в политическом контексте Ильин называет собственно хронополитическим.

Прогресс, в отличие от целого ряда исследователей, Ильин рассматривает не линейно, а в виде кругов (или сфер) вокруг исходной точки-мгновения. Первым таким кругом, в котором будет протекать движение, будет Повседневность, движение здесь практически не заметно, потому что воспринимается субъектами как сиюминутное, движение это начнет осознаваться не скоро, а только в связи с удалением его от точки мифического начала. Следующим кругом является темпоральность Истории, а внешнее кольцо это Хронос, долгосрочное развитие. Все эти диапазоны накладываются друг на друга, образуя тем самым переходные формы, и таким образом, уже можно насчитать пять колец темпоральности, расширяющиеся тем больше, чем дальше они расположены от центральной точки. В рамках такой расширяющейся кольцеобразной модели темпоральности линейный прогресс можно представить в виде спирали. Степень «прогрессивности» того или иного явления в таком случае определяется удаленностью его от центральной точки.

Таким образом, М.В. Ильин не только говорит о многослойности времени, но и выделяет эти слои – Повседневность, История и Хронос (Развитие). Кроме того, Ильин выдвигает идею кольцеобразного строения времени.

Чихарев И.А. предпринял попытку обобщить идеи, изложенные в трудах отечественных исследователей за последнее десятилетие по вопросам политического времени и хронополитики в своей статье «Хронополитические исследования: опыт синтеза» («Полис», 2003, №6).

И.А. Чихарев, прежде всего, ставит вопрос о существенных отличиях, которые выделяют политическое время из массива времени социального. Он отмечает, что политические изменения не всегда соответствуют социальным (политические изменения могут, как опережать социально-экономический процесс, так и не успевать за ним).

Кроме того, Чихаревым стала разрабатываться проблема применения хронополитического знания к проблемам международной политики и международных отношений.

И.А. Чихарев впервые предпринял попытку свести вместе взгляды отечественных политологов на хронополитику и важнейшие ее категории, в том числе и на категорию политического времени.

Итак, можно сказать, что отечественные ученые-политологи рассматривают категорию политического времени с двух сторон. С одной стороны, часть исследователей подчеркивают близость и родство по-

литического времени с социальным (Андреев, Панарин, Семенов), а с другой стороны, часть исследователей (в их числе Ильин) рассматривает политическое время как родственное времени историческому.

Таким образом, категория политического времени, несмотря на то, что начала разрабатываться в России сравнительно недавно, уверенно вошла в отечественный политологический дискурс.

Итак, проанализировав взгляды отечественных ученых-политологов на категорию политического времени, перед нами разворачивается следующая картина – получается, что на некоторые характеристики и свойства политического времени разные ученые имеют диаметрально противоположные взгляды. Например, среди свойств одновременно выделяется объективность (Андреев) и субъективность (Панарин), необратимость (Андреев) и обратимость (Венгеров). Таким образом, дискурс политического времени в отечественных гуманитарных исследованиях можно считать открытым.

А.Б. Борисова

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС: ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Понятие «дискурс» в настоящее время часто используется в научной и публицистической литературе, причем термин употребляется в самых различных, порой взаимоисключающих значениях. По выражению одного из основателей дискурсного анализа в области социальных наук Т.Ван Дейка, часто наиболее неопределенные и расплывчатые термины становятся широко популярными и частоупотребимыми. Одной из причин такой многоплановости употребления понятия дискурс является многозначность слова «дискурс» в различных языках, что позволило с равным успехом применять его для описания явлений различных уровней реальности¹⁹⁷.

Долгое время понятия «текст» и «дискурс» отождествлялись. Одним из первых употребил термин «дискурс» в качестве самостоятельного термина американский лингвист А.Харрис в 1952 г. в статье, посвященной исследованию языка рекламы.

---

¹⁹⁷ Толпыгина О.А. Понятие дискурса и дискурсивный анализ в общественных науках. - scriptum.gramota.ru/linguo.doc.

Примерно в это же время понятие дискурса прозвучало у Ю.Хабермаса. Он понимал под дискурсом коммуникацию особого вида, специфический диалог, цель которого – непредвзятый анализ реальности, очищенный от субъективизма исследователя¹⁹⁸.

Можно выделить два подхода к определению дискурса. В первом случае под дискурсом понимаются фрагменты действительности, обладающие временной протяженностью, логикой развертывания (сюжетом) и «представляющие собой законченное сочинение, сформированное на основе организации смыслов (законченное «произведение», например, в виде текста) с использованием смыслового кода (словаря и т.п.)»¹⁹⁹. Задача анализа здесь состоит в том, чтобы постичь эту внутреннюю логику явления и выявить способы, приемы, посредством которых сюжет конструируется и разворачивается в реальности.

Представители данного подхода выделяют два аспекта дискурса:

1. Дискурс – рамка, «порождающая система» (Дж.Поккок, К.Скиннер). Для обозначения этого явления часто используются термины «язык», «идеология»; именно в этом значении говорят о дискурсе либерализма, консерватизма и т.д.;

2. Конкретный дискурс – дискурс-произведение, обладающий определенным сюжетом, например, дискурс выборов Президента РФ 2000 г.

Представители другого, более узкого подхода, трактуют дискурс как особый вид коммуникации. «Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие»²⁰⁰.

Если применить этот подход к анализу социальных и политических явлений, то дискурс будет определять не межперсональный диалог как «речевое событие», а «социальный диалог, происходящий посредством и через общественные институты между индивидами, груп-

¹⁹⁸ Словарь политической терминологии. – М., 1990. – С. 234.

¹⁹⁹ Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания политических понятий. – М., 1997. – С. 14.

²⁰⁰ Менеджерская Е.О. Термин «дискурс» в современной и зарубежной лингвистике//Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. – М., 1997. – С. 20.

пами, а также и между самими социальными институтами, задействованными в этом диалоге»²⁰¹.

С точки зрения теории дискурса, все объекты действительности имеют дискурсивный характер: любое явление вписано в контекст, который и придает ему полноту смысла. Явления и объекты окружающего мира могут приобретать различные значения (или идентичности) в зависимости от тех специфических обстоятельств, в которые они погружены. Дискурс выступает способом упорядочения реальности, механизмом определения ценности (значения) как самого индивида, так и предметов окружающего мира. По выражению Дж.Фиске, «реализм – это не то, что реально, а то, что дискурсивно привычно»²⁰². Не вписанное в сферу дискурса явление воспринимается неадекватно, иногда «как курьез», по мнению А.Дерябина. Дискурс «репрезентирует хаос окружающего, которое внеконтекстуально и его релевантность порой с трудом поддается оценке...»²⁰³. Отсюда вытекает представление об относительном характере идентичности. Полное понимание и объяснение какого-либо объекта или процесса возможно лишь в случае выявления того особенного дискурса, в рамках которого эти процессы протекают.

Одним из наиболее развитых направлений анализа в рамках данного подхода является контекстный анализ политического дискурса, а точнее – его отдельных составляющих. В результате такого контекстного анализа выявляются особенности смыслов отдельных составляющих политического дискурса, формирующиеся под воздействием внешних для него факторов (социально-экономических, культурных и политических условий). При этом признается, что дискурс не является простым отражением процессов, происходящих в других областях социального мира, например, в экономике. Он объединяет смысловые элементы и практики всех сфер общественной жизни. Для объяснения процесса его конструирования используется концепция артикуляции. Соединясь, разнородные элементы образуют новую конструкцию, новые смыслы, новую череду значений или дискурс²⁰⁴.

²⁰¹ Дука А. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 1. – С. 14.

²⁰² Analysis // Theory and Method. London: Routledge. 1999 – С. 61.

²⁰³ Дерябин А. Телевизионные новости как коммуникативное событие // Дискурс. – 1998. – № 7. – С. 61.

²⁰⁴ Толпыгина О.А. Понятие дискурса и дискурсивный анализ в общественных науках. – scriptum.gramota.ru/linguo.doc – С. 5.

Это положение было реализовано, например, в практике лейбористское правительство, пришедшее к власти в Англии в 1950-х гг. Оно выстроило свою программу, используя различные идеологические компоненты: государство всеобщего благосостояния, обещания всеобщей занятости, кейнсианская модель управления, национализация определенных индустрий, поддержка предпринимательства, холодная война. Эта стратегия была не просто выражением интересов определенных социальных слоев общества, ответом на изменения в экономике; она явилась результатом объединения различных политических, идеологических и экономических моделей, в результате чего был сконструирован новый дискурс.

Обращение при анализе дискурса-произведения к достижениям риторики и литературоведения предполагает, в первую очередь, использование методов, связанных с анализом сюжета. Здесь существуют хорошо зарекомендовавшие себя схемы и модели, которые позволяют представить отдельные политические события и процессы (митинг, избирательный процесс и т.п.) как дискурс со своим сюжетом, смыслами и прочими параметрами и спрогнозировать его развитие. Большое внимание уделяется исследованию альтернативных сюжетов на основе одной исходной модели, а также изучению сюжетов с открытыми концами. Эта техника и технология позволяет получить хорошие результаты при анализе политического процесса как динамической характеристики политики²⁰⁵.

Практическое применение теории дискурса можно продемонстрировать на примере анализа тетчеризма (С.Холл). Проект тетчеризма состоял из двух, во многом взаимоисключающих друг друга сфер идей и теорий: это элементы неолиберальной идеологии (артикулировались концепты «личные интересы», «монетаризм», «конкуренция») и элементы консервативной идеологии («нация», «семья», «долг», «авторитет», «власть», «традиции»). Он был основан на соединении политики свободного рынка и сильного государства. Вокруг термина «коллективизм», который не укладывался в рамки этого проекта, идеологами тетчеризма была выстроена целая цепь ассоциаций, которая привела к возникновению социального неприятия этого понятия. Коллективизм в массовом сознании стал ассоциироваться с социализмом, застоём, неэффективным управлением, властью не государства, а профсоюзов в

²⁰⁵ Толпыгина О.А. Понятие дискурса и дискурсивный анализ в общественных науках. – scriptum.gramota.ru/linguo.doc – С. 5.

ущерб государственным интересам. Итогом этой политики стало внедрение представлений, что социальные институты, выстроенные в соответствии с идеологией «коллективизм», несут ответственность за кризисное состояние экономики и затянувшийся застой в обществе. Тетчеризм стал ассоциироваться с индивидуальными свободами и личным предпринимательством, моральным и политическим омоложением британского общества, восстановлением закона и порядка.

В современной науке понятие дискурсивного анализа очень часто связывается и с определенным способом говорения и обязательно имеет определение – КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс, ибо исследователей интересует не дискурс вообще, а его конкретные разновидности, задаваемые широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами, стилистической спецификой, а также спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д. Определение КАКОЙ или ЧЕЙ дискурс может рассматриваться как указание на коммуникативное своеобразие субъекта социального действия, причем этот субъект может быть конкретным, групповым или даже абстрактным»²⁰⁶.

Одной из разновидностей политического дискурса является электоральный дискурс.

В электоральном дискурсе прослеживаются те же стратегии, которые присутствуют в политическом дискурсе, поскольку он является его частью, но его качественная конфигурация специфична. Рассмотрим электоральный дискурс чуть подробнее.

Наиболее важной чертой, характеризующей электоральный дискурс, является его высокая степень соревновательности и театральности, поскольку главной целью любой избирательной кампании является победа на выборах. Это достигается путем воздействия на электорат, в ходе которого раннее имевшаяся у аудитории когнитивная информация заменяется на желательную для претендента. Поэтому важнейшим отличительным свойством электорального дискурса является высокая степень манипуляции, позволяющая достичь желаемого эффекта – побудить избирателей прийти на выборы и проголосовать за того или иного кандидата или партию.

Среди стратегий электорального дискурса можно выделить следующие:

---

²⁰⁶ Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В., Колдасов С.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка – М., 1993 – С. 102.

1. Стратегия самопрезентации – создание собственного позитивного имиджа,
2. Стратегия дискредитации оппонента,
3. Стратегия содержательного анализа и оценки ситуации,
4. Стратегия самозащиты,
5. Стратегия побуждения и манипулирования²⁰⁷.

В частности когнитивно-информативные стратегии самопрезентации нередко реализуются тактиками самовосхваления, конструирования надежды, позитивного позиционирования и использования прежних заслуг – «тактика от достигнутого результата».

К примеру тактику позиционирования очень удачно использует партия «Единая Россия». Она открыто связывает личность президента со своей партией и выбранным политическим курсом. В программе «Единой России» говорится, что Россия, следуя курсом президента Путина, станет мировым центром влияния и обновится, придя к суверенной демократии.

«Путин сам увязал результат выборов с доверием лично к нему. До сих пор это делали только политологи, что скорее могло только дезавуировать такого рода идею. «В какой форме я это сделаю, я пока воздержусь от прямого ответа. Существуют различные варианты, и если это произойдет, то есть тот результат, на который я рассчитываю, то у меня такая возможность появится. А вам за то, что вы хотите проголосовать за «Единую Россию», спасибо»²⁰⁸.

Также с президентом себя позиционирует партия «Справедливая Россия», но здесь необходимо отметить так называемую «двойную» стратегию. С одной стороны, это проправительственная партия, которую возглавляет человек, близкий к В. Путину и пользуется его поддержкой. С другой стороны, социалистические лозунги «Справедливой России» направлены на то, чтобы охватить сектор, традиционно принадлежащий коммунистам. Например, «Наш курс – новый социализм!», «Слабым – защиту, а сильным – возможность самореализации», «Современная медицина – для всех и каждого!» и т.д.

«Справедливая Россия» таким образом находится в крайне сложной ситуации – она как бы проправительственная и как бы оппозиционная. Поэтому она не может выступить против правительственного

²⁰⁷ Гийому Ж. Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. – М., 1999. – С. 124–136.

²⁰⁸ Красников ВВ. «Лучше ничего у нас нет»//Новые известия. 14.11.2007 – С3.

курса, она не может прямо выступить против «Единой России», что очень хорошо используют другие партии, в частности КПРФ и ЛДПР.

Излюбленными приемами реализации стратегии дискредитации оппонента являются тактики прогнозирования будущих ошибок конкурентов – создание отрицательных «меток» путем предупреждения электората о таких просчетах. Маркерами этой тактики в дискурсе служат глаголы настоящего и будущего времени и модальные конструкции²⁰⁹.

Данную стратегию в период идущей избирательной кампании используют оппозиционные партии, в частности ЛДПР и КПРФ. Они открыто противопоставляют себя «партии власти». Например, «Мы все видим, слышим и ощущаем, что чиновники и олигархи прибирают к своим рукам всю власть... Это приведет к ситуации, когда богатые станут еще богаче, а большинство населения только беднее...». Или «Мы видим, что Россия превращается в тоталитарное государство... Если не остановить чиновников сегодня, завтра будет уже поздно».

Стратегия самозащиты нередко вербализуется тактикой переадресации удара либо тактикой превентивного нападения и др. Она состоит в переносе «удара» со своей персоны или партии на конкурента, напоминая ему о его собственных ошибках.

Манипулятивно-воздействующей является и тактика «немедленного результата», направленная на усиление мотивации голосования путем использования стремления избирателей получить результат сразу после выборов²¹⁰. Маркером этой тактики служат слова времени и места, такие как здесь и сейчас, как только и т.д.

Здесь можно отметить такие лозунги как повышение пенсий, заработной платы, стабилизация цен, бесплатное высшее образование и медицина и т.д. Также очень широко используется миф о судьбоносном выборе. Его основой, исходной формой можно видимо, признать «сказку об Иване – Царевиче и Сером Волке», где сюжетным ключевым и смысловым моментом становится судьбинный выбор: прямо поедешь, будешь голоден и холоден, направо поедешь – коня потеряешь. Отсюда и множество слухов о развитии ситуации после декабрьских выборов.

Все эти выделенные стратегии электорального дискурса служат целям воплощения различных базовых интенций говорящего, которые

²⁰⁹ Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. – М., 1999. – С. 302.

²¹⁰ Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. – М., 1999. – С. 302.

способны реализоваться не обособленно, а во взаимосвязи друг с другом: самопрезентация + оборона, самопрезентация + запугивание и т.д.

Как показывает приводимая система тактик и реализуемых ими стратегий дискурса, «любая таксономия будет по необходимости выборочным и отчасти произвольным членением множества возможностей»²¹¹.

Подводя итоги, следует отметить, что теория дискурса позволяет исследовать логику и структуру конструирования явлений различных уровней реальности: от анализа электорального дискурса до рассмотрения глобальных процессов (напр., модернизация, демократизация) с использованием сходных методов. Универсальность данной методики во многом предопределила широкое распространение дискурсивного анализа в общественных науках.

Е.И. Поддубнова

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ДИСКУРС ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Несмотря на то, что понятие дискурса уже прочно вошло в политическую науку и активно используется, до сих пор возникают трудности с определением дискурса для конкретной рассматриваемой ситуации. Наиболее универсальным и удачным для политической науки представляется определение дискурса как «текста в социальном контексте, дающем представление об участниках и условиях коммуникации»²¹². Однако, очевидно, что дискурс какого-либо институционального образования будет качественно отличаться от дискурса научной концепции или дискурса конкретной персоны. При этом различия будут наблюдаться не только в содержательном аспекте (что естественно для каждого уникального явления), но и в самой форме анализа дискурса.

Исходя из понимания электронного правительства как нового института политической системы, в данном докладе в центре внимания окажется именно институциональный дискурс. За основу подобного анализа будет взято определение и структурное понимание дискурса

²¹¹ Абельсон Р. Структуры убеждения // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: 1987. – С. 371.

²¹² Пескова Е. Н. Политический дискурс: проблема институционализации. // Вестник ЮУрГУ, №7 (47), 2005. Серия «Социально-гуманитарные науки», вып.4. – С. 186.

Карасика Н.: «Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений».

Для описания конкретного типа институционального дискурса Карасик предлагает рассматривать следующие его компоненты:

1. Участники;
2. Хронотроп;
3. Цели;
4. Ценности;
5. Стратегии;
6. Тематика;
7. Разновидности и жанры;
8. Дискурсивные формулы²¹³.

Несмотря на то, что данный подход к дискурс-анализу институтов сформулирован учеными-лингвистами, он как нельзя лучше соответствует исследованиям политических, социологических и иных гуманитарных наук. Действительно, если мы коснемся любого политического института и начнем рассматривать «текст в социальном контексте», то неизбежно придем к выводу, что текст в данном случае – это общение в рамках института, а контекстом будут выступать именно статусно-ролевые отношения.

Отталкиваясь от определения электронного правительства как схемы взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления и граждан (а также всех институтов гражданского общества, включая бизнес-структуры), опосредованную сетью Интернет, естественно предположить, что основное содержание функционирования электронного правительства и есть общение. В этой связи особый интерес представляет изучение данного общения в институциональных рамках. Итак, начнем анализ по обозначенным выше компонентам.

1. Участники институционального дискурса. Из данного определения следует, что институт электронного правительства включает таких акторов, как представители органов государственной власти, органов местного самоуправления и граждан (гражданских институтов). Теоретически демократический характер института подразумевает равноправие и равностатусность всех участников. Однако, фактически органы государственной власти и муниципалитеты выступают в

²¹³ Пескова Е. Н. Политический дискурс: проблема институционализации. // Вестник ЮУрГУ, №7 (47), 2005. Серия «Социально-гуманитарные науки», вып.4. – С. 186.

качестве постоянных представителей института, а граждане и их организации – в качестве участников коммуникации, обращающихся к первым время от времени.

Относительно количественной характеристики участников институционального дискурса следует отметить, что здесь невозможно зафиксировать их точную численность. Потенциально участником данной коммуникации может стать любой гражданин, имеющий доступ в сеть Интернет (и в идеале адепты электронного правительства стремятся к 100-процентному охвату населения). Относительно органов государственной власти и местного самоуправления ситуация подобна первой – в идеале электронное правительство должно охватить все уровни власти. Таким образом, количество участников институционального дискурса электронного правительства стремится сравняться с общей численностью населения конкретного государства и потенциально охватывает иностранных граждан и иностранные организации, вовлеченные в коммуникацию.

2. *Хронотроп* институционального дискурса электронного правительства определяется продолжительностью коммуникаций в его рамках. С одной стороны, отдельные коммуникационные акты могут быть достаточно ограничены по времени: например, электронное голосование можно обозначить временными рамками с момента начала регистрации участников голосования и до момента обнародования результатов голосования. С другой стороны, если говорить о коммуникации внутри института электронного правительства, то она может выступать непрерывным временным континуумом совокупности постоянных коммуникаций, и здесь не имеет значения даже время суток.

3. *Цели* институционального дискурса обуславливаются разнообразием участников коммуникации. Каждый участник, вступая в коммуникацию, руководствуется персональными интересами и целями. Можно условно выделить три группы целей, исходя из трех основных групп-участников деятельности электронного правительства:

– органы государственной власти преследуют такие цели, как сохранение и укрепление политического влияния путем оказания воздействия на остальных участников коммуникации, повышение легитимности действующей власти, сублимация потенциального гражданского возмущения и недовольства в цивилизованные формы межсекторного общения, мониторинг потребностей населения и уровня местного самоуправления, оказание социальных услуг населению, налажи-

вание эффективного взаимодействия с нижестоящими органами государственной власти и органами местного самоуправления,

– органы местного самоуправления преследуют схожие цели, но их главное отличие – ориентация на территорию своей компетенции. Отсюда, кроме укрепления политического влияния, мониторинга потребностей и оказания социальных услуг населению и налаживания эффективной связи с государственной властью, муниципалитет преследует цели лоббирования интересов своей территории на федеральном уровне всеми способами, которыми располагает участник электронной коммуникации,

– граждане (их организации, институты, ассоциации) преследуют персональные или групповые интересы. Их целью может быть реализация собственных политических прав (участие в электронном голосовании), получение социальной услуги от государства (подача налоговой декларации, регистрация собственности через Интернет), осуществление заинтересованного политически-ориентированного общения (участие в форумах, публичных обсуждениях, Интернет-конференциях с должностными лицами комментирование электронных материалов), целенаправленное воздействие на властные структуры (использование практики обращений в Интернет-приемные должностных лиц, организация акций прямого влияния – например, так называемых «флеш-мобов»).

Однако, несмотря на разнообразие отдельных целей участников, существует и общая цель коммуникации внутри политического института электронного правительства: налаживание эффективного взаимодействия между всеми участниками процесса коммуникации, достижение путем такого взаимодействия гражданского согласия, перевод потенциальных конфликтов в плоскость цивилизованного ненасильственного решения.

4. *Ценности* институционального дискурса электронного правительства. Ключевыми концептами являются такие понятия, как власть, влияние, воздействие. Причем, эти концепты являются определяющими для всех участников, вступающих в процесс коммуникации – для каждого из них важно упрочить или проявить свою власть, расширить влияние или оказать целенаправленное воздействие. Западные исследователи и разработчики концепции электронного правительства заявляют также о таких ценностях, как демократия и права человека, являющихся, по их мнению, центральными и базовыми для данного ин-

ститута. Не будем отрицать эту точку зрения, так как теоретически институт электронного правительства вполне способен функционировать, опираясь именно на эти ценности.

В свете только что сказанного можно сделать вывод о том, что изменения в системе ценностей участников электронного правительства в большинстве случаев не приведут к разрушению данного института. Они могут существенно повлиять на функции, которые институт выполняет в обществе, а также на формы внутриинституционального дискурса. Надо сказать, что отсутствие или наличие ценности «демократия» оказывает влияние на дискурс электронного правительства в западных странах и в России. В частности, в демократических странах более распространена практика организации форумов и обсуждений, комментариев на сайтах органов государственной власти и в особенности, муниципалитетов. В России же коммуникация пока носит в большей степени односторонний характер, а сообщения и вопросы в процессе проведения Интернет-конференций достаточно жестко моделируются.

5. *Стратегии* дискурса во многом зависят от целей участников. Как правило, органы государственной власти ориентированы на проведение односторонней коммуникации и информирование иных участников о решениях, принятых этими органами. Примерно такой же стратегии придерживаются органы местного самоуправления. Третья группа участников, «гражданский сектор», чаще всего выбирает одну из двух стратегий. Первая состоит в официальном общении с органами государственной власти и муниципалитетом, согласно установленным формам – заявлениям, обращениям и иным документированным формам. Вторая стратегия предполагает менее формализованный способ общения, он состоит в участии в политическом общении (о чем уже была речь ранее). Причем, это общение может быть организовано как на уровне «гражданского сектора», так и вовлекать властный уровень.

6. *Тематика* дискурса электронного правительства, учитывая все вышесказанное, очевидно разнообразна. Центральной темой, естественно, становятся отношения между участниками коммуникации (в каждом конкретном случае они разные). Основное внимание уделяется принятым и принимаемым органами государственной власти и муниципалитетами политическим решениям, их реализации и последствиям. Тематика институционального дискурса меняется и в зависимости от ситуационных факторов: в электоральный период актуализируется

тема выборов, в период социальных кризисов – тема социальной политики, и т.д. Не стоит забывать и о постоянных мелких тематиках более персонализированного общения, которые имеют значение в процессе реализации социальных услуг населению.

7. *Разновидности и жанры.* Следует сразу выделить две формы дискурса – официальную и неофициальную. Неофициально отношения между участниками институционального дискурса могут быть представлены в форме монолога, диалога или многоакторной беседы (дискуссии) любыми жанрами средств массовой информации. Причем, Интернет-пространство характеризуется сочетанием письменных форм, присущих СМИ (большая часть коммуникации осуществляется в текстовом виде), форм телевизионной журналистики (с улучшением качества Интернет-пространства увеличивается востребованность видеоматериалов, видеороликов, популярны анимационные материалы), возможно использование форм радиожурналистики (используется практика записи и опубликования аудиофайлов), широко применяется графическая форма осуществления коммуникации. Подобная медийность электронного правительства значительно расширяет возможности психологического воздействия на партнера по коммуникации.

Вторая часть дискурса электронного правительства представлена в виде официальных текстовых документов, использующихся в формализованном нормативными актами документированном общении. К этой части относятся различного рода тексты нормативно-правовых актов, заявления (бланки заявлений), обращения, отчеты, протоколы заседаний, решения судов и иные документы подобного рода.

8. *Дискурсивные формулы* это своеобразные речевые обороты, свойственные общению в политическом институте. В рамках электронного правительства можно выделить устойчивые словосочетания, органично воспринимаемые участниками института. К таким дискурсивным формулам можно отнести «электронное голосование», «документ, заверенный электронной подписью» (пока еще не получивший широкого распространения в России), «он-лайн-конференция», «поисковый запрос» и т.д. Эти формулы во многом пришли из виртуального пространства Интернет, частью соединились с профессиональной речью государственного управления и публичной политики. С развитием института электронного правительства закономерно возникновение новых дискурсивных формул и, возможно, отмирание старых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что институциональный дискурс электронного правительства носит культурогенный характер, то есть затрагивает практически все сферы общественной жизни, заключая в себе определенный политический подтекст. Участников дискурса объединяют общие ценности – власть, влияние, воздействии. Данный дискурс весьма разнообразен по целям, тематике, жанрам и разновидностям, неограничен временными рамками.

Важной характерной его чертой является то, что вся коммуникация целиком опосредована электронным форматом – общение осуществляется только посредством сети Интернет, что исключает возможность непосредственного личного воздействия одних участников на других.

Другая особенность дискурса электронного правительства заключается в том, что все информационные потоки в любом направлении через данный институт контролируются органами государственной власти, что автоматически не позволяет институту превратиться в площадку для открытого политического общения, обсуждения, соперничества.

Таким образом, рассмотренные институциональные и статусно-ролевые рамки существенно отличают дискурс электронного правительства от политического дискурса в широком понимании и позволяют говорить о нем как о специфическом дискурсе в поле политического.

Л.П. Юздова

Челябинский государственный педагогический университет
г. Челябинск

КАТЕГОРИЯ КВАЛИТАТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на примере анализа текстов Г.А.Зюганова)

Исследуя дискурс, в частности, представленность в нем категории квалитативности, мы используем социолингвистический подход, который предполагает анализ участников общения как представителей определенной специальной группы или определенного социального института. Политический дискурс является видом дискурса институционального, предполагающего общение в заданных отношениях статуса и роли. Институциональный, в нашем случае политический дискурс, выделяется на основании системообразующих признаков: важны цели общения и характерные признаки его участников. Цель политического дискурса – получить власть и удержать ее. Участниками этого процесса являются люди, занимающиеся политикой профессионально, с ис-

пользованием определенного инструментария они и завоевывают умы и голоса электората. Ключевым концептом политического дискурса является концепт «власть», вокруг которого организуются другие концепты, не менее важные и значимые. Многие из перечисленных концептов непосредственно связаны с оценкой окружающего мира, прежде всего, соперников по политической борьбе, а также ситуации в мире, стране, городе и т.д. С категорией оценки непосредственно, в свою очередь, связана категория качественности, или качества. Качественность есть оценка свойств «предмета» человеком. Качественность определяется отношением человека к предметам, продолжим, признакам, процессам, зависит от психофизиологических и интеллектуальных свойств самого человека, а также от роли человека в обществе. Политический дискурс пронизан оценочностью. Оценочность проявляется на уровне лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса. Качество не абсолютно – оно относительно, субъективно. Чем больше у человека знаний и опыта, тем больше ассоциаций, а интеллект определяет способность анализировать поступающую информацию. Субъективизм определяется, прежде всего, менталитетом человека как такового и, конечно, его ролью в обществе.

Характер оценки может быть как положительный или отрицательный, так и нулевой. В политическом дискурсе в силу его специфики ярко проявляется пейоративная оценочность (отрицательная коннотация). Категория качественности представлена концептами, заключающими в себе оценку мира, воспринимаемого через призму завоевания и удержания власти. Оценочный потенциал ключевого для политического дискурса концепта «власть» можно сформулировать так: власть в настоящий момент находится у тех, кто ее не заслужил; политические оппоненты не говорят народу правды; власть должна принадлежать тем, кто сможет дать народу возможность жить лучше и т.п.

Этот оценочный потенциал широко представлен в политических текстах одного из самых авторитетных политиков конца XX – начала XXI века, председателя коммунистической партии Российской Федерации Геннадия Андреевича Зюганова.

Используются слова, принадлежащие к одному семантическому полюсу качественности, среди которых: наречия (ратифицировать договор об обычных вооружениях, который наша страна...продолжала неуклонно выполнять; мы плохо перерабатываем газ; выглядит это омерзительно), прилагательные качественного разряда или ставшие

такowymi в контексте (*грязные* идейки; *подлая* линия; *продажные* чиновники; главным инструментом пополнения казны стал *драконовский* НДС; партия *«небритого социализма»*; *уродливая* схема; *вороватое* чиновничество; *жесткий* неолиберальный курс; Касьянов... был самым *неуступчивым* и *глухим* к нуждам народа главой правительства), *существительные* (*одурачивание* общества; *выдавливание* русского населения; не хватало им *порнорежиссера*, вот они и приобрели его у Жириновского; кремлевские *кукловоды*), *глаголы* (нередко оценка дается через сниженный стиль) (*американские* базы *расползлись* от Прибалтики до Средней Азии; из Правительства надо *гнать* Фурсенко, Зурабова, Грефа и Кудрина; в резком росте цен виноваты правительство РФ и лично господин В.В.Путин, которые этот рост просто *«проспали»*; *уморил* полстраны; государство будет и дальше *гнить*, превращаясь в откровенную полицейщину).

Речь Г.А.Зюганова насыщена фразеологизмами с яркой оценочностью, в основном процессуальными (коммунисты *попытают* удачу и на выборах президента; Россия не может *сложив* руки *смотреть* на действия НАТО; *нагрели* руки спекулянты; в последний момент буквально *вытащили* из рукава главного преемника – Зубкова; *в ужас* пришли от ее представителей; *задушат* на корню всякую инициативу; на том же съезде руководителей малых предприятий предприниматели буквально *криком* кричали с трибуны о том, что власть их не слышит; предприниматель *попадает* на *крючок* налоговой инспекции; проблема перепроизводства остро не стоит. Не до жиру. *Встать бы с колен*; ничего не продал, но государство уже *обдирает* тебя, как *липку*; приходит бригада налоговиков на фирму и *выворачивает* его *наизнанку*; в последние годы малый бизнес *попал* ещё *под* один *каток* – так называемого рейдерства; в итоге рейдеры скупают контрольный пакет акций, снимают старого директора, назначают своего, выставляют здание на продажу, причём уже по реальной рыночной цене, и *снимают сливки*; предприниматели *доходят* до *точки кипения*; что касается конкретных цифр, то это надо посмотреть внимательно, *не ломать через колено...*; *набивает карманы*; у них *руки чесались* свести счеты; а мы все *сводим* счеты: что там было, кто там был, а сами за пять лет не построили ни одного крупного наукоемкого предприятия; документ ПАСЕ *развязывает* руки силам; надо раз и навсегда *положить* конец опасным попыткам *пустить под откос* и без того крайне неустойчивый мир, в котором мы живем; мы ни перед кем и никогда не намере-

ны каяться и становиться на колени; напяливая на себя изъеденную молью шкуру антикоммунистических волков; ПАСЕ и те, кто стоит за ее позорной инициативой, на самом деле целят в Россию, не намеренную больше мириться со своим нынешним униженным положением и собирающую силы для того, чтобы *встать с колен* и двинуться вперед; мы должны донести до народа свою позицию и *раскрыть ему глаза* на пагубность проводимого властями курса).

Для выражения качественности используются также качественно-обстоятельственные фразеологизмы (*в упор* не видит их проблем; учитывать это мнение *не на словах, а на деле*; *ни с того ни с сего* стоимость продуктов выросла на 20, 30, 40 процентов, а то и удвоилась; накануне решающего голосования нас с депутатами даже в законное и проплаченное агитационное время на Первом канале ТВ в эфир не допустили. Боялись *до смерти*, что расскажем стране о недееспособном состоянии Ельцина).

Для выражения оценки используются и словообразовательные средства (я считаю, что это просто *стыдобушка*; срочно создают партию *«справедливцев»* Миронова и закачивают туда деньги; из партии *проверяльщики* не вылезают).

Для выражения собственной позиции и позиции своей партии Г.А.Зюганов использует однокоренные слова различных частей речи с ядерным значением «политически радикальный или более радикальный, чем другие»: *полевение* Америки (сущ.); кто верен *левым* идеалам; в последние годы одна страна континента за другой переходит на *левые* рельсы (прил.); настроения в стране *левеют* (глагол); страна *трезвеет* и *левеет* (глагол).

Особую «ауру» текстов политика создают картины-образы (паровой каток НАТО стремительно катится на Россию; американский доллар начнет чахнуть, кашлять и спотыкаться; они смотрят на нас не как на партнеров, а как на клиента, которого надо припарковать к своей сильной экономике и продиктовать свои условия; есть только желание присосаться к бюджету и удержаться в кресле; у Глазьева нет ни блока, ни движения – ничего нет. Есть Партия российских регионов, которая лежала где-то на складе, и сейчас ее срочно реанимируют. Вспомните, Глазьева туда приняли два месяца назад).

Тексты политика насыщены различными языковыми средствами. Предпочтение Г.А.Зюганов отдает:

синтаксическому параллелизму (*О какой нашей пассивности вообще может идти речь, если...*);

риторическим вопросам и восклицаниям (*И чем закончилось дело? А что творилось в телеэфире? Но какая там, к черту, справедливость? Какое глумление над историей!*);

обращению к прецедентным текстам (Решение Путина возглавить «Единую Россию» – это *момент истины*; У меня иногда складывается впечатление, что он (Миرون) решил создать партию *детей лейтенанта Шмидта во главе с Шурой Балагановым*; это не партия, а это *дети лейтенанта Шмидта во главе с Шурой Балагановым*; нас крайне беспокоит то, что Российское могущество перестает *прирастать Сибирью*; Грызлов, Жириновский и Миرون голосовали как члены одной организации. По сути, это *трехголовый Змей Горыныч*, который голосует так, как ему прикажут!; у нас вместо этого ЕГЭ проталкивают. Хотя натаскать с его помощью для *«отверточной сборки»*, конечно, можно);

лексическому повтору (*пассивный Зюганов*);

антитезе (мы для них не партнеры, а клиенты и доноры; бедные становятся все беднее, а олигархия все больше жиреет; У КПРФ - другой подход. Мы ведём диалог со всеми, кто умом и руками зарабатывает себе и своим близким на жизнь, открывает новые рабочие места, делает реальное дело);

перифразе (российская внешняя политика «встроилась в хвост *дяде Сэму*»; *дяде Сэму* и его союзникам абсолютно не нужна сильная, грамотная, современная, демократическая, преуспевающая Россия);

пословицам, поговоркам, анекдотам;

метафоре (вопрос о Косово – это сейчас *оселок*, на котором будут проверять решимость российского руководства отстаивать свою позицию; продолжение движения страны *по губительной ельцинско-гайдаровской колее*; страна подошла к такому рубежу, что *коридор* возможных решений для коренного изменения ситуации к лучшему стал принципиально *узок*; *трубадуры* антикоммунизма);

эпитетам (нынешней власти необходимо было застолбить движение страны по этой *жирно-грязной, вороватой* колее прежнего курса, чтобы с неё было, как можно труднее свернуть; ожидалось, что Путин выскочит из *жирной, грязной, вороватой* компании, но этого не произошло).

Используемые политиками языковые средства формируют языковую картину мира с ярко выраженной оценочностью. Речь конкретных

политиков, естественно, имеет свою специфику, но в целом политический дискурс достаточно узнаваем: базовой в нем является категории квалитативности.

Н.А. Левчук

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ЕВРО-РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Развитие современной научной мысли в своем теоретическом обосновании во многом обязано принципу, который открыл Рене Декарт. А именно – «явления внешнего мира рассматривать с точки зрения механического движения, явления же внутреннего, духовного мира рассматривать исключительно с точки зрения ясного, рассудочного самосознания»²¹⁴. Этот принцип также получает название принципа тождества бытия и мышления. Несмотря, на то, что в области естественных наук он до сих пор неоспорим и общепризнан, в гуманитарной сфере, в том числе, и в политических науках, этот принцип был пересмотрен в связи с тем, что задачей философии и политологии всегда являлось рассмотрение одной из сторон существующего обязательно на фоне всего существующего, взятого во всей полноте его содержания. Одним из первых несостоятельность данного принципа вслед за Сведенборгом, осознал Кант. Задаваясь вопросом о сущности и свойствах пространства, он приходит к мысли, что «пространство вовсе не имеет своей собственной реальности, но является лишь формой нашей чувственности»²¹⁵. Мы не можем знать ничего о мире, как чем-то независимом от нас, ибо тот мир, который мы знаем, есть продукт нашего сознания. Однако и эта новая мысль критиковалась в том плане, что для познания всеобщего нам бы пришлось отделять свое мышление от предметов и образов, и знание было бы трансцендентным, «внеопытным». Спустя некоторое время исследованием этой проблемы занимался Георг Гегель и пришел к выводу о том, что настоящее познание не в отрешении от предметов, а в познании их в их истине. Это тождество познаваемого и познающего. В противоположность Канту он утверждал, что истина не заключается в вещах и предметах и не создает-

²¹⁴ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 464 с. (Вступление В.С. Соловьева, стр.8).

²¹⁵ Кант И. *Метафизика нравов: в 2 частях*. – М.: Мир книги, Литература, 2007. – 400 с.

ся нами, она раскрывается в процессе раскрытия нашего содержания в мышлении, она присуща предметам и нашему «я» сама по себе.

Несмотря на эти научные достижения, избежать кризисов в развитии познания и производства не удавалось. Осмысление их создало убежденность в том, что причиной этому является тотальность принципа субъективности, заложенной система Декарта и Гегеля. Одним из результатов этого осмысления стали работы французского философа Жака Деррида – «Голос и феномен», «Письмо и различие». В них он дает развернутую критику тотализации смыслов. Анализируя философские изыскания Гегеля, он пишет о том, что неправильно понимание человека исключительно через его духовную сущность и деятельность, иначе все, что бы ни высказывалось, обладало абсолютным смыслом. Западную философию он рассматривает, как базирующуюся на «логоцентризме». То есть любое вторичное понятие будет рассматриваться как производное от первого, от фундамента, так как наличие такого главенствующего смысла подразумевает различения его. Деррида, однако, утверждал, что первичный смысл может быть производным от вторичного. Мысль философа о том, что значение является продуктом языка, была воспринята в теории дискурса.

Дискурс не является текстом или образом, он появляется и становится таковым, когда этот текст или образ воспринимает субъект. На мой взгляд, ключевое в дискурсе это интерпретация и установление коннотативных значений. Дискурс это процесс, который зависит от мировоззрения, уровня и как ведущих психологических особенностей воспринимающего образа субъекта, так и от ситуативных его характеристик. При этом под субъектом восприятия образа может пониматься не один человек, а группа людей, или не обязательно человек. Процесс восприятия может быть продлен во времени и пространстве. Современные дискурсивные практики приложимы во многих областях, в том числе и в политической. Субъективность в политике играет значительную роль и зачастую от того, как именно интерпретирован тот или иной смысл слов или образ зависит характер принятого решения.

Целью данной статьи является рассмотрение евро-российского политического дискурса. При подходах к этому вопросу будет использовано понимание дискурса, данное выше.

Основными задачами являются выявление специфики евро-российского политического дискурса, узловых моментов интерпрета-

ции, а также перспектив развития евро-российских отношений в свете образного восприятия политики друг друга.

В свете того, что рассматриваются политические отношения сторон, было бы уместно здесь взять евро-российские отношения в более узком смысле – отношения России и Евросоюза.

Довольно долго принято было считать, будто отношения России и Европейского союза в 90-е годы, если и не стали образцом сотрудничества между Востоком и Западом, все же складываются благоприятно. Это отразили такие важные документы, как «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» (1994), «Общая стратегия ЕС в отношении России» (лето 1999) и ответная «Стратегия развития отношений Российской Федерации и Европейского союза на среднесрочную перспективу (2000-2010)» (осень 1999). В 2000-м на долю государств-членов ЕС приходилось до 40 проц. всего внешнеторгового оборота России²¹⁶.

Однако по оценке большинства отечественных исследователей и европейских экспертов интересы России и ЕС последнее десятилетие противоречили друг другу, хотя стороны не признавали этого «вслух», скрытое напряжение и конкуренция все же существовали и существуют до сих пор. Основные разломы в евро-российских политических отношениях проходят по следующим линиям:

1. Необоснованные ожидания и несовпадение интересов. Под знаком завышенных ожиданий развивались евро-российские отношения после распада Советского Союза. В рамках дискурсивного подхода отметим разное понимание образа России вскоре после реформ. Сама Россия была не готова к такой быстрой трансформации и воспринимала себя как страну, нуждающуюся в материальной и политической поддержке. Европейская сторона ожидала смягчения политики протекционизма со стороны России. На западе верили тому, что Россия вскоре успешно перейдет к либерально-демократической системе. Россия ожидала роспуска НАТО, а не его расширения. Но отметим здесь не столкновение, а именно несовпадение интересов. Россия и ЕС по-разному интерпретируют критерий успешности в отношениях друг с другом,

²¹⁶ Тимофей Бордачев «Тerra incognita, или Европейская политика России» Том 6, 2001 год, № 4, Осень – Внешняя политика России: 1991-2000, Часть II, <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/55579.htm>.

2. Расширение НАТО. Пожалуй, это один из наиболее «острых» моментов в евро-российских политических отношениях. Расширение НАТО на восток сегодня воспринимается как угроза национальной безопасности Российской Федерации. Последнее расширения северо-атлантического альянса в 2004 году и вхождение в альянс Прибалтики, окончательно доказало серьезность намерений европейских стран увязывать свое внешнеполитическое поведение с интересами Соединенных Штатов на территории Евразии. Отношения России и Европы находятся под пристальным вниманием США. Евросоюз и Россия по-разному понимают роль НАТО. Евросоюз хочет укреплять свою военную мощь за счет ресурсов и средств альянса, кроме того, в НАТО она видит гаранта своей безопасности. Россия же совершенно справедливо пытается показать Европе, что альянс угрожает не только безопасности России, но и европейской безопасности. Чтобы выглядеть в этой оценке как можно более независимой от позиции одной из сторон дискуссии, приведу в пример позицию третьей стороны. Один из вашингтонских «ястребов» Збигнев Бжезинский в своей знаменитой книге «Великая шахматная доска» утверждает следующее: «Америка заинтересована укрепить и сохранить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии. Эта задача предполагает поощрение возможных действий и манипуляций, с тем, чтобы предотвратить появление враждебной коалиции, которая могла бы бросить вызов ведущей роли Америки»²¹⁷. Хочется заметить, что это мнение не рядового ученого, а бывшего советника по национальной безопасности, к чьим концепциям не просто прислушиваются, а отображают их во внешнеполитических стратегиях США. В эту концепцию вполне вписываются поддержка политических конфликтов на территории Евразии и Европы и финансирование сепаратистских движений. Той самой «враждебной коалицией, которая могла бы бросить вызов ведущей роли Америки» мог бы стать Евросоюз, однако для этого необходимо, чтобы 90% европейских стран не входили в НАТО и европейские страны видели угрозу не со стороны Российской Федерации, а со стороны США,

3. Отсутствие у России скоординированной политики по отношению к ЕС. Ряд европейских авторов указывают, что Россия не выработала единую скоординированную политику по отношению к Ев-

---

²¹⁷ Збигнев Бжезинский «Великая шахматная доска» М.: Междунар. отношения, 1998.

росоюзу.²¹⁸ Причина этого видится в том, что Россия воспринимает Евросоюз как одну из международных организаций, в то время как это организация наднациональная. Политика в большинстве сфер общая для европейских государств и курируется Европейской комиссией, можно сказать, что ЕС – протогосударственное образование. Россия же, унаследовав опыт двустороннего подхода во внешней политике, поддерживает отношения и развивает внешнеэкономические связи отдельно с Великобританией, отдельно с Германией, Францией и другими европейскими странами, однако до сих пор не выработала общего подхода. В основном такие двусторонние отношения сводятся к проведению дипломатических встреч лидеров государств, учитывая то, что в Евросоюзе более 25 стран, то такое сотрудничество достаточно затруднено во временных и пространственных рамках. В то время как наиболее эффективным выглядела бы выработка решений на уровне встречи с лидерами ЕС,

4. Протекционизм. Политика протекционизма всегда вносит напряженность в отношения между партнерами. Особенно таких сильных как Европа и Россия. Попытка указывать или диктовать условия прослеживалась в критике России Европой по поводу чеченской кампании. Во время балканского кризиса, когда Москва поддерживала борьбу Белграда за «Большую Югославию», ЕС не только признали новые балканские государства, но и всячески стремились поддержать участие США в урегулировании балканского кризиса. К протекционизму на территории Европы со стороны США относятся и случаи наложения вето на вступление России в ВТО рядом европейских государств, попытки «политического шантажа»,

5. Нефтегазовое недоверие. Энергетическая безопасность сегодня одна из самых важных составляющих мировой стабильности. В скором будущем, если альтернативные источники энергии не будут найдены и восприняты в промышленных масштабах, доступ к энергоресурсам будет определять возможности и условия существования и развития экономики. Дискурс в сфере энергобезопасности предполагает различное видение и восприятие субъектами одной и той же проблемы – нехватки ресурсов и способов урегулирования данной проблемы. Россия стремится взять на себя ответственность за энергетиче-

---

²¹⁸ Kempe I. Direct Neighbourhood Relations between the Enlarged EU and the Russian Federation, Ukraine, Belarus and Moldova. Göttersloh: Bertelsmann Foundation Publishers, 1998.

скую безопасность, «выступить гарантом системы взаимных обязательств в энергетической сфере»²¹⁹. При этом Россия опирается на уникальное географическое положение, значительные запасы газа и нефти, развитую инфраструктуру транспорта энергоресурсов, научный потенциал в области энергетики, осознавая также проблемы, связанные с технологическим отставанием и ресурсными ограничениями. Европа, как основной потребитель российских энергетических ресурсов, признает ведущую роль России в вопросах урегулирования энергетической сферы. Однако последнее усиление рациональных экономических мотивов во взаимных отношениях России и ЕС, породили напряженность и открытое недовольство политикой России. Евросоюз опасается установления российской монополии на урегулирования энергетических вопросов, в частности на стоимость энергоресурсов, одностороннего развития нефтегазодобычи. Ряд европейских стран пытаются решать этот вопрос не политическим давлением через Евросоюз и мировую общественность а развитием совместных с Россией инвестиционных проектов, вовлечение европейских инвесторов в проекты развития добычи ресурсов на территории России,

б. Конкуренция на пространстве СНГ. Хайнц Тиммерманн, бывший руководитель отдела России и стран СНГ в фонде «Наука и политика» дает следующую оценку: «Хотя и Россия, и ЕС заинтересованы в стабильности разделяющего их теперь «межъвропейского пространства», западные политологи вынуждены признать, что оно все более явно превращается в арену соперничества. Основанием для такого соперничества являются притязания России на доминирующую роль в «промежуточной зоне» между Россией и ЕС, с одной стороны, и «расширение пояса безопасности» ЕС – с другой.»²²⁰. На сегодняшний день конкуренция на пространстве СНГ усилилась между тремя крупными геостратегическими субъектами. С одной стороны Россия имеет обоснованные исторически и территориально интересы, касающиеся сохранения Белоруссии и Украины в качестве ближайших своих союзников. С другой – сами эти страны связывают перспективы своего развития со вступлением в Евросоюз и/или НАТО. При этом

²¹⁹ Валерий Язев: Российско-европейские отношения в сфере энергетики. Материалы международной конференции «Энергетический диалог Россия – Европейский Союз: газовый аспект». Берлин, 26 мая 2006 года.

²²⁰ Фадеева Т.М. Евросоюз и Российская Федерация: Две модели федерализма: АО / РАН. ИНИОН. Отдел отечественной и зарубежной истории. – М., 2007. – 102 с.

США, Россия и ЕС отводят довольно значительную роль Украине. Збигнев Бжезинский выделяя геостратегические действующие лица и геополитические центры, относил Украину к числу последних, считая ее рычагом влияния на такое геостратегическое лицо как Россия. Он утверждал, что Россия не может быть в Европе без Украины, также входящей в состав Европы, в то время как Украина может быть в Европе без России. Выбор Украины в пользу Европы, считал Бжезинский, поставит Россию перед выбором – стать частью Европы, либо евразийским изгоем.

Раскрыв и проанализировав основные точки расхождения в евро-российском политическом дискурсе, попытаемся представить какие образы формируют Россия и Европа относительно друг друга, опираясь на собственное видение перечисленных выше проблем (образ при этом будем понимать как сплав различных признаков, причем составляющие образа являются результатом, как чувственного восприятия, так и рационального, сознательного отбора. Особенно важен критерий сознательного отбора, так как в политическом дискурсе идёт целенаправленное формирование образа).

	В интерпретации российской стороны	В интерпретации европейской стороны
Политический образ России	С одной стороны Россия часть Европы и схожа с ней в культурно-цивилизационном отношении. С другой стороны Россия самобытна, сильное государство с глобальными амбициями и осуществит модернизацию без постороннего вмешательства.	В прошлом Россия великая держава, в настоящем – авторитарная государство, угрожающее вернуть былое величие за счет монополизации энергетической сферы и политики протекционизма.
Политический образ Европы	Не признается европейская наднациональная система ценностей. Европа до сих пор воспринимается как отдельные государства, среди кото-	Европа понимается как система государств, в совокупности они один из крупнейших геостратегических центров. Единая наднациональ-

	<p>рых существуют лидеры – Великобритания, Франция, Германия. ЕС воспринимается больше как экономическая международная организация.</p>	<p>ная система управления позволяет Европе выступать во внешнеэкономических и внешнеполитических связях в роли единого образования.</p>
--	---	---

Евро-российский политический дискурс при всей многогранности смыслов сходится на одном узловом моменте: интеграция невозможна и противостояние невозможно, а сотрудничество необходимо. Поэтому выходом может стать сотрудничество, основанное на взаимном уважении с учетом осознания перечисленных выше противоречий и того, что существуют они зачастую ненамеренно, а просто в силу субъективного видения и интерпретации. Российские исследователи, как и европейские, понимают это. «При всех противоречиях и неопределенности Россия, в силу своей величины, своей региональной и глобальной роли, своей географической близости, своего положительного и отрицательного потенциала незаменима как партнер по разностороннему функциональному сотрудничеству», считает Тиммерманн²²¹.

Академик Шмелев подчеркивает – наиболее перспективна сегодня линия не на вхождение России, Украины и Белоруссии в Евросоюз. Намного более реалистичным и обещающим является курс на развитие параллельных и относительно автономных процессов интеграции на Западе и на Востоке евразийского континента, т.е. в рамках Евросоюза и СНГ.

Действительно параллельное развитие двух центров силы, с перекрещивающимися зонами влияния более эффективно и позволяет Европе и России иметь ряд общих пространств, многие из которых успешно существуют на сегодняшний день – экономические, энергетические, научно-образовательное и т.д. Возможно их развитие станет ступенью на пути к формированию «Европы двух империй» или единого евро-российского геостратегического центра, способного противостоять глобальным вызовам современности.

²²¹ Тиммерманн Х. От идей – к действиям. Будущее европейско-российских отношений. – Policy paper 22. – Волп, 2004. – 11 с.

О.Н. Хроменко

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В наше время слова «миф» и «мифология» весьма часты в политических высказываниях. На фоне этого создается такое впечатление, что уровень «мифологичности» в последнее время весьма возрос, и мы из царства науки и рационализма шагнули в «мифологическую» эпоху.

Человек находится в мире повседневности и постоянно встречается в реальной действительности с мифами, хотя не придает этому особого значения. Миф превращается в символ жизни, необходимость которого очевидна. Миф предписывает людям правила социального поведения. Обуславливает систему ценностных ориентаций, облегчает проживание в социуме. Когда в обиходной речи какое-нибудь сообщение называют мифом, то это означает, что его не признают соответствующим действительности.

Происходящие изменения вследствие информационной революции облегчили манипулирование массовым сознанием со стороны групп людей, контролирующих СМИ, что в некоторых случаях ставит под угрозу гарантии информационной безопасности.

Таким образом, мифологичность в нашей жизни присутствует абсолютно во всем, начиная от повествования о жизни предков, до освоения человеком космического пространства. Даже вещи и цвета имеют свою мифологическую подоплеку. Однако в целом миф не базируется на научном опыте. Для мифического сознания нет никакого научного опыта, его ни в чем нельзя убедить. Миф – фактическая реальность, не функция, но результат. Миф – это действительность, жизненно и конкретно ощущаемая, творимая и существующая. При этом существует особая мифологическая истинность: миф есть реально, вещественно и чувственно творимая действительность, являющаяся в тоже время отрешенной от обычного хода явлений.

Обыденное сознание является главным механизмом мифов. Оно характеризуется консерватизмом, быстротой реакций, а так же избирательностью восприятия.

Именно наша повседневная жизнь является объектом для различных манипуляций. Ведь именно обыденное сознание постоянно атаку-

ется СМИ и другими источниками информации, которые предлагают различные варианты бытия. Поэтому эта форма сознания представляет большой практический интерес.

Убеждения человека – это область его переживаний и самоутверждения. По сути дела, убеждения – это мифы, которыми человек живет, мифы, которые определяют его поступки. Мифы позволяют управлять обыденным сознанием, создавая у обывателя иллюзию самостоятельности.

Рассмотрим данное положение более подробно на примере критерия «свой – чужой», подобное восприятие действительности встречается и в политике, очень четко это выражается в феномене получившем название «феномен болельщика». Сущность этого феномена очень четко видна в период общенациональных выборов, когда население страны делится на «болельщиков» различных политических команд и их лидеров, и заключается она в том, что в электорате происходит четкое разделение по принципу «свой – чужой». Команды соперника для них лютые враги, лидеры своей «команды» – мифические герои.

Из этого примера видно, что миф искажает действительность. При этом не понятно, как и за счет чего происходит это искажение. Существуют различные теории, пытающиеся расшифровать понятие мифа. Одну из таких теорий предложил Ролан Барт, которая по нашему мнению, наиболее полно раскрывает данное понятие. Он предлагал рассматривать миф через семиологическую систему. Сразу же возникает вопрос, что же такое семиологическая система, что она исследует? В семиологии исследуется соотношение двух элементов – означающего и означаемого. В совокупности они образуют знак. По мнению Барта, миф можно разложить по схеме: означающее – означаемое – знак. Эта схема позволяет её автору описать явление, которое он назвал «похищением языка». «Миф – это похищенное и возвращенное слово. Только возвращается оно совсем другим, его поставили на другое место и как следствие совершенно другой смысл»²²².¹ Суть похищения состоит в том, что миф превращает смысл в форму.

На практике это выглядит следующим образом: путинская эпоха началась с отрицания ельцинской мифологии и частичного возвращения к советской мифологической системе. Однако советские мифы оказались слишком слабыми, чтобы захватить воображение россиян.

²²² Барт Р. Миф сегодня. – М., 1996. – С. 238.

Когда Путин восстановил старый советский гимн и предпринял ряд других символических шагов, многие восприняли это как возрождение советской мифологии, а, следовательно, и советских порядков. На самом деле ничего подобного не случилось. Путин, «похитил» советский миф. Превратил его из довольно весомого фактора российской политики в декорацию. Но именно символический возврат в прошлое позволил ему укрепить свои позиции в настоящем». Принятие гимна на музыку Александрова было знаковым жестом со стороны Путина. Он словно сделал полшага назад, следуя пожеланиям большинства. Попытка сделать шаг назад для того, чтобы выйти на другую дорогу, сделать прыжок в будущее, характерна для общества, ожидающего пришествия очередного мифа.

Поразительная сила мифов, не может быть объяснена без анализа глубинных пластов человеческой психики, без изучения архаичных форм мышления. Гипотезу об архетипах выдвинул К.Г. Юнг. Именно по Юнгу, в глубинах нашего бессознательного заключено мифологическое содержание, которое он назвал «архетипами» или коллективное бессознательное. По мнению Юнга, именно на этом уровне исчезает всякая индивидуальность и поэтому миф становится мощным инструментом воздействия на людей. Политики, умело использующие мифы, способны творить чудеса. И наоборот, политики, недооценивающие силу мифов, могут потерпеть сокрушительное поражение.

Подчеркнем еще раз отметить, что миф является устойчивой структурой и позволяет внести какую-то упорядоченность в хаотичную картину мира.

Не является в этом плане исключением политический миф – миф, используемый для реализации политических целей. Он осуществляет политическое господство, борьбу за власть, легитимизацию власти. Он призван упорядочить политическую реальность, выступая как орудие интерпретации действительности. Политический, как и любой другой миф, создает особую, мифологическую реальность, которая воображается человеком как объективная реальность. Причем конструировать реальность мифа можно из любого материала. Именно миф является реальностью, в которую человек искренне верит.

Политический миф призван увлекать массы своими идеями, заставляет безоговорочно верить в себя, навязывать интересы тех людей, которые стоят за этим мифом, тех людей, которые конструируют эти мифы.

Вообще, политический миф создает организационные конструкции, поскольку объединяет людей в группы и массы. В них возникает чисто мифологический «интерес» – интерес удовлетворения определенного эмоционального запроса и отождествления с группой и вождем. Методы, которые используются, при конструировании политических мифов являются, те же, что и при социальном мифодизайне. Конструирование политических мифов, очень сложная кропотливая работа, которая требует от мифодизайнера большого внимания и интереса к заказчику.

Таким образом, политический миф заключает в себе наиболее значимые характеристики мифа – слияние реального и идеального, опирается на бессознательное. Следовательно, политический миф, как и любой миф связан с искажением, представленной в нем информации.

Н.И. Ялмаков

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ

В современных демократиях в силу проникновения на политический рынок различных участников государство сталкивается с множеством центров влияния, (к которым можно отнести государственную бюрократию, крупнейшие бизнес-корпорации, общественное мнение, политическая оппозиция, СМИ, гражданские и международные структуры и т.д.) испытывая их давление при принятии государственных решений. Конкурируя с контрагентами, а, следовательно, не являясь монополистом в политическом пространстве, государство в лице политического руководства стремится получить максимальную поддержку своих целей, как со стороны широкой общественности, так и со стороны контрагентов, которые непосредственно заинтересованы в данном вопросе и могут влиять на структуру государственного управления и власти.

В настоящее время развитие отношений между субъектами политики в решающей степени зависит от коммуникаций и технологий организации политического дискурса. Как утверждают О.Ф. Русакова и Д.А. Максимов, – «Политика – это коммуникационное сетевое пространство, в котором функционируют дискурсы... Дискурсы могут

рассматриваться как мощный властный ресурс, по средствам которого государственные и общественные институты осуществляют свою самопрезентацию и легитимацию, конструируют и продвигают те или иные образы реальности, позиционируют социальных субъектов в политическом пространстве. За право контролировать содержание дискурсов и каналы дискурсной коммуникации между субъектами политики ведется напряженная конкурентная борьба»²²³. В силу этого политическое пространство всегда пронизывает множество логик властного взаимодействия, подразумевающих столкновение разных целей, этических и нормативных систем выражения интересов.

В этих условиях в процессе принятия государственных решений центральное место принадлежит лидерской подсистеме. Значение лидерской подсистемы состоит в том, что группа руководящих лиц (либо отдельное лицо), способна задать принципы, направить весь комплексный процесс разработки решения или придать ему окончательную форму. И не в части обсуждения, а при окончательной выработке целей. Лидерство представляет собой некий общий знаменатель, механизм редукции общих усилий, межгрупповых и межперсональных взаимодействий к однозначно выработанной позиции властей. Иными словами, лидерство в значительной степени компенсирует слабости наиндивидуального (публичного) характера принятия государственных решений.

Статус лидерской подсистемы обусловлен и рядом чисто управленческих причин. В частности, в социальном пространстве групповая природа интересов акторов никогда не обеспечивает такого уровня сплоченности общества, которая выражалась бы в однозначных решениях. Иными словами, механизмы агрегирования никогда не дают непротиворечивых решений и потому могут быть компенсированы только единоличным выдвиганием целей. Только лидер, беря на себя ответственность за выбор и реализацию однозначно интерпретируемых целей, способен компенсировать существующие в государстве структурные, функциональные и другие расхождения процесса принятия государственных решений и придать ему интегрированный и относительно систематизированный характер.

---

²²³ О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006, №1. – С. 26.

Представляя в глазах населения деятельность всей системы управления государством, лидерская подсистема определяет политический курс, охватывающий все сферы общественной жизни. Разрабатывая решения соответствующие позициям и интересам различных социальных групп, политическое руководство формирует национальные интересы и одновременно запускает механизмы интеграции общества и правящего режима. От эффективности реализации национальной стратегии существенным образом зависят устойчивость и безопасность общества и государства, взятые во внутреннем их измерении.

Таким образом, лидерская подсистема позволяет добиваться единства позиций властвующих и подвластных (управляющих и управляемых), возлагая ответственность за принимаемые в стране решения на представителей политического руководства. В современных условиях данная зависимость приводит к тому, что лидер становится центральным институтом, который стимулирует использование имиджевой политики, задействующей при решении масштабных государственных задач образ государства, режима, персональной фигуры руководителя.

Характер ответственности политиков, а, следовательно, и признание населением эффективности принятых решений связаны не только с успешным характером реализации поставленных целей и результативностью деятельности государственных органов, но и осуществлением последними эффективной коммуникации с общественностью, направленной на установление управленческих и легитимизирующих власть контактов с гражданскими структурами. Коммуникации формируют имиджевую оболочку принимаемых государством решений, без которой последние не могут функционировать в конкурентном пространстве публичной политики. Поэтому, неизменным условием сопровождения всей управленческой деятельности является успешное объяснение органами власти своих действий как исключительно целенаправленных, способствующих интеграции общества и достижению национальных интересов. Поддерживая постановку широких целей общественного развития технологиями коммуникации, лидерская подсистема одновременно задает важнейшие приоритеты развития государства, прокладывает курс его действий и формирует социальную базу его реализации.

Следует отметить, что процесс принятия государственных решений органично связан с социокультурными факторами. Очевидно, что понимание внутренней политики без учета культурно-исторических

традиций и национальных ценностей в целом было бы не полным, а потому и неверным. Процесс целеполагания всегда формируется в рамках целей и приоритетов лидеров, принимающих решение, с теми реальными предпочтениями, стандартами и ценностями, которых придерживаются граждане и которые доминируют в социуме. Распространенные в обществе типичные нормы мышления и поведения, оказывают воздействие на понимание политическими лидерами тех или иных проблем, социальных ожиданий и т.д.

Кроме того, устоявшиеся в социуме культурные стереотипы, стандарты общения оказывают существенное влияние на технологии коммуникации между властью и обществом. Поскольку культурные стереотипы предполагают применение определенных (в том числе знаковых) способов кодирования и передачи информации, которые, со своей стороны, неизбежно обуславливают структуру механизмов коммуникации, темпы их развития, характер функционирования в обществе. Культура не просто детерминирует применение коммуникативных технологий, но и влияет на эффективность коммуникации при политических контактах акторов с потребителями информации.

Важно и то, что с помощью коммуникаций политическое руководство запускает своего рода механизм селекции проблем для дебатов участвующих в принятии решений агентов, установления повестки дня путем их взаимного дискурса. «Политические процедуры согласования интересов и органически связанный с ними переговорный процесс ведут к удовлетворению более широкого круга интересов в отличие от интересов той или иной группы», – замечает известный российский политолог А.И. Соловьев²²⁴. Однако контрагенты, включаясь в процесс выдвижения общесоциальных требований, могут под этим прикрытием продвигать свои узкокорпоративные интересы. Поэтому в процессе установления повестки дня часто сосуществуют несколько стандартов оценки общественных проблем, разных идеологических позиций, которые формируют поле борьбы между акторами в процессе принятия государственных решений.

Наличие контрагентов, а главное характер их взаимоотношений с лидером показывают, что составной частью определения и урегулирования той или иной проблемной ситуации со стороны лидера является учет соотношения задействованных в принятии решений сил и, преж-

---

²²⁴ А.И. Соловьев. Принятие государственных решений. – М.: КНОРУС, 2006. – С. 97.

де всего, сохранение им внутриэлитарного баланса. Иначе говоря, вокруг лидерской подсистемы возникает зона конфликтов, которая способна многократно увеличить в национальном масштабе микрогрупповые противоречия, создать непропорциональные приоритеты для тех или иных частей населения. Отсюда следует, что политический дискурс имеет не только интеграционный, но и конфликтный потенциал. Поэтому лидер должен уметь гасить активность контрагентов и управлять конфликтными взаимодействиями в обществе.

Таким образом, в процессе принятия государственных решений разнообразным действиям по диагностике и прогнозированию ситуаций неизбежно сопутствуют акции по налаживанию отношений между лидером и его контрагентами. Под влиянием политического руководства взаимодействия акторов могут быть нацелены как на широкие взаимные консультации, переговорный процесс, применение консенсусных процедур, достижение компромиссов, так и более автономные формы принятия решений. Итоговая повестка дня, являющаяся компромиссом между лидером и его оппонентами, может отличаться от индивидуальной повестки дня лидера. Однако на практике в большинстве случаев именно от лидера (т.е. лидерской подсистемы управления) зависит то, чему будет отдан приоритет, что и как будет выноситься на публичное обсуждение, на что будут направлены общественные ресурсы. Такое приоритетное положение лидера обусловлено тем, что возможности его отдельных контрагентов влиять на содержание повестки дня принципиально ограничено. По мнению Ч. Линдблума, контрагенты «не могут избежать ценностных конфликтов путем апелляции к предпочтениям демократического большинства, поскольку по многим конкретным вопросам предпочтения могут быть не зарегистрированы. Наконец, они вообще могут не существовать в публичной дискуссии, достаточной для привлечения электората к данной проблеме»²²⁵.

Отметим, что, разрабатывая политический курс, лидер определяет качественные ориентиры деятельности аппарата управления. В частности, использование таких концептов, как свобода, справедливость, демократия коммунизм, защита, отечества, повышение уровня жизни народа, других масштабных требований и призывов власти относится к прерогативе именно политических деятелей, таким образом,

²²⁵ А.А. Дегтярев. Принятие политических решений. – М.: КДУ, 2004. – С. 96.

позиционирующих важнейшие приоритеты и направления в развитии государства, как в целом, так и в отдельные периоды его развития. В этом смысле лидер при выработке управленческих задач позиционирует качественные, слабо операционализируемые подходы и оценки, которые содержат весьма высокий уровень неопределенности и абстрактности. Например, такие цели, как побороть преступность, сделать жизнь людей достойной, не только вызывают затруднения с определением конкретных показателей, но и могут представляться в совершенно разных, а порой и противоположных по смыслу задачах. Тем самым в процесс принятия решений могут привноситься непоследовательность, смена установок, отказ от прежних обязательств, расхождение между риторикой и практическими действиями. Все это является серьезным поводом для постоянного усиления требований к функционированию лидерской подсистемы.

Таким образом, практический статус политического руководства позволяет говорить о центральном месте в процессе принятия государственных решений лидерской подсистемы, то есть об устойчивом доминировании группы руководящих лиц либо отдельного лица, направляющих и интегрирующих весь комплексный процесс целеполагания и придающих окончательную форму принимаемым решениям. Лидерство как властно-управленческий институт выступает в качестве особого механизма редукции противоречий в обществе, а также расколов и конфликтов в правящих кругах. При этом политические коммуникации выступают ключевым механизмом формирования политического пространства и обеспечения взаимодействия между властью и обществом. Включая технологии коммуникации в процесс принятия государственных решений, политическое руководство осуществляет консолидацию всех контрагентов власти вокруг определенных задач. Что в свою очередь, позволяет продуцировать солидарность гражданских и иных структур с выдвинутыми властью положениями. Благодаря повышению плотности и доверительности отношений снижаются политические риски (поскольку граждане больше доверяют лидерам и прощают им ошибки управления, терпимее относятся к неудачам) и угрозы безопасности, а территориальная объединенность населения дополняется формой идейной интеграции людей.

П.В. Зайцев

Уральский филиал «Российской академии правосудия»
г. Челябинск

К ВОПРОСУ О ДИСКУРСЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Многовековая история международных отношений, практика современного государственного строительства в России убедительно показывают, что отказ от системы специальных органов обеспечения безопасности, в том числе спецслужб, или их серьезное ослабление неизбежно приводит к негативным последствиям и для гражданина, и в целом для общества. В связи с этим, а также явлениями роста преступности, развитием националистических, сепаратистских сил, террористической угрозой и другими негативными явлениями большое внимание в литературе, посвящённой проблемам национальной безопасности обособанно уделяется федеральным органам исполнительной власти²²⁶. Органы судебной власти либо вообще обходят в литературе вниманием, либо лишь упоминается, что таковые входят в систему безопасности. Кроме того, Концепция национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г.), также не содержит функций судов по обеспечению национальной безопасности.

Основные положения по вопросам обеспечения национальной безопасности, кроме норм указанной Концепции берут истоки в нормах Конституции РФ и Закона РФ от 6 марта 1992 г. «О безопасности».

Согласно ст.ст. 2, 8 Закона РФ «О безопасности» органы судебной власти названы среди основных субъектов обеспечения безопасности и входят в систему безопасности наряду с законодательными и исполнительными. В порядке разграничения компетенции в ст. 10 Закона указано, что судебные органы: обеспечивают защиту конституционного строя в Российской Федерации; осуществляют правосудие по делам о преступлениях, посягающих на безопасность; обеспечивают судебную защиту лиц, чьи права были нарушены в связи с деятельностью по обеспечению безопасности.

---

²²⁶ Стахов А. Концепция национальной безопасности России: административно-правовой аспект // «Российская юстиция», 2003. – № 3. – С. 23.

Исходя из изложенных положений законодательства, можно сделать вывод о том, что суды как органы обеспечения безопасности могут рассматриваться в двух аспектах:

во-первых, как органы, обеспечивающие фактическую безопасность личности общества и государства;

во-вторых, как органы, обеспечивающие безопасность субъектов правоотношения, т.е. юридическую безопасность²²⁷.

Такие специалисты, как В.М. Жуйков²²⁸, Н.П. Патрушев, А.А. Фомин²²⁹ обращают внимание на то, что «анализ законотворческой практики позволяет выделить новый вид угроз национальной безопасности – в правовой сфере»²³⁰. Речь преимущественно идёт о принятии, изменении либо отмене компетентными органами «опасных» нормативно-правовых актов, наносящих ущерб жизненно важным интересам субъектов правоотношений в силу различных причин: недостаточной проработанности проектов актов, либо специально разработанных в интересах определённых групп лиц.

Таким образом, «прежняя концепция, согласно которой законодатель издаёт любые законы..., а суд неукоснительно их применяет»²³¹ оказывается недостаточной для обеспечения правовой безопасности.

По словам заместителя Председателя Верховного Суда РФ В.М. Жуйкова за последние пять лет судами общей юрисдикции признали противоречащими федеральному законодательству более 3 тыс. законов субъектов РФ.

Другой, на наш взгляд не менее, актуальной проблемой юридической безопасности является проблема, связанная с характерной для современного государства тенденцией, в силу которой, как справедливо отмечают Е.Н. Хазов и М.М. Султыгов главная угроза правам чело-

²²⁷ См.: Фомин А.А. Юридическая безопасности – особая разновидность социальной безопасности: понятие и общая характеристика // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 72–80.

²²⁸ См.: Жуйков В.М. Роль права в защите национальных интересов // Журнал Российского Права. – 2005. – №12. – С. 74–75.

²²⁹ Фомин А.А. Юридическая безопасности – особая разновидность социальной безопасности: понятие и общая характеристика // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 75.

²³⁰ См.: Патрушев Н.П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России // Журнал Российского Права. – 2007. – №7. – С. 11.

²³¹ Фомин А.А. Юридическая безопасности – особая разновидность социальной безопасности: понятие и общая характеристика // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 73.

века «исходит в первую очередь от исполнительной власти, сосредоточенной в руках неимоверно разросшегося аппарата чиновников»²³².

В этой связи как орган обеспечения национальной безопасности стоит рассматривать не только национальные судебные органы, но и Европейский суд по правам человека. Несмотря на то, что европейское судопроизводство является субсидиарным и большой процент неприемлимости жалоб, учитывая практику последних лет, а также процессы глобализации необходимо отметить, что Страсбургский суд стал не просто международным органом, осуществляющим правозащитные функции, но и органом обеспечения юридической составляющей национальной безопасности государств-участников Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г.

Вместе с тем необходимо отметить, что далеко не все учёные с подобным усилением роли судов связывают исключительно положительные моменты. Так, профессор В.В. Молчанов говорит о теоретически возможном произволе судебной власти при законодательном закреплении правотворческих функций суда²³³. В данном случае в подобном симбиозе правоприменителя и правотворца действительно можно увидеть угрозу такой важнейшей составляющей национальной безопасности как безопасность конституционного строя, но при этом необходимо помнить хотя бы то, что, к примеру, Конституция США также не предусматривает правотворческой функции судов, а реальности, как отмечает профессор М.Н. Марченко²³⁴ правотворчество судов в США играет едва ли не большую роль, чем в Великобритании.

²³² См.: Е.Н. Хазов, М.М. Султыгов. Место и роль конституционного правосудия в системе средств обеспечения публичной политической власти // Административное право и административно-процессуальное право: актуальные проблемы. Материалы всероссийской научно-практической конференции. – М., 2006. – С. 403.

²³³ См.: Источники российского права: вопросы теории и истории: Учебное пособие / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2005. – С. 271.

²³⁴ См.: Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. – М., 2005. – С. 520.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ДИСКУРС

Greg Simons
Stockholm, Sweden

THE PROBLEMS OF USING PR IN A CONTEMPORARY NATIONAL PROJECT

This brief paper is intended to give a modest overview of the phenomenon of using PR for the purpose of national projects. By the term 'national project' I refer to the idea of using PR on a nation wide level for a political project that is intended to have an effect upon the population of that country in order to achieve economic, political and/or ideological goals.

The Putin Era and the Rise of the Velikaya Rossia Concept

«Power elites are born, mature and die. When in power they struggle to retain their positions of privilege, which includes attempts to use the media for their own interests. Each elite will develop its own preferred organisational style, practices and, discourses, and to some extent, the survival of each elite hinges upon maintaining its own preferred organisational and discursive style (and persuading the non-elite to accept and use them)»²³⁵.

One of the successful discourses that have been employed is what Russian academic Ivan Zassoursky has named as *Great Russia*. This is a process, with the end result being the construction of social reality through creating and resurrecting images from the past for the present and future. The media and educational sectors, as centres of cultural production are the mechanisms that shall be used in order to try and bring this 'social reality' to life.

«[...] the language of images and spectacles that marked the election campaigns meant far more for the new 'Russian idea' than a decade of discussions on this theme. (It was designed to appeal to the voters by enacting the crystallising of social expectations and a sense of national identity)»²³⁶.

This action tended to have the effect of binding people together through the notion of a common past, present and future. Strong use has and is being made of language and symbols, to give the disillusioned public something to believe in once more. Great Russia or Velikaya Rossia can in

²³⁵ Louw, P. E., *The Media and Cultural Production*, Thousand Oaks, Sage, 2001, p. 57.

²³⁶ Zassoursky, I., *Media and Power in Post-Soviet Russia*, New York, M. E. Sharpe, 2003, p. 157.

many respects be regarded as a national political project, as Perestroika was approximately 20 years earlier. The primary distinction between, this is intended as a period of building and consolidation around a centralised political power. It is an attempt to try and bring together a number of political, social and economic interests in the common goal of saving the status and integrity of the Russian Federation. Whereas Perestroika was an attempt to try and adapt the state to changes that had taken place and were threatening the viability of the incumbent political power of the time.

The mass media are a means of communication between the elite and the masses. This communication can either be one-way or two-way communication depending on who is able to control the media. However, why are the mass media such a contested sphere in the Russian Federation? Mickiewicz illustrates a possible reason for this conflict taking place concisely. «Control over the media [...] is seen as control over the shaping of fundamental Russian values and identity in the post-Soviet period, when the very definition of the country is at issue»²³⁷.

As in the period of Perestroika, the current social and political situation is not stable and is vulnerable to influences that may influence society's direction. This has dictated the necessity for political conflict in the information sphere between rival political and economic groups vying for power and influence. As such attempts have been made at consolidation and building up the state, which entails trying to motivate and get the masses to believe and get involved in the project.

Where do mass media fit into the picture? A clue was given reasonably early on in the Putin presidency. On January 13, 2001 Putin was quoted as saying, «any talk about unity of the Russian State apparently starts with the formulation of its tasks and goals. A single information space is a priority task. It would be worth noting that the word came first»²³⁸. These words suggest a priority of re-introducing homogeneity back into the mass media sphere. In other words there is an apparent attempt to bring back a uniform message or series of messages, designed to inspire and motivate people into certain designated goals. This message by Putin was reinforced three years later by the former Media Minister Mikhail Lesin. In a speech to media workers on their professional holiday in 2004 (holiday is marked on Janu-

---

²³⁷ Gunther, R. & Mughan, A., Editors, *Democracy and the Media: A Comparative Study*, New York, Cambridge University Press, 2000, p. 86.

²³⁸ Putin Says Single Information Space Essential for Integrity of State, ITAR-TASS, 13 January, 2001. JRL #5026, 15 January, 2001.

ary 13), he brought up the issue of the 'single information space' and the government envisaged role for the mass media.

«The importance of your work is determined not only by your ability to communicate objective information to the audience. We are building a single information space and are uniting the country»²³⁹.

One of the important premises of Velikaya Rossia is to try and re-establish the relationship between the mass media and the state, where the mass media are subordinate to the state and carry out its wishes. The Doctrine of Information Security provides a concrete example of instituting a clear set of informal and formal rules of understanding and expectations for journalists to follow. Although it is not a formal law, it provides an explicit guide and indication of events to follow. In this manner, the state shall in effect act in the capacity of an information filter (gatekeeper) between events, the mass media and society.

A number of measures were brought about to reduce the threat from media belonging to political opposition. This initially began as being somewhat open and physical measures, such as the use of tax police in widely publicised raids on the offices of certain media organisations. There are other means used to bring about compliance as well, such as the threat of legal action, withholding (or hiking the price) of newsprint or publishing services. The current methods more rely on structural and ownership changes in media outlets, which have the effect of changing the organisational culture and practises, thereby making the mechanisms of censorship an internally governed matter.

The mass media were in some ways to blame for their own predicament. They were rendering themselves vulnerable to interference via a weak financial situation. This weak financial base came about as a result of a concentration on political activity rather than financial viability. Political characterisation of the information threat, and media culpability has been made on a number of occasions by leading political figures. Former Finance Minister Boris Fyodorov seized upon the opportunity and attacked the press. Fyodorov released a pamphlet to the press in June 2001, which stated that the Russian media;

«[...] are always talking about freedom of speech and the press, about the imagined or real dangers posed by the State. Yet we never hear about a much greater danger posed by the corruption and prostitution of sections of

²³⁹ Quotes of the Week, CJES (www.cjes.ru), Russia: Authorities Vs. Media, Weekly Bulletin, Issue No. 3 (55), January 13-19, 2004.

our mass media»²⁴⁰.

A mechanism widely employed as a means of influence is rhetoric. Rhetorical theory identifies three main means of persuasion available to the sender; *ethos*, *logos* and *pathos*. *Ethos* is concerned with use of emotion as the means of persuasion. It is tied to the impression given by and the credibility of the speaker. The use of *logos* relates to word, speech and reasoning. In rhetoric there are two primary types of intellectual persuasion – deduction and induction. *Pathos* concerns the use of emotions, especially those that exert an almost ‘overpowering’ influence on the receiver. This may range from; trust, respect to joy, anger and grief²⁴¹.

It is important to have an informational strategy in order for the message to be effective. There are a number of key themes that are used to try motivate the public, in this case the Russian public, into not only accepting the political suggestions offered, but also to take an active part in the process. In this work, I shall mention only one such theme that is present. A key element in the themes present is the aspect of patriotism.

«Patriotism is a feeling of pride in one’s country, its history and accomplishments. [...] Patriotism is the source of our people’s courage, staunchness and strength. If we lose patriotism and the national pride and dignity that are connected with it, we will no longer be a nation capable of great achievements»²⁴².

Patriotism can fall into one of two categories, depending on the sender and the occasion (place and time) where it is being used. The use of pathos in sending the patriotic message has a distinct possibility of initiating a spiral of silence. This is an environment in which material that does not conform is eventually shut out of the information space. It could come about as the audience is in a highly tense emotional state and is not open to new information that would challenge the existing belief system. This kind of theme fits into a kind of rallying call, and relies to some extent on ‘blind’ faith.

Communication through the mass media is once again taking on the appearance of an instructional form of citizen education; it takes the form of key messages that are repeated in the mainstream mass media. There is the appearance of some limited ability for an ‘ordinary’ citizen to contact the president. However, the system relies heavily on a top down form of com-

²⁴⁰ Russian Media «Corrupt and Prostituted»: Former Minister, AFP, 6 June, 2001. JRL #5340, 7 June, 2001.

²⁴¹ Gripsrud, J., Understanding Media Culture, London, Arnold, 2002, pp. 163-65.

²⁴² Putin, V., First Person, London, Hutchinson, 2000, p. 214.

munication. Both desirable and undesirable examples are presented in the mass media for people to either emulate or to avoid.

A problem faced by those engaged in the contemporary social and political engineering project is the possibility of having the effectiveness of their message eroded by conflicting messages from other sources (originating from both domestic and international actors). The advancement of communication technology, such as mobile phones and the Internet, also means that the effective filtering out of objectionable messages is a bigger problem than 20 years ago (when the advent of faxes and photocopiers provided a headache for the state censorship mechanism). Not to mention the fact that citizens are travelling abroad and getting exposed to new ideas and returning to Russia.

Conclusion

One of the premises of the manner in which media operate in the Russian Federation (and the Soviet Union) is the assumption that media perform much more than simple a communicative function in its 'purest' sense – that is to relay unbiased (neutral) information to the public. It was be fair to say that the role of media extends as far as to what could be termed as being an influential function. By this, I mean that they set out to have an impact upon values held and actions carried out in society. Tied to this perception is that the media are seen as an instrument that should support the state in attaining its goals.

The classic form of PR seems to be favoured, that is a select number of uniform messages that are repeated often to the audience. It relies on a number of premises; firstly that the sender is trustworthy, that one truth is presented and thus requires (or is implied at least) that messages not in agreement with them be blocked, control over the means of sending the message must also be achieved (the mass media for example) and a passive audience that accepts the sent messages. However, modern circumstances do not match the ideal state for the ultimate state that can make a possible successful delivery of the message, in terms of the desired effect. Under non-optimal conditions it may prove better to take a more cautious approach, such as; providing a two sided argument and taking more of a logos approach to the rhetoric – the use of logic and reason as opposed to the use of emotion. That is, the argument should be able to have enough merits to withstand scrutiny and still appear as being an attractive option. A problem with the use of emotion, once it has passed, there is nothing left.

Certainly political entities like all other kinds must be able to recognise and adapt to the changing environment in which they exist. Not to do so, through either inability or the desire not to will likely result in that entity being superseded. It is also a false hope that an environment can be maintained (the implication that stability is achieved) through the use of PR is potentially very hazardous too. However, one must also be cautious and mindful of unforeseen consequences when initiating change also.

The lesson of the perestroika experiment shows the result when one initiates a national political programme, but then loses control over its direction. One of the likely underlying causes of this was a credibility trap. By attacking their political opposition with unpleasant episodes from the past, the Gorbachev administration also destroyed their own credibility and legitimacy, and therefore the ability to continue governing. They also lost control over the means to communicate their message as the mass media sphere began to fragment into factions of political interest. Losing control of the media at such a critical time proved to be very damaging and possibly fatal. Especially considering the highly unstable political, social and economic conditions, coupled with the ability of other (non-Kremlin) actors to get their message into the media at a time when credibility and trust in the Gorbachev administration was very low.

At least some of these lessons seem to have been learnt by the Putin administration. One of the founding principles of the Velikaya Rossia programme is that a people must have a belief and be proud of their past, before they are able to move on and create a good future. Hence the importance and the value placed upon patriotism as a recurring theme in the centres of cultural production as a means of influencing and motivating the populace. The values that are offered must be in agreement with those held by mainstream society to be more effective, otherwise resistance to the message will be likely. A strong Russia, after the years of chaos following the break-up of the Soviet Union certainly holds some appeal, especially in terms of stability and pride.

A final lesson for this paper is the necessity to root or tie the message with physical reality. When the public you are communicating with is able to experience the reality and is not remote from the situation, at some point, the sooner the better, if the message is initially an idealised (therefore not a realised situation) the message and reality must converge. If they do not, both the message and the sender will have their credibility and therefore effectiveness eroded.

М.А.Фаденчева

Институт философии и права УрО РАН

г. Екатеринбург

«НАШИЗМ» И ЕГО ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

«Гора родила мышь». Именно таким образом можно охарактеризовать идеологическую ситуацию в современной Российской Федерации. Большинство классических идеологий дискредитировали себя до такой степени, что закономерно возникла точка зрения о конце идеологии, которая, однако, не является бесспорной. Идеологические имена стали ругательными: знаменитое «дерьмократы» и «коммуняки», а также «либералы», последнее, хоть и без искажения звучит вообще как проклятие. Партийные идеологии фальсифицируются как всякий продукт: этикетка не соответствует товару, название партии не отражает ее содержание. Например, вряд ли можно с уверенностью утверждать, что Либерально-демократическая партия России действительно является носителем ценностей свободы и демократии, а Патриоты России – самые настоящие любители родины. Программы политических партий также не вполне позволяют определить их идеологическую принадлежность. Они напоминают студенческие рефераты, некритически заимствованные из сети Интернет, содержащие одни и те же слова, переставленные в разном порядке. Известный исследователь партийной жизни О. Киркхаймер давно заметил, что политические партии превратились во «всеядные» и «разношерстные». Этот образ в полной мере может быть отнесен к нынешним российским партиям. Их всеядность и разношерстность есть результат «деидеологизации».

Что же пришло на смену идеологии марксизма-ленинизма в постсоветской России? Отсутствие идеологии. В Конституции РФ в Статье 13 говорится, что в РФ признается идеологическое многообразие, и никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Только на первый взгляд это может быть принято за деидеологизацию. В Главе 2 Основного закона «Права человека и гражданина» изложена либеральная идеология в ее почти классическом варианте. Это – де-юре, а де-факто либерализм не поддерживается, о чем говорит количество сторонников либеральных партий, процент которых колеблется в пределах социологической погрешности. Что же пришло на смену идеологии либерализма в неопостсоветской России? Нечто, что не видно и не очевидно. Практиче-

ски все политические партии пытаются быть прагматическими, а не идейными. В идеологическом вакууме складываются дискурсивные практики неназванной и непредставленной идеологии.

Не каждая идеология существует в виде систематически изложенных теоретических положений в трактатах, манифестах и программах партий. Неназванные и непредставленные идеологии находятся в бытии повседневности: в речах государственных, политических и общественных деятелей, в средствах массовой информации, в разговорах рядовых граждан и т.д., затрагивающих сферу политики, что называется идеологическими дискурсивными практиками. На основе их анализа можно выявить некоторые идеологемы, легко конструируемые в идеологии, которые в свою очередь идейно-политически определяют вектор социального и политического развития. Целый комплекс экономических, политических и социально-психологических причин привел к распространению в неопостсоветской России идеологического дискурса, который может быть условно обозначен как дискурс «нашизма». Знаменитый словарь Ожегова и Шведовой объясняет, что **«НАШ, -его, м.; ж. наша, -ей; ср. наше, -его; мн. наши, - их, мест. притяж. Принадлежащий нам, имеющий отношение к нам. *Наш дом. Поживем у наших* (суц.: у наших родных, близких). *По-нашему* – 1) по нашей воле, желанию. *Добьемся, все будет по-нашему*; 2) так, как делаем мы. *Работайте по-нашему*; 3) вводн. сл., по нашему мнению. *По-нашему, нужно остаться здесь. И нашим и вашим* (разг. неодобр.) – о том, кто двурушничает. *Знай наших!* (разг.) – вот мы каковы! (похвальба). *Наша взяла!* (разг.) – мы одолели, победили. *Наше вам (с кисточкой)!* (прост. шутол.) – выражение приветствия. *С наше* (разг.) – столько, так много, сколько мы. *Поработайте с наше*». Ясность словаря позволяет представить, сколько дискурсивных тонкостей заключается в этом слове из трех букв.**

«Наш – не наш» это – основание и признак любого социального и политического группообразования. Представление о «нашем» может находиться в пределах нормы, отличающей здоровое групповое самосознание. Но при определенных обстоятельствах оно может приобретать гипертрофированные черты утрированной «нашести», не только в различении, сколько в противопоставлении «нашего» «не нашему», себя другим, в абсолютизации и сакрализации «нашего», в позиционировании его как наилучшего и предпочтительного, даже если это не соответствует действительности: «Наше – лучше»; «Уж лучше пло-

хонький, да свой». Конституирующим принципом «нашизма» является ксенофобия, в ее классическом понимании как боязни всего чужого и враждебности по отношению ко всему чужому, не своему, иностранному. Симптомом «нашизма» в бытии повседневности представляется частота употребления местоимений «наш», «наше» в различных названиях предприятий и мероприятий, не всегда непосредственно связанных со сферой политики. Например: «Наше кино», «Наши песни», «Наша рыба», «Наш магазин», пельмени «Наши», молодежное движение «Наши». Принадлежность к реальным или виртуальным «нашим» является основанием для одобрения и положительных моральных оценок любого действия безотносительно его содержания.

Обнаруживаются три варианта дискурсов «нашизма», в зависимости от того, что определяется в качестве критерия «нашего». Если критерием в определении «наших» является принадлежность к национальному государству, тогда обнаруживается национализм. Если критерием отнесения к «нашим» выбирается этничность в сочетании с государственной оболочкой, можно обнаружить многообразные проявления этнонационализма. Распознавание «наших» по признакам «физической антропологии», несомненно, имеет отношение к расизму. При чем в условиях неопотсовдепа «наши» постоянно изменяются, превращаясь в «не наших», следовательно, во врагов. «Наши» и «не наши» также контекстуальны, консенсусны, относительны и ситуативны, как политические истины российского постмодерна.

Объектом такого отношения является Россия в ее «державном», государственном понимании, противопоставляемая другим государствам, особенно США, а также государствам Западной Европы. Антиамериканизм и антизападничество стали чем-то само собой разумеющимся и привычным в дискурсе постмодерной России. Агрессивный национализм становящейся гражданской нации способен превратиться в здоровый государственный патриотизм. Однако из-за трудностей, связанных с процессом модернизации, он приобретает гипертрофированную форму и превращается в этнонационализм.

Главным трендом этнонационализма является все более полное и жесткое разделение на «наших», принадлежащих этнонации, и «чужих», исключаемых из этой общности. Этничность превосходит все прочие социальные связи и отношения. В дискурсивных практиках этнонационализма существенным оказывается эмоциональный элемент, что закономерно вытекает из культового характера этнонации,

которая является предметом веры и почитания. В силу этого этнонационалистические представления слабо поддаются рациональной критике и переосмыслению.

Этнонационалистические и расистские дискурсивные практики имеют место и распространяются там, где происходит и становится все более интенсивной кроссэтническая коммуникация. «Взрывчатая смесь» возникает там, где этничность связывается с расой, абсолютизируются этно-расовые различия. В настоящее время в России невозможно обнаружить расовую теорию или идеологию, официально находящуюся на вооружении какой-либо легальной политической партии. Однако дискурсивные практики расизма представлены весьма значительно. Косвенным свидетельством тому является инициатива партии «Единая Россия» о подписании лидерами российских политических партий «Антифашистского пакта», который должен был бы называться антирасистским, так как из семи положений данного документа четыре относятся к осуждению расизма. Очевидно, что для составителей Пакта главная опасность видится именно в расизме. Однако мероприятие не имело широкого общественного резонанса.

Перед Россией стоит чрезвычайно сложная идеологическая задача: вытеснение дискурса «нацизма» на идейную периферию. Если возобладают дискурсы агрессивного национализма, этнонационализма и расизма, то из двух возможных сценариев развития России: или укрепление российской государственности, или ее распад, которые оцениваются как равно возможные, реализуется последний. Ответственность за развитие того или иного сценария несет государство. Учитывая особенности российской политической культуры, можно утверждать, что именно от власти общество ждет ясное, точное и однозначное послание с осуждением расизма, этнонационализма и ксенофобии.

В.В.Стрекалов

Сибирский государственный индустриальный университет
г. Новокузнецк

КОНЦЕПЦИЯ ПЕЧАТНОЙ АГИТАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Печатные агитационные материалы являются одним из основных средств «раскрутки» политических деятелей и борьбы между соискателями выборных должностей. Эффективность кампании печатной

полиграфической рекламы зависит от реализованной коммуникативной концепции. Традиционные (и часто малоэффективные) печатные материалы представляют собой классическое представление кандидата (партии) с биографических и программных позиций. Часто на большее фантазии политтехнологов не хватает. В то же время, как показывает практика, особым интересом среди избирателей такие продукты не пользуются. Это скорее формальный подход к реализации кампании. Конечно, рассказывать о биографии и программных предложениях необходимо, но на коммуникативную сторону этого процесса следует посмотреть креативно, оригинально. Например, помимо сухих сведений о вехах жизненного пути политического деятеля, эффективно запоминаются и благосклонно воспринимаются интересные биографические факты - истории из детства, «легенды» и др. Подобная информация выстраивает образ-имидж кандидата не только как далекого населению политика, но и как обычного, близкого и понятного человека. При составлении программы кандидата помимо примитивных популистских шаблонов типа «собираюсь повысить зарплаты и пенсии», необходимо использовать модели эффективного коммуникативного построения оригинальных, актуальных тезисов с обоснованием важности этих предложений и описанием путей достижения. Например, рассуждая о неэффективности работы коммунальных служб, ежегодном «закапывании в землю огромных средств из бюджета» кандидат предлагает обратиться к мировому опыту и инициировать использование «вечных пластиковых труб, которые хоть и дороже, но уже на второй-третий год эксплуатации сэкономят большие бюджетные средства и сама собой уйдет проблема отключения воды». Следует также включать конкретные программные решения, установленные в ходе социологических исследований предпочтений населения округа и изучения наказов избирателей.

Как известно, различные технологические направления продвижения кандидата следует увязывать в единую систему. Для повышения запоминаемости и доверия информации следует использовать различные источники ее поступления. Например, негативные слухи о том, что кандидат задерживает зарплаты своим сотрудникам и постоянно унижает их, помимо пути неформального распространения имитацией громкого диалога между подругами в людном месте, необходимо поддержать их более официальным источником поступления. Так, может быть применена газета «Рейтинг слухов». Помимо гарантированно

высокого коэффициента прочтения, диктуемого любопытством, получаем усиление формирования отрицательного облика конкурентов. О «нашем» кандидате может сообщаться, что после того, как, по слухам, орг. преступность предложила ему представлять в будущем свои интересы и решительного отклонения этих предложений кандидатом, на округе ожидается вброс придуманного компромата против него. В то же время о кандидате-конкуренте вполне может быть написана та же негативная информация, что и «ходила» в транспорте, на остановках, в торговых центрах, на пешеходных дорожках посредством слушачей. Для устранения подозрений в объективности материала газету следует сдобрить «нейтральными» сообщениями. Например, что на некоторых избирательных участках, по слухам, ожидаются попытки фальсификаций – массовые вкидывания бюллетеней за не проголосовавших граждан после окончания голосования. Именно поэтому всем следует обязательно прийти в день выборов и отдать голос «своему» кандидату.

Вариантов и способов разнообразить агитационную литературу и сделать ее более эффективной с содержательной точки зрения может быть много. Ограничения здесь связаны с фантазией политтехнолога и его морально-этическими принципами.

Д.А. Луценко

Южно-Уральский государственный университет

г. Челябинск

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС ПОТРЕБЛЕНИЯ

Весь общественный дискурс потребления, по Бодрийяру, основывается на наивной антропологии рационального «хомо экономикус», включающей идеи вещей (предметов потребления), потребностей и их удовлетворения. Нетрудно заметить, что этот дискурс всецело тавтологичен: с одной стороны, индивид приобретает некоторую вещь, потому что испытывает в ней потребность, а с другой — потребители «естественным образом» испытывают потребность именно в тех вещах, которые в настоящий момент предлагает рынок. Некритически принимая очевидность повседневной жизни, действующие лица верят в «миф потребления»: в реального субъекта, наделенного потребностями и противостоящего реальным вещам как источникам их удовлетворения.

Бодрийяр говорит, что нужно отказаться от рассмотрения предметов в терминах потребностей, отказаться от гипотезы о первичности потребительной стоимости (полезности).

Эта гипотеза, поддерживаемая очевидностью обыденной жизни, приписывает предметам функциональный статус, статус утвари, связанный с техническими операциями, относящимися к миру, и даже – тем самым – статус опосредования антропологических «природных» потребностей индивида. В такой перспективе предметы в первую очередь зависят от потребностей, приобретая смысл в экономическом отношении человека к окружающей среде.

Эта эмпирическая гипотеза неверна. Дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета был прагматический статус, на который лишь затем накладывалась бы социальная знаковая стоимость, – наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой рационализацией). Истинная теория предметов и потребления должна основываться не на теории потребностей и их удовлетворения, а на теории социальной демонстрации и значения.

Именно социально-знаковая характеристика потребляемой вещи является фундаментальной. Эмпирически данная вещь в случайности своих формы, цвета, материала и функции (а если это культурный объект, то и в своей эстетической определенности) является мифом; точнее говоря, она – не что иное, как различные типы отношений и сигнификаций, которые, соглашаясь друг с другом или противореча друг другу, завязываются на ней как на неопределенном субстрате.

Мысля социологически, говорит Бодрийяр, можно выдвинуть гипотезу: потребность именно в данном предмете есть не что иное, как потребность в совершенно определенном социальном различии; потребительское поведение направляется не «естественными» потребностями в некоторых вещах, а социально артикулированными потребностями в различительно значимых предметах. Потребляется скорее не сама вещь (в физическом смысле), а идея отношения между вещами: потребление представляет собой систематический акт манипуляции знаками, который определяет социальный статус посредством различий.

Следует недвусмысленно заявить, что объект потребления составляют не вещи, не материальные товары; они образуют лишь объект потребностей и их удовлетворения. Люди во все времена что-то покупали, чем-то владели, пользовались, совершали траты – но при этом они не «потребляли». «Первобытные» празднества, расточительство феодального сеньора, буржуазное роскошество XIX века – все это не

потребление. И пользоваться таким термином применительно к нашему современному обществу мы вправе не потому, что больше и лучше питаемся, получаем больше образов и сообщений, имеем в своем распоряжении больше технических устройств и «гаджетов». Ни объем материальных благ, ни удовлетворяемость потребностей сами по себе еще не достаточны для того, чтобы определить понятие потребления; они образуют лишь его предварительное условие.

Потребление – это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: это виртуальная целостность всех вещей и сообщениях, составляющих отныне более или менее связный дискурс. Потребление, в той мере в какой это слово вообще имеет смысл, есть деятельность систематического манипулирования знаками.

Традиционная вещь-символ (орудия труда, предметы обстановки, сам дом), опосредовавшая собой некое реальное отношение или житейскую ситуацию, несшая в своей субстанции и форме ясно запечатленную, сознательную или же бессознательную, динамику этого отношения – а стало быть, лишенная произвольности, – такая вещь, будучи связана, пропитана, насыщена коннотацией, но оставаясь живой в силу своей внутренней транзитивности, соотнесенности с определенным поступком или жестом человека (коллективным или же индивидуальным), не может потребляться. Чтобы стать объектом потребления, вещь должна сделаться знаком, то есть чем-то внеположным тому отношению, которое она отныне лишь обозначает, – а стало быть, произвольным, не образующим связной системы с данным конкретным отношением, но обретающим связность, то есть смысл, в своей абстрактно-систематической соотнесенности со всеми другими вещами-знаками. Именно тогда она начинает «персонализироваться», включаться в серию и т.д. – то есть потребляться – не в материальности своей, а в своем отличии.

Так «Nike» продает не спортивную обувь, а саму идею спорта. А обувь – это так, побочный продукт. Вместе с идеей спорта можно продавать и гантели, и маечки, и темные очки, а если захочется – дезодоранты, прохладительные напитки, вообще все что угодно. Человек, который может даже не заниматься спортом, потребляя товары фирмы

«Nike», приобретает к спорту. А это в свою очередь влияет на то, как его оценят окружающие, может являться условием для включения индивида в определенную группу.

Из такого преобразования вещи, получающей систематический статус знака, вытекает и одновременное изменение человеческих отношений, которые оказываются отношениями потребления, то есть имеют тенденцию «потребляться» (в обоих смыслах глагола *se consommer* – «осуществляться» и «уничтожаться») в вещах и через вещи; последние становятся их обязательным опосредованием, а очень скоро и заменяющим их знаком – алиби.

Как мы видим, потребляются не сами вещи, а именно отношения – обозначаемые и отсутствующие, включенные и исключенные одновременно; потребляется идея отношения через серию вещей, которая ее проявляет.

Символ (знак) – это особое, относительно автономное свойство товара. Обычно отношения между ними строятся как отношения между означающим и означаемым. Степень жесткости этой связи может существенно варьироваться. Ж.Бодрийяр выделяет следующие фазы в этом процессе отделения означающего (знака, символа) от означаемого им объекта:

1. Оно отражает базовую реальность,
2. Оно маскирует и извращает базовую реальность,
3. Оно маскирует отсутствие базовой реальности,
4. Оно не имеет никакой связи с базовой реальностью, это чистый *simulacrum*.

В теории Бодрийяра термин «симулякр» играет очень важную роль.

Симулякр – это ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель.

Симулякр – своего рода алиби, оправдание для реального положения дел.

Симулякр – это самодостаточная знаковая система, не имеющая соответствий в реальном мире.

Можно сказать, что симулякр – это знак или символ, существующий сам по себе. Он не означает реальность, он ее симулирует.

«Все вещи объявляют себя функциональными, так же как все политические режимы – демократическими. Между тем это понятие, включающее в себя все современные факторы привлекательности, са-

мо по себе сугубо двойственно. Будучи производным от «функции», оно подразумевает, что вещь реализует себя, точно соответствуя реальному миру и человеческим потребностям. Фактически же «функциональным» именуется отнюдь не приспособленное к некоторой цели, но приспособленное к некоторому строю или системе; функциональность есть способность интегрироваться в целое. В случае же вещи это не что иное, как способность преодолеть свою «функцию» ради какой-то вторичной функции, способность стать элементом игры, комбинаторной исчислимости в рамках всеобщей системы знаков».

Связность функциональной системы вещей возникает оттого, что эти вещи (и отдельные их аспекты – цвет, форма и т.д.) обладают уже не самостоятельным смыслом, но всеобщей функцией знаковости.

«Вещи как бы болеют раком: безудержное размножение в них внеструктурных элементов, сообщающее вещи ее самоуверенность, – это ведь своего рода опухоль. А между тем именно на таких внеструктурных элементах (автоматике, аксессуарах, несущественных отличиях) зиждется вся система моды и управляемого потребления. В них вещь, изначально перенасыщенная, внешне пышущая здоровьем в своих метаморфозах, истощается в судорожно-броских изменениях формы.

С другой стороны, мода, беспорядочно приумножая вторичные системы, является царством случая и вместе с тем бесконечного повторения форм, где, следовательно, и концентрируется максимум коммерческих поисков».

Поскольку «специфические отличия» производятся в промышленном масштабе, то доступный субъекту выбор изначально фиксирован – остается лишь иллюзия личностного несходства. Стремясь внести в вещь нечто такое, что сделает ее единственной, сознание само же и овеществляется в этой детали. Таков парадокс отчуждения: живой выбор воплощается в мертвых различиях; прибегая к ним, наш проект становится самоотрицающим и несбыточным.

Такова идеологическая функция системы: она дает нам всего лишь игру в повышение социального статуса, поскольку любые отличия изначально интегрированы в систему.

Однако, даже там, где рекламная игра мотиваций разворачивается вхолостую (различные марки для одного и того же товара, чисто иллюзорные отличия, вариации оформления и т.д.), где в выборе изначально заложен подвох, – приходится все же признать, что и самые

поверхностные отличия, будучи расценены как реальные, таковыми и становятся.

Подобно тому, как функция вещи в предельном случае может оказаться лишь алиби для тех скрытых значений, что ею внушаются, — подобным образом и в рекламе (тем более что это более чистая коннотативная²⁴³ система) именуемый и описываемый товар-дизайн становится алиби, и под прикрытием его наглядной очевидности осуществляется невидимая операция интеграции.

Те, кто протестует против порабощающей силы рекламы (и вообще «масс-медиа»), не понимают специфической логики их воздействия. Это не логика тезиса и доказательства, но логика легенды и вовлеченности в нее. Мы в нее не верим, и, однако, она нам дорога. «Демонстрация» товара вообще-то никого ни в чем не убеждает; она оправдывает задним числом покупку, которая либо происходит до всяких рациональных мотиваций, либо не укладывается в их рамки.

Изобилием товаров устраняется *дефицит*, широкой рекламой устраняется психическая *неустойчивость*. Ибо хуже всего, когда приходится самому придумывать мотивации для поступков, любви, покупок. Человек при этом сталкивается с тем, что он сам себя плохо знает, не существует как полноценный субъект, обманывает себя и испытывает страх. Если вещь не снимает это чувство вины от незнания, чего ты хочешь и кто ты такой, то она будет сочтена некачественной.

В условиях множества маргинальных отличий, когда один и тот же товар чисто формально распадается на разные виды благодаря внешнему оформлению, конкуренция оказывается особенно острой, широко разворачивая последнюю, сомнительную свободу выбора — свободу случайно выбирать вещи, которые будут отличать вас от других.

Люди определяют себя по отношению к своим вещам. Вещи образуют спектр различительных признаков, более или менее произвольно соотносенный со спектром стандартных личностных типов.

В обществе вычленяются категориальные секторы или «статусные группы», опознающие себя через тот или иной набор вещей. При этом иерархизированные гаммы вещей и товаров играют точно ту же самую роль, которую прежде играли различительные наборы ценностных установок: на них зиждется групповая мораль.

²⁴³ Коннотация — дополнительный смысл, приписываемый обществом обычному знаку или, в данном случае, вещи.

Система «вещи/ реклама» образует систему значений; ей присуща скудость и эффективность условного кода.

В формализованном виде она предстает как универсальная система маркировки социального статуса людей – как код «стэндинга».

В рамках «общества потребления» понятие статуса как критерия, определяющего достоинство члена общества, имеет тенденцию все более упрощаться, совпадая с понятием «стэндинга». «Стэндинг» – социальная характеристика, интегрирующая рекламные опознавательные знаки (например, чай как «знак хорошего вкуса», часы – символ достатка и т.д.).

Конечно, «стэндинг» определяется и такими факторами, как власть, авторитет, ответственное положение, но ведь в конечном счете «нет настоящей ответственности без часов марки «Лип!» Реклама всякий раз откровенно отсылает к вещи как к некоторому императивному критерию: «О вас станут судить по тому...», «Элегантная женщина опознается по тому...», и т.д. Разумеется, вещи всегда составляли систему социальных опознавательных знаков, но лишь параллельную и вспомогательную по отношению к другим системам (жесты, ритуалы, церемонии, язык, родовое происхождение, кодекс нравственных ценностей и т.д.). Для нашего же общества характерно то, что другие системы опознавания все более поглощаются одним-единственным кодом «стэндинга». Естественно, этот код выступает с большей или меньшей императивностью в зависимости от социальной среды и уровня экономического развития, но в том и заключается коллективная функция рекламы, чтобы обращать нас в его религию. Это моральный кодекс, поскольку он санкционирован социальной группой и всякое его нарушение так или иначе сопровождается чувством вины. Это тоталитарный кодекс – от него никому не уйти; даже если мы не поддаемся ему в своей частной жизни, это еще не значит, что мы не соучаствуем каждодневно в его коллективной выработке. Можно не верить в него, а всего лишь верить, что в него верят другие, – и этого уже довольно, чтобы участвовать, пусть иронически, в его игре.

А.Б.Франц

Екатеринбургская академия современного искусства,
г. Екатеринбург

ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ЕКАТЕРИНБУРГА КАК МАРКЕТИНГОВЫЙ РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОДВИЖЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевой тезис настоящей работы заключается в следующем. Городская культура, будучи по своему потенциалу мощнейшим инструментом продвижения мирохозяйственной идентичности Екатеринбурга на современных высококонкурентных глобальных рынках, эту свою задачу либо не выполняет, либо делает это сугубо стихийно – без явного осмысления маркетинговых целей и целенаправленного решения промоутерских задач.

А между тем, задача формирования, позиционирования и продвижения образа города стоит сегодня как нельзя более остро.

В настоящее время между мегаполисами поволжско-урало-сибирского региона развернулась жесточайшая конкуренция за позицию транспортно-логистического центра транзитных товаропотоков европейско-азиатской трансконтинентальной торговли. Бенефиции и ресурсы городского развития, что достанутся победителю, невозможно переоценить. Н.Новгород, Самара, Казань, Пермь, Уфа, Челябинск, Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск, Красноярск уже включились в эту гонку.

Согласно большинству экспертных оценок, Екатеринбург сегодня побеждает в конкурентном состязании на звание крупнейшего перевалочного пункта Евразии. Уже сейчас здесь сосредоточено около 200 компаний, позиционирующих себя в транспортно-логистическом секторе.

Удобное географическое положение и развитие транспортной сети делает Екатеринбург как наиболее эффективным региональным центром распределения товарных потоков (на Пермь, Уфу, Челябинск, Курган, Тюмень, Салехард, Ханты-Мансийск...), так и центром пересечения наибольшего количества дальнемагистральных транспортных коридоров.

Рис. 1

Это, прежде всего, транспортный коридор «Запад–Восток», (Западная и Центральная Европа–Украина и Беларусь–Западная и Центральная Россия–Поволжье–Урал–Сибирь–Д. Восток–Китай, Корея, Япония, страны ЮВА). Далее, это восточное ответвление от транспортного коридора «Север–Юг», соединяющего Балтику и акватории Черного и Каспийского морей: (страны Балтии, русский Север–Санкт-Петербург–Екатеринбург–...), (страны Черноморско-Каспийского бассейнов–Ростов-на-Дону, Астрахань, Новороссийск–Екатеринбург – ...).

Однако далеко не всегда в стратегической конкуренции такого масштаба решающую роль играют объективные геоэкономические конкурентные преимущества. И участники гонки вполне отдают себе в этом отчет. Вот, например.

«...в настоящее время города России вступили в жесткую конкуренцию за привлечение на свои территории разного рода ресурсов. По оценкам экспертов, экономическая конкуренция дополняется, а иногда и заменяется конкуренцией культур, мировоззрений...»²⁴⁴.

После работ Антонио Грамши середины прошлого века любым серьезным элитным группам очевиден его главный тезис: **в основе любой силовой, политической, хозяйственной и т.д. гегемонии лежит гегемония культурная.** Как выяснилось, джинсы и рок-н-ролл оказались на порядок более эффективными инструментами политической конкуренции, нежели ракеты и боеголовки.

Но это в равной степени относится и к хозяйственному противоборству. Доминирование в геоэкономической конкуренции городов и

²⁴⁴ Администрация города Красноярск. Постановление от 17 марта 2005 г. №121 об утверждении стартовой версии программы позиционирования города Красноярск в городском сообществе, Красноярском крае, стране, мире: «Красноярск – город инноваций, партнерства и согласия».

территорий невозможно без культурного доминирования. Невозможно без обеспечения экономической конкурентной борьбы – превосходством в индустрии образов, ценностей и смыслов.

Из этого следует: создание нового образа города и презентация его политическим, управленческим и культурным элитам мира – одна из ключевых задач городской культуры Екатеринбурга. По сути дела, речь идет о двух задачах:

- создание нового образа Екатеринбурга, стирающего его прежний индустриально-промышленный облик из сознания мирохозяйственных партнеров города;
- формирование эффективных механизмов культурной трансляции этого образа российским и мировым элитам.

Сегодня можно констатировать, что ни одна из этих задач не нашла сколько-нибудь удовлетворительного решения.

В самом деле, что сегодня знает город о себе – на уровне публичной достоверности? «Урал – опорный край державы, ее добытчик и кузнец», «мы кузнецы и дух наш молод», «слева кудри токаря, справа кузнеца». Представление города о самом себе, задающее и представления о городе *со стороны*, до сих пор по преимуществу укладывается в культурный конструкт всесоюзной кузницы.

Уже нет СССР, уже далеко в прошлом сугубо индустриальный хозяйственный и жизненный уклад города, уже совершенно новые герои задают тон в хозяйственной, социальной, политической жизни города, новые коллизии сотрясают его, новые связи выстраиваются внутри и тянутся сюда практически отовсюду.

Еще чуть-чуть, и новый «континентальный Сингапур» возникнет на торговых путях между Европой и Азией. Но до сих пор нет даже языка, способного достоверно описать новую душу, поселившуюся в привычных городских стенах.

Смысловой потенциал привычной индустриальной риторики пятидесятилетней давности девальвирован. А новая риторика отсутствует, либо же существует маргинально, не выходя на уровень культурного мейнстрима. Это самым существенным образом ослабляет объективно сильные конкурентные позиции Екатеринбурга в соперничестве территорий и городов.

Доминирующий сегодня способ позиционирования Екатеринбурга посредством привязки к границе Европы и Азии страдает тремя врож-

денными пороками, не позволяющими городу вырваться за рамки третьесортного локального брэнда.

Первый порок – содержательный. Все дело в том, что лексема **границы, граничности, пограничности** с неизбежностью вводит Екатеринбург в смысловые ряды «центр – граница», «центр – периферия» и т.д. Где городу отводится именно **гранично-периферийное** место. Привязка к границе, периферийность, **маргинальность** намертво вшиты в любые идеологемы и мифологемы, вытекающие из **пограничной** идентификации Екатеринбурга.

Второй порок – организационный. Он связан с отсутствием механизмов целенаправленного генерирования культурных событий, брэндирующих Екатеринбург как **центр Северной Евразии** (а не пограничный город на периферии двух континентов).

Третий порок – структурный. В механизмах позиционирования города отсутствует медиа-составляющая, транслирующая новое позиционирование города в **информационные пространства его современных мирохозяйственных партнеров**. А это – пространство от Бреста и Гибралтара на Западе, до Пекина, Сеула, Токио на востоке.

В настоящее время учеными ЕАСИ разработана стратегическая программа «Центр континента», снимающая указанные ограничения в позиционировании города. Программа находится на рассмотрении и согласовании в Администрации г. Екатеринбурга.

А.Г. Лаврова

Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск

УТОПИЧНОСТЬ ГОРОДСКОГО ДИСКУРСА

Возникнув в древности, город сразу был противопоставлен деревне, сельской общине по образу организации пространства, образу жизни, менталитету проживающих в нем граждан. Можно говорить о городе как о мегадискурсе, как о комплексе дискурсов (семиотических, пространственных, культурных). Наиболее важным для нас является то, что дискурс города – это с одной стороны, безусловно, ментальный дискурс, а с другой – дискурс организации культурного пространства.

Городской мегадискурс имеет множество различных черт. В их числе можно выделить рациональность, толерантность, сложность структурирования и взаимосвязей по сравнению с сельским (деревен-

ским, общинным) дискурсом. Источниками городского дискурса являются экономическое, политическое, правовое устройство города, религия, четкая специализация отдельных групп населения, возрастные их самостоятельности и влияния на этот дискурс.

Дискурс города является одним из самых сложных феноменов, созданных человечеством. Колоссальные по своим размерам, сложности инженерных и архитектурных сооружений, количеству сосуществующих людей, города в тоже время эфемерны и виртуальны. Застыв в бетоне и стекле, они все время меняются, переживают метаморфозы в сознании каждого человека. Поэтому и городской дискурс постоянно меняется в зависимости от того, как меняется менталитет обитателей города, его инфраструктура, система управления, экономика и пространство.

Всякий городской дискурс очень разнообразен: люди самого высокого и самого низкого социального статуса видят друг друга на улицах каждый день. Этот перепад потенциалов власти и собственности создает своего рода силовое поле, на котором разворачиваются все перипетии повседневно воспроизводящихся городских дискурсов; социальные полюса здесь пространственно сближены, между ними возникает определенное натяжение, складывающееся из взаимного отталкивания и притяжения, — здесь и вырабатывается та энергия, которая придает дискурсу городского образа жизни свойственную ему динамику. Поэтому-то город и стал родиной *ratio*, местом, где начали не просто жить, но систематически рационально размышлять о жизни.

В работах современного отечественного культуролога В. С. Ефимова городской мегадискурс трактуется как сложный популятивный объект. В своих работах он выделяет в нем ряд минидискурсов (морфологическую, пространственную, семиотическую, инфраструктурную)²⁴⁵. Кроме того, В.С. Ефимов и его соавторы выделяют в городском дискурсе его модусы – природно-ландшафтный, архитектурно-коммуникативный, трансгородской, социально-организационный, мыследеятельностный, нормативно-ценностный (там же). Однако, на наш взгляд, при таком подходе к проблеме исчезают различия между дискурсом города и другими сходными, столь

²⁴⁵ Ефимов В.С., Ермаков СВ., Пригожих В.А., Культурно-образовательное пространство города и становление человека: проблемы, проект, реализация. // Образование и социальное развитие региона. – Барнаул, 1999, №3–4.

же сложными явлениями как дискурс социума, дискурс региона, дискурс страны и т.д. Крайне продуктивной является позиция Л.Б. Когана и А.А. Правоторовой, которые в качестве отличительных особенностей предлагают выделять базовые процессы, приводящие к появлению городского дискурса, такие как процессы интеграции и концентрации форм и сфер человеческой деятельности²⁴⁶. Именно они, по мнению этих исследователей, лежат в основе становления и развития городского дискурса.

С другой стороны, на наш взгляд, городской дискурс имеет еще одно, существенное отличие от других дискурсов. Он изначально проективен и утопичен. Он начинается с идеи Города. Город возникает тогда, когда человек начинает огораживаться, структурировать вокруг себя пространство, ища, устраивая в нем некий представляемый и желаемый порядок взамен «хаоса» живой природы. Человек вообще не умеет жить в реальности, которой мы считаем природу – лес, реку, равнину. Человек строит утопию, замещает реальность конструкцией, в первую очередь, умозрительной, мысленной и в ней-то и живет.

Это подтверждает и мнение специалиста по урбанистике С. А. Смирнова, необходимость появления специфического дискурса города как огороженного, структурированного пространства возникла тогда, когда: «человек был изгнан из рая, когда он оказался предоставлен самому себе. С этим связано стремление вернуть, установить утраченный рай как Храм Божий, и тем самым спастись от страха и одиночества. Город становится такой формой замены Града Божьего, формой восстановления утраченного рая... Строительство города небесного на земле начинается со строительства тела души, вместилища ее, то есть личности, этой сложно организованной корпорации (от лат. *corpora* – форма)²⁴⁷. Соглашаясь с автором процитированного отрывка, и объединяя две заявленные концепции городского дискурса, можно сказать, что он начинается с идеи утопического поиска формы для организации душевного и духовного пространства человека, а уже продолжением, материальным воплощением этой идеи являются камень, стекло, бетон и асфальт в виде зданий, дорог, мостов, площадей. Утопич-

²⁴⁶ Коган Л.Б. Быть горожанами. – М: «Мысль», 1990; Правоторова А.А. Образование и городская культура. //«Мастер-класс». – 1996, №1.

²⁴⁷ С.А.Смирнов. Антропология города или о судьбах философии урбанизма в России. <http://www.antropolog.ru/doc/persons/smimov/smimovgorod>

ность городского дискурса прежде всего проявляется как утопичность городской ментальности и как проективное, идеально организованное пространство (город удобства, красоты и социальной гармонии).

Особенно ярко эта двойственность проявляется в дискурсах отдельных городов. С одной стороны, как ментальность идеального построения, как дух Города, – можно говорить об особом духе, атмосфере Санкт-Петербурга, Венеции, Нью-Йорка. Это находит свое отражение в образе жизни, произведениях творческих элит периода расцвета этих городов.

С другой стороны, именно дискурс конкретного города неотделим от его культурного и архитектурного пространства. Всякое организованное градостроительство изначально имеет началом некий утопический прообраз (от города-Храма до картезианских и конструктивистских построений), только потом он воплощается в план, чертеж, созданный из желания устроить жизнь людей как можно лучше. Стремление к идеалу, видение некоего идеального городского дискурса – максимально комфортного, несказанно прекрасного, жизнь в котором будет удобна и справедлива по отношению ко всем его обитателям – цель всех градостроителей. В этом тоже суть утопичности городского дискурса.

Необходимо отметить, что понятие утопичности дискурса мы используем отнюдь не в негативном смысле. Ведь, по мнению большинства современных социологов и культурологов, исследующих данный феномен, утопичность должна рассматриваться как принцип социальной реконструкции, идеального проектирования жизни, не исключая и практические проекты, которые могут быть реализованы, а вовсе не как «бесплодная фантазия». В анализе утопического дискурса многие исследователи обращались к теме города. В подобном дискурсе соединяются две противоположные функции. Существует концепция утопии Л. Мэмфорда, в которой он делит все многообразие утопических дискурсов на два вида – дискурсы бегства и дискурсы реконструкции. Первые, по его словам, служат своего рода убежищем, куда человек прячется от слишком жестокого контакта с действительностью. Вторые, напротив, связаны с вторжением в мир и преобразованием его, причем не только в сфере материальной действительности, но и в сфере идей. «Первая функция, – пишет Мэмфорд, – это бегство или компенсация. Это попытка немедленно освободиться от трудностей и невзгод нашей судьбы. Другая

представляет собой попытку обеспечить условия нашего существования в будущем ... В первом случае мы строим немислимые воздушные замки, во втором – мы консультируем топографов, архитекторов и каменщиков, создавая дома, которые соответствуют нашим потребностям»²⁴⁸.

Дискурс Города предстает перед нами, прежде всего, как утопия реконструкции, однако, взглянув глубже, можно увидеть наличие и второй функции. Город – это утерянный Рай, Эдем, из которого человек был изгнан и мечтает вернуться. Каждый из нас, наверное, мыслит идеальный город как место мгновенного решения всех проблем, удовлетворения всех потребностей, место, которое настолько хорошо, что и менять-то ничего не нужно. Так и в христианской традиции город есть единство Града Небесного и Града Земного. Таким образом, и опираясь на концепцию Мэмфорда, городской дискурс предстает перед нами как синтез этих двух видов утопического дискурса, соединяя *обе* функции.

Однако и сам утопический дискурс как таковой можно проанализировать с точки зрения его зависимости от дискурса города. Если, как уже говорилось, существует два основных вида дискурсов (дискурс реконструкции и дискурс бегства), то наиболее распространенные дискурсы реконструкции почти всегда – дискурсы городские.

Такая точка зрения получает поддержку и в работах Л. Мэмфорда. Его концепция происхождения утопического дискурса определялась стремлением не ограничиваться «простым историческим объяснением» того факта, что «утопии от Платона до Беллами рассматривались преимущественно в рамках города»²⁴⁹ (эта тенденция связывается Мэмфордом с преобладанием греческой утопической традиции, ведущей начало от Платона и Фалея Гипподамского), но поставить вопрос глубже, а именно – «почему города так часто становятся местом утопий?»²⁵⁰.

Ответ на поставленный вопрос дается Мэмфордом в свойственной ему парадоксальной манере. «Концепция утопии, – утверждает американский социолог, – является не эллинистической спекулятивной фантазией, а выводом из того исторического события, что на деле пер-

²⁴⁸ L. Mumford. The Story of Utopias. N. Y., 1962, p. 15.

²⁴⁹ Mumford L. Utopia: The City and the Machine // Daedalus. Spring 1965. P. 271.

²⁵⁰ Там же.

вой утопией был сам город»²⁵¹. Начав возникать в эпоху неолита, городской дискурс по своей природе с самого начала был призван стать «центром политического и религиозного дискурса», способным справляться с «многократно возросшим производительным изобилием неолитической культуры»²⁵². Грандиозным порождением последней были, по Мэмфорду, и древневосточные города, ставшие «посредствующим звеном между космическим порядком, открытым жрецами-астрономами, и унифицирующей деятельностью царской власти».²⁵³

Пробраз большинства утопических дискурсов представляется американскому социологу как воспроизведение в сознании утописта структуры, восходящей к древневосточному городу с его неотъемлемыми атрибутами – бюрократическим аппаратом, регламентацией общественной жизни, униформизмом, изоляционизмом, специализацией трудовых функций и т. д.²⁵⁴ Таким образом, городской дискурс неизбежно порождает утопию, будучи одновременно и ее реализацией на практике и «последовательным отражением (after-image) в человеческом уме собственной «идеальной» формы».²⁵⁵

И действительно, многие утописты создавали свои произведения, как литературные, так и социально-политические, ограничивая местоположение идеального общества рамками города (достаточно назвать столь известные произведения как «Государство» и «Законы» Платона, «Город солнца» Т. Кампанеллы (1602), «Христианополь» В. Андреа (1619), «Взгляд назад» (1888) Э. Беллами или утопический город из алюминия из сна Веры Павловны в романе «Что делать» В. Чернышевского). Даже фаланстеры Ш. Фурье («Новый социетарный мир») это суть городские дискурсы со сложной организацией, разделением трудовых функций, со своей экономической и управленческой структурой. На наш взгляд, именно сложность и цельность такого объекта как городской дискурс, сама его идея привлекали утопистов и побуждали их к творению утопий.

Сложность и парадоксальность проблемы городского дискурса в том, что как объект город настолько огромен, столь вещественен, его воплощение в камне и металле подавляет человека, не да-

²⁵¹ Mumford L. Utopia: The City and the Machine // Daedalus. Spring 1965. P. 274.

²⁵² Mumford L. The City in History. Hammondsorth, 1966, P. 647.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же, с. 285. См. также Mumford L. The Myth of Machine. NY, 1970. P. 210.

²⁵⁵ Mumford L. Utopia: The City and the Machine // Daedalus. Spring 1965. P. 279.

ваясь взгляду и мысли целиком. В то же время Город возможен, прежде всего, как онтологический дискурс, глубоко укорененный в сознании человека, конституирующий и организующий повседневную жизнь людей. Идея города лежит в этом смысле в феноменологической действительности мышления, а не натуральных формах. А реальное построение и существование городского дискурса является попыткой реализации утопии, своеобразным доказательством силы проективности, стремления к идеалу, присущего утопическому дискурсу.

Итак, подытоживая наши размышления, можно сказать, что городской дискурс изначально и сущностно утопичен, исходя из того, что город появляется из идеи Города, и продолжает оставаться утопичным, поскольку, создавая планы постройки или усовершенствования городов, архитекторы вновь и вновь строят Города Солнца, идеальные в логике своего устройства, гарантирующие жителям комфорт существования, а, следовательно, и счастье.

М.Ю.Биктуганова

Уральский государственный университет путей сообщения
г. Екатеринбург

ТУРИЗМ КАК ИНТЕРЕС К КУЛЬТУРЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПОСРЕДСТВОМ СИМВОЛОВ

Туризм сегодня становится массовым экономическим явлением международного масштаба и получает значительное развитие.

Благодаря туризму создаются новые мировоззренческие ориентиры, жизнь предстает в полном многообразии, причем за очень небольшой промежуток времени.

Благодаря туризму, как явлению культуры, становится возможным постижение и раскрытие самой культуры: ее традиций, новаций, норм; таких ее характеристик как сущность, форма, функции непосредственно в регионе.

Индустрия туризма, преследуя чисто экономические интересы, посредством рекламы, во многом способствует формированию и поддержанию определенных социальных стереотипов. При этом существуют не столь явные основания для предпочтения подобного времяпрепровождения, которые делают возможным само существование туризма.

Как правило, в качестве одной из составляющих в программу поездки включаются экскурсии, посещение музеев, достопримечатель-

ностей, памятных мест, знакомство с тем, что принято обозначать как «наследие». Такая «культурная программа» как может быть дополнительной, в случае, если речь идет об отдыхе на курорте, так может и занимать основное время и являться главной целью путешествия. И этот аспект, несмотря на то, что он воспринимается не основным, возможно, является главным для понимания оснований и значения феномена туризма для современной культуры.

Для данной практики характерно «опосредованное» потребление. Для того чтобы принимать в ней участие, нет необходимости обладать каким-либо собственным культурным багажом, опытом, позволяющим считывать знаки культуры. Туристический сервис уже предоставляет готовый набор, как предполагаемых объектов, так и способов их усвоения. Более того, потребляется не тот или иной конкретный объект.

Туризм предстает как некий ритуал, который позволяет его участникам приобщиться к сфере «высокой культуры» посредством приобщения к ее символам. При этом то, что предлагается к рассмотрению, чаще всего ограничивается набором уже небезызвестных достопримечательностей, нашумевших имен и произведений, которые воспринимаются как эталоны или транслируются массовой культурой. Таким образом, познание здесь носит характер не получения нового опыта, а узнавания знакомого. Процесс восприятия художественного произведения сводится к усвоению имени автора и представлению ценности художественной культуры как таковой.

Большую роль в таком восприятии имеет функция гида, который по своему усмотрению отбирает произведения заслуживающие внимания. Зритель же в таком случае становится потребителем результатов этой деятельности. Происходит процесс присвоения культурных ценностей новым социальным группам.

Динамика развития туризма отмечена разрушением элитарного прочтения разнообразных культурных памятников, что связано с качественным изменением и распространением культурных символов для большего числа людей.

Туризм способствует знакомству, выявлению, изучению и составлению национальных характеров, ментальности, архетипов и символов.

Ранее освоение культуры понималось как процесс обучения, опирающийся в первую очередь на знание истории. Воспитание и образование, построенные на усвоении некоторого перечня произведений, признанных эталонными, рассматривались как единственные возмож-

ные пути для приобретения хорошего вкуса, который, в свою очередь, являлся гарантом эстетического наслаждения. При этом возможность созерцать подлинные произведения искусства, разбросанные по всему миру, по прежнему оставалась привилегией избранных, или же завершающим этапом образования. Общение с подлинником являлось доступным только для должным образом подготовленного зрителя, в противном случае, эстетический акт не мог состояться. То есть, эстетическое переживание является обоснованным определенным дискурсом²⁵⁶.

Дискурс, лежащий в основании функционирования индустрии наследия, принципиально отличается от эстетического. Решающее значение в процессе потребления культуры приобретает не получение эстетического удовольствия, а получение информации, тогда как удовольствие является следствием осознания своей осведомленности.

Известные символы привлекают туристов. Людям присуще стремление познавать их непостижимость, они так притягательны своим величием и загадками.

О.В. Коркунова

Уральский государственный университет путей сообщения
г. Екатеринбург

ФЕНОМЕН ТУРИЗМА В СВЕТЕ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

Феномен туризма получил существование в 20 веке. В предшествующие столетия люди путешествовали. В чем разница между тем, чтобы отправиться в путешествие и совершить туристическую поездку, быть путешественником или быть туристом? Почему феномен туризма вытеснил феномен путешествия?

Понятия эти пересекающиеся и даже родственные, но полностью не совпадающие. В словаре русского языка С.И. Ожегова мы находим такие значения этих слов. Слово «туризм» имеет два значения:

1. Вид спорта, групповые походы, имеющие целью физическую закалку организма;

---

²⁵⁶ Беззубова О.В. Индустрия туризма как новый тип культурного потребления // Культурное пространство путешествий. 8–10 апреля 2003 г. Тезисы форума. – СПб.: Центр изучения культуры. – 2003. – С. 320–324.

2. Вид путешествий, совершаемых для отдыха и с образовательными целями. А слово «путешествие» имеет значение: поездка или передвижение пешком по дальним странам, местностям.

Анализ этих значений показывает нам несколько дискурсивных особенностей данных феноменов. Понятие «путешествие» выступает первичным по отношению к понятию «туризм». Его смысл заключается в характеристике той деятельности, посредством которой человек пространственно осваивает мир. Причем указание на дальние страны подчеркивает, что это не есть топика его повседневной жизни. Понятие это настолько общее, что в нем отсутствует указание на цели, назначение, функции этой деятельности. В нем мы фиксируем только один смысл: человек передвигается по территории далекой от его постоянного места проживания, совершает путь в мир неизвестного.

Если мы возьмем понятие «туризм» в его втором значении, то, увидим, что оно конкретизирует понятие «путешествие». Туризм предстает видом путешествий, в которых доминируют две цели: отдых и образование.

Поставим теперь вопрос: в какую реальность повседневной жизни погружают нас эти языковые конструкты? Образ путешественника – это образ человека, который стремится расширить границы и горизонт своей повседневной жизни посредством передвижения по новым территориям. Так он удовлетворяет свой интерес к постижению мира и стремление к расширению и обогащению жизненного опыта. Интерес к миру здесь на первом месте.

Если мы рассмотрим смысловые изменения данного понятия в историко-культурном контексте, то увидим эволюцию самого феномена путешествия.

Мифы Древней Греции сохранили для нас описание путешествий Одиссея. В этом описании можно выделить две основные идеи, касающиеся путешествий. Первая: мир удивителен, богат необычными, грозными, страшными силами и явлениями. И вторая: человек покоря мир, овладевая силами природы, становится героем. Не случайно в обиход вошло слово «одиссея» как символ долгого, трудного и опасного путешествия, осуществление которого приравнивается к героизму.

В эпоху Средневековья добавляется новый мотив для путешествий – стремление к возвышенному, благородному, доблестному. Под влиянием религии люди совершали путешествия к святым местам, Земле Обетованной. Рыцари устремлялись туда, где шла война, и ис-

крenne верили, что совершают благо, насильно обращая иноверцев в свою веру.

В эпоху Возрождения путешествие становится важной стороной жизни человека. Именно на это время приходится эпоха Великих географических открытий. Человек, взяв управление судьбой в собственные руки, начинает активно осваивать, подчинять себе мир природы. Целый спектр мотивов побуждал тогда отправляться в путешествие. Кроме чисто прагматических мотивов: жажды наживы, богатства, славы, власти, – сильным было стремление попробовать свои силы, раскрыть способности, лично утвердить себя в мире.

В Новое время на смену вдохновению, страстным порывам, пассивности приходит рационализм. Критика разума приводит к тому, что путешествия начинают дифференцироваться по видам. Путешествия с целью оздоровления и отдыха (появляются санатории), с целью образования (яркий пример тому дают биографии Петра I и М.В. Ломоносова), с целью изучения жизни и культуры других народов. Именно благодаря путешествиям последнего вида в 19 в. европейцы стали знакомиться с культурой Востока, его древними учениями.

В результате путешествия становятся достаточно популярными и составляют неотъемлемую часть образа жизни не только богатых, но и зажиточных людей. С конца 19 века короткие путешествия, чаще всего в компании, становятся типичной формой отдыха, организации досуга. Так сам социокультурный контекст изменения образа жизни людей трансформирует смысл понятия «путешествие» и приводит к формированию нового понятия «туризм». В мире, который достаточно хорошо освоен человеком, живущим в развитой цивилизации, отправляясь в другую страну, уже не нужно прокладывать путь, достаточно формировать тур. Те значения слова «туризм», которые выделяет С.И. Ожегов, зафиксировали эту эволюцию. Путешествие требовало от человека экстремальных нагрузок в условиях освоения еще неизвестного мира. В туризме это исчезает. Передвижение по территории превращается в вид спорта, физической тренировки организма. И это закономерно, т.к. туристические маршруты пролегают по пространству цивилизованного мира. Отличительными чертами туризма становятся: организованный досуг, отдых, оздоровление, групповые коммуникации.

В обществе массового потребления формируется индустрия туризма, которая посредством дискурса усиливает названные характеристики данного феномена. Дискурс формирует символическое про-

странство для существования туризма. За счет ряда симулякров человеку предлагается уже к комфортной обстановке, в рамках групповой коммуникации, с гарантией, что все будет вовремя и хорошо организовано приобщиться к жизни и культуре народов других стран. Это дает человеку ощущение, что он изменяет свою повседневную жизнь, свой имидж и даже сущностный образ самого себя. В символической реальности, которую создает дискурс туризма, человек может идентифицировать себя со своим идеалом, своими кумирами, с той социальной группой или слоем, к которым он стремится принадлежать. Каждый тур позволяет ему прожить новую жизнь, отличную от повседневного существования. У некоторых появляется даже погоня за коллекционированием этих жизней и образов. Человек начинает оценивать свою значимость именно этими показателями, а не самореализацией.

Информационные технологии предлагают еще более потребительскую модель туризма – виртуальную. Она позволяет побывать в других странах, познакомиться с жизнью и культурой других народов, пребывая в любимом кресле или на любимом диване. В такой же обстановке благодаря всемирной паутине можно осуществлять коммуникацию.

Более того, дискурсивные практики, пробуждая наши желания, позволяют формировать все новые и разнообразные варианты турпоездок. Посредством этого расширяются рамки и грани свободы человека.

Остается открытым вопрос: насколько реально полнее и содержательнее становится жизнь человека благодаря туризму? Для раскрытия, реализации самого себя туризм дает человеку больше, чем путешествия?

А. В. Севастеенко
Гуманитарный университет
г. Екатеринбург

ДИСКУРС КИНО КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Кино – чудесный экран, волшебное зеркало,
возникающее из пустоты и заставляющее нас грезить
(перефразируя Славоя Жижека)*

*Дискурс кино порождает неестественное восприятие,
вызывающее особого рода идентификацию
(перефразируя Жака Деррида)*

Дискурс является термином целого ряда гуманитарных наук и не имеет определения, которое охватывало бы все случаи его употребления. Поэтому, прежде чем рассуждать о дискурсе какого-либо конкретного явления, исследователю потребуется выделить наиболее удовлетворяющее его целям значение исходного понятия, которым он мог бы оперировать в рамках соответствующего научного направления.

Чтобы сделать *дискурс кино* объектом *философского исследования*, мы обратимся к нескольким, на наш взгляд, значимым контекстам исходного словоупотребления.

Во-первых, нас будут интересовать исследования, в которых сопоставляется и анализируется частотность употребления слов «дискурс» и «текст» в разного рода произведениях (научных, художественных и др.), а также делается вывод об их терминологическом значении²⁵⁷:

1. Дискурс (фр. discours, англ. discourse) переводится как «речь» (в том числе, «функциональный стиль речи»); обозначая процесс («языковую деятельность»); а также «способ говорить, рассуждать, обдумывать» – в отличие от текста, понимаемого как результат («выражение речи, рассуждения, обдумывания» и т.п.);

2. В ранних латинских контекстах основной сферой использования слова «discursus» (производного от «discurgo» – «бегать в разные стороны», «растекаться», «распадаться», «распространяться») были различные виды неупорядоченного движения, непрерывного мелькания, а также разрастания и разветвления; префикс «dis-», обозначаю-

²⁵⁷ См.: Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН / Отв. ред. В. Н. Топоров. – М. Языки славянских культур. – 2005. – С. 34–55.

ший разделение, разъединение, расчленение, придавал глаголу движения аспект разнонаправленности;

3. В поздней латыни быстрые движения тела стали ассоциироваться с мышлением человека, а дискурс («круговорот») – трактоваться в значении «размышлять», «рассказывать»; впервые выражение, в котором дискурс («разговор-размышление») приобрел статус философского понятия, обозначающего «челночную процедуру» движения мысли от известного к неизвестному, употребил Фома Аквинский;

4. Текст («textu» как производное от «texo» – «ткать, плести, строить, сплести»), напротив, только в переносном смысле означал «слог, стиль, связь, связное выражение»;

5. В классической латыни подчеркивалась связь «textus» с тканью и вообще с «внеречевыми» реалиями (то есть не только внеязыковым, но и внерациональным, поскольку речью управляют рациональные законы мышления);

6. В средневековой латыни к основным значениям терминов «дискурс» и «текст» прибавился религиозный контекст, в котором дискурс определялся как устная форма речи, используемая в светской сфере жизни, а текст – как письменная или устная форма выражения, связанная с сакральностью.

Во-вторых, нам потребуется обратиться к исследованиям, в которых различается употребление термина «дискурс» в рамках философской традиции и его интерпретация, а также дискурсивный анализ, характерные для лингвистики и других гуманитарных наук²⁵⁸.

В лингвистических исследованиях дискурсом чаще всего называется «выраженная в тексте речь», которую интерпретатор помещает в рамки уже полученной промежуточной или предварительной интерпретации.

В ходе интерпретации воссоздается – «реконструируется» – мысленный мир (universe of discourse), в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс, описывающий реальное или желаемое (пусть и не всегда достижимое), нереальное и т.п. положение дел (обусловленное выбранным контекстом).

В результате устраняется референтная неоднозначность, определяется коммуникативная цель каждого предложения, и шаг за шагом выясняется драматургия всего дискурса.

²⁵⁸ См.: Михалева О. Л. Дискурс как объект исследования // <http://ruslang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material13/>.

В конечном счете, мир дискурса, существование которого предполагают гуманитарные науки, включает характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий (в частности, поступков индивидов), а также домысливаемые интерпретатором (с его неповторимым жизненным опытом) детали и оценки различных ситуаций.

В философских исследованиях употребление термина «дискурс» в том значении, которое позволяет анализировать дискурс кино, восходит к идеям М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, С. Жижека, Дж. Батлер и др.

В частности, у Мишеля Фуко термин «дискурс» включает два компонента и предстает одновременно:

1. *Как процесс* – способ языковой деятельности, которая обязательно определяется тем, кому (или чему) она принадлежит;
2. *Как результат* – текст, в котором сосредоточены мыслительные конструкции (способ восприятия, правила оценивания, критерии действий, ощущений и т.п.).

Трактуемый таким образом дискурс (а также производный и часто заменяющий его термин «дискурсивные практики», под которыми понимаются «тенденции в использовании близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла»):

1. *Описывает способ говорения и интерпретирования*, задаваемый широким набором параметров: чисто языковыми отличительными чертами (в той мере, в какой они могут быть отчетливо идентифицированы), спецификой тематики, систем убеждений, способов рассуждения и т.д.;
2. *Является способом говорения и интерпретирования*, в результате которого не только определенным образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность.

Два указанных компонента дискурса позволяют объяснить создание дискурсивного способа видения мира и, одновременно, упорядочивают действительность.

Дискурсом кино (с учетом вышесказанного), называется полная (или, по крайней мере, претендующая на полноту) экзистенциально-техническая конструкция, включающая языковые и неязыковые компоненты.

Как следствие, дискурс кино способен собирать в себе разные контексты и трактоваться:

1. В качестве технической характеристики кинематографа (как «движение кадров», «смена перспективы», «монтажное произведение» и т.п.);

2. Как сущностный способ осмысления социокультурных событий, процессов, а также других реалий внутреннего и внешнего мира, выражаемый различными языковыми средствами (а в ряде случаев наделяемый сакральным статусом).

«Дискурс кино» при этом отличается от «дискурса о кино» (в зависимости от того, каким образом определяется свойство «дискурсивный»).

Дискурс кино подразумевает многообразие «дискурсивных практик», в которых кино становится предметом размышлений и обсуждения киноведов, искусствоведов, философов, культурологов, журналистов, критиков и т.д. в самых разных комбинациях свойственной им деятельности. Дискурс о кино выражает «дискурсивную практику» (специфичную для разных фильмов), описывающую то, каким образом абстрактный социальный и культурный агент «кино», проявляет себя в различных коммуникативных формах.

«Дискурс о кино» предполагает следующие значения «дискурсивного»:

1. Подход (например, коммуникативно-дискурсивный или дискурсивно-логический подход к анализу кинофильмов, дискурсивно-отрицательный, дискурсивно-мыслительный способ рассмотрения кинотекстов и т.п.);

2. Философия, критика, метод исследования, трактовка, характеристика (в частности, дискурс о кино может быть научно-исследовательским, научно-популярным, публицистическим, критическим или философским, культурологическим, искусствоведческим, киноведческим и т.д.);

3. Мышление и аргументация, логика доказательства; познание и знание; размышление (в том числе, язык как средство такого размышления);

4. Деятельность исследователя (дискурсивная критика, дискурсивная интерпретация);

5. Речь (или форма речи, в том числе, киноречь), текст (или ситуация, в том числе, кинотекст);

6. Свойства социокультурного контекста (например, национальный, региональный, исторический, этнический и т.п.);

7. Тип интерпретации (гендерная, сексуальная или др.).

Дискурсивность, кроме того, означает еще и развернутость во времени (в так называемом «режиме реального времени»), которая пространственно (текстуально, в том числе, топологически) закреплена (например, в форме выступлений по телевидению, интервью, журнальных статей и др. публикаций и т.п.).

«Дискурс кино» обладает следующими дискурсивными характеристиками:

1. Он имеет начало, но не всегда конец (киноречь имеет смысл, когда она незакончена, то есть оставляет пространство для рассуждений и домысливания; кинотекст, напротив, может быть интерпретирован только в своем завершенном варианте);

2. Он всегда к кому-то обращен (дискурс кино нуждается в аудитории);

3. Он обладает содержанием, «материей» («материя» дискурса определяет кинематографические средства выражения);

4. Связность дискурса прерывается (разные «слои» или «серии» дискурса кино связаны с повествованием и целым рядом авторских и иных высказываний);

5. На него отвечают (киноречь всегда предполагает восприятие и ответную реакцию участников кинопроцесса (режиссера, сценариста, актеров, гримеров, операторов и т.д., то есть всей съемочной группы; в том числе, кинозрителей).

Дискурс кино, таким образом, полагает различие «между [киноречью, то есть] жизнью [зрительской аудитории] (открытым и, в сущности, бессмысленным процессом) и [кино] текстом (закрытой структурой, порождающей смысл)»²⁵⁹.

Кинодискурс проявляется в рамках различных традиций, принимая соответствующие формы, которые, в свою очередь, определяются и анализируются исследователями.

В ряде случаев дискурсивная форма придается кино самим фактом определения. Например, можно выделить несколько видов кинодискурса, соотнеся характерные для них формы проявления с конкретными режиссерами и кинофильмами:

○ *экзистенциальный* (Микеланджело Антониони «Ночь», «Приключение», «Затмение», «Хроника одной любви»; Вим Вендерс «Небо

²⁵⁹ Ямпольский М. Исчезновение реальности // Киносаянс. № 23/24 // <http://seance.ru/n/23-24/perekrestok-vremya-proekta/ischeznovenie-realnosti/> Стр. 3 из 6.

над Берлином», «Так далеко, так близко», «Ложное движение», «Алиса в городах» и др.).

○ *феноменологический* (Питер Гринуэй «Интервалы», «Окна», «26 ванных комнат»; «Падения»; Ян Шванкмайер «Игра с камнями», «Алиса»);

○ *психоаналитический* (в частности, *инфантильный, нарциссический* и т.д.); (Альфред Хичкок «Завороженный», «Дело Парадайна», «Психо», «Марни», «Безумие», «Ребекка»; Ян Шванкмайер «Конспираторы наслаждений», «Полено» и мн. другие);

○ *фантазмагорический* (Дэвид Линч «Малхолланд драйв», «Шоссе в никуда», «Внутреннее пространство» и др.; Ким Ки-Дук «Реальный вымысел», «Остров»);

○ *структуралистский или постструктуралистский* (Дерек Джармен «Сад», «Эдуардо II», «Падение дома Ашероу»);

○ *модернистский или постмодернистский* (Ларс фон Триер «Элемент преступления»; Кристофер Бое «Реконструкция» и др.);

○ *шизофренический* (равно, как и *параноидальный, обсессивный, невротический* и т.п.); (Микеланджело Антониони «Красная пустыня»; Дэвид Кроненберг «Видеодром», «Экзистенция»; Ларс фон Триер «Эпидемия»);

○ *мифологический* (Томас Виттенберг «Дорогая Венди», «Все о любви»; а также в целом – *мировоззренческий* (Ян Шванкмайер «Урок Фауста»; Питер Гринуэй «Интимный дневник»; Гас Ван Сент «Мой личный штат Айдахо», «Умница Уилл Хантинг», «Джерри»);

○ *порнографический* (Тинто Brass «Черный ангел», «Нарушая запреты», «Ключ» и др.);

○ *асоциальный* (и, в частности, *нигилистический*); (Микеланджело Антониони «Забриский Пойнт»; Эндрю Никкола «Гаттака», Агнешка Холланд «Полное затмение»; Брайан Гилберт «Уайльд»; Нил Джордан «Интервью с вампиром»; Мишель Соави «Влюбленный Смерть» и др.);

○ *моралистический* (Ларс фон Триер «Догвилль», «Мандерлэй»; Нил Джордан «В компании волков»; Такеси Китано «Куклы»);

○ *реалистический* (Ларс фон Триер «Идиоты»; режиссерские работы проекта «Догма -95») и т.д. и т.п.;

○ *онейрический* (Александр Аменабар «Открой глаза», «Море внутри», «Другие»; Кэмерон Кроу «Ванильное небо»; Божидар Николитч «Обратная сторона солнца»; Вонг Кар-Вай «2046», «Чунгкингский

экспресс»; Франсуа Озон «Капли дождя на раскаленных скалах», «Время прощания», «Бассейн», «Под песком» и мн. др.).

Тем не менее, какую бы форму ни принимал или каким бы образом ни трактовался кинодискурс, качество «дискурсивности» закрепляет за ним ряд характерных черт, каждая из которых может стать предметом философского исследования.

Дискурс кино характеризуют:

1. *Виртуальность* содержания;
2. *Перформативность* воздействия;
3. *Неестественность* (в значении отличного от «естественного», в ряде случаев, имеющего значение сакрального) восприятия;
4. *Доверие* (определенный род веры, вызываемой кинематографом) к представлению (конструированию, реконструкции и т.п.) явлений, событий, процессов действительного и вымышленного мира;
5. Принятие в качестве образа (прототипа, образца) понимания, поведения, чувствования;
6. Порождение особого рода *кинематографического переживания* (чувственности или, точнее, чувствительности);
7. *Кинематографическая идентификация* (образование разных уровней и видов киноидентичности).

Данные характерные черты кинодискурса могут быть пояснены следующими положениями:

Виртуальность: определяет пространственно-временную структуру кинематографа «размывание» границ реальности (затушевывание границ между «объективной реальностью» и ее «кажимостью»); проектирование и продуцирование кинематографических восприятий и т.п. Виртуальность кинематографа предполагает «выбор между реальностью [естественного восприятия, считающейся «истинной»] и реальностью воображения [концентрирующей в себе надежды и ожидания, возможно несбыточные]. ...Одна и другая взаимно представляют искаженными, анаморфированными. С точки зрения реальности, реальное – всего лишь бесформенное пятно, а воображаемое реальное размывает контуры «реальности»²⁶⁰;

Перформативность предопределяет оригинал и зачастую подлинник переживаний, которые должны быть испытаны кинозрителем (например, речь, манера поведения и даже чувства киногероев, явля-

²⁶⁰ Жижек С. Невыносимая легкость бытия // http://lacan.narod.ru/ind_lak/ziz12.htm Стр. 1 из 8.

ются прототипами поведения, речи и чувств, которые воспроизводятся реальными людьми в их повседневной жизни). «Не секрет – говорил Жак Деррида, – что очень часто чувственная и эротическая культура прививается нам именно кинематографом. Что такое поцелуй, мы сначала узнаем с экрана, и потом только – в жизни»²⁶¹;

Неестественность допускает безграничную свободу переживаний (не ограниченных никакими запретами). «Зритель перед экраном – это невидимый вуайер, ему позволены любые фантазии, он может идентифицировать себя с кем и чем угодно, и все это без малейших усилий и, не испрашивая ни у кого разрешения»²⁶² [6].

Виртуальная реальность (ВР):

1. Носит симуляционный характер; специфика статуса ВР определяется различием между *имитацией* и *симуляцией*: ВР не имитирует реальность, но симулирует ее с помощью сходства. Другими словами, имитация имитирует реальную вещь (модель, состояние и т.п.), которая уже существует, а симуляция порождает сходство несуществующей реальности – симулирует нечто, что не существует (здесь вполне уместно сослаться на понятие «симулякр», описанное в работах Жана Бодрийяра)²⁶³.

В противоположность имитации (которая поддерживает веру человека в то, что существует некая «натуральная», то есть «настоящая» – материальная, органическая и т.п. реальность), симуляция в обратном порядке «денатунализует» саму реальность, обнаруживая механизм, ответственный за ее порождение. Симуляция, таким образом, предполагает, что нет существенного различия между природой и ее искусственной репродукцией;

2. Обуславливает особый вид идеальной коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины (повседневности и т.п.);

3. Трансформирует реальность, «превращает в себя любые объекты», что наилучшим образом иллюстрируется театральными подмостками (если смотреть на них со зрительского места, то перед нами – фантазмическое пространство, но если зайти за кулисы, станешь сви-

²⁶¹ Деррида Ж. Кино и его призраки. Интервью // <http://seance.ru/n/21-22/retro-avangard-zhak-derrida/kino-i-sgo-prizraki/> Стр. 3–4 из 20.

²⁶² Там же.

²⁶³ См.: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть.– М.: Добросвет, 2000.

детелем убогости механизма, обеспечивающего сценические иллюзии, фантазмическое пространство исчезает, «не на что смотреть»).

Славой Жижек проводит аналогию между действием кинематографа и эффектами восприятия, вызванным пещерой из «Государства» Платона: «Статус так называемой материальной (или физической) «реальности (солнце над пещерой) по отношению к реальности пещеры – анаморфическая фантазия, воображение того, что не может быть воспринимаемо непосредственно, но лишь через свое искаженное отражение на стене пещеры, служащей своеобразным экраном. Таким образом, линия раздела пролегает внутри самой пещеры, между материальной реальностью, которую обитатель пещеры видит вокруг себя, и ускользящей «анафорической» видимостью «сверхчувственного», бесплотного явления на стене – то есть, как говорил Лакан (и задолго до него Гегель), сверхчувственное – это явление кажимости»²⁶⁴.

Жиль Делез задолго до того, как понятие виртуальной реальности вошло в философский обиход, писал о статусе виртуальности в связи с тайной явления. «Начиная с рисунков пещеры Ласко и кончая ВР, мы сталкиваемся с загадкой: каким образом удастся нам отрешиться от реальности и дать себя вовлечь в виртуальное пространство фантазмического экрана? Каким образом «бесплотное» явление рождается от смещения тел или телесных причин?»²⁶⁵.

Тезис Делеза о том, что ощущение-явление не может быть редуцировано к сумме телесных причин, также позволяет адекватно использовать проект археологии Фуко при исследовании кинодискурса. Дело в том, что дискурсивные закономерности киновосприятия не предполагают редукцию киноявления к сумме его причин (сколь бы последовательными и убедительными они ни были), но представляют собой правила возникновения и исчезновения киноявлений.

Другими словами, дискурс кино предполагает неестественное восприятие, фиксирующее явления, статус которых радикально отличен от законов, регулирующих причинно-следственную связь событий в реальном мире и обуславливающих их естественное восприятие.

Киновосприятие:

1. Определяет средства киноязыка, кинообраза и киноповествования (содержание кинотекста, замысел режиссера, игру киноактеров и т.п.);

²⁶⁴ Жижек С. Невыносимая легкость бытия // http://lacan.narod.ru/ind_lak/ziz12.htm Стр. 1.

²⁶⁵ Там же, с. 3.

2. Вызывает стремление к осмыслению, фокусирует внимание и т.д.;

3. Формирует сакральный характер мироотношения. «Кино – говорил Жак Деррида – дало нам единственную в своем роде разновидность веры – беспрецедентный способ переживания, изобретенный человечеством»²⁶⁶;

4. Оказывает влияние на самоанализ и самоидентификацию.

Вальтер Беньямин сопоставил кинематографическое восприятие с психоаналитическим.

Жак Деррида продолжил ассоциацию, подчеркнув, что психоаналитические интерпретации наиболее характерны для кино, поскольку психоанализ и кинематография являются ровесниками. «У кинематографического восприятия нет эквивалентов, но лишь оно одно может дать нам опыт практического психоанализа. Гипноз, влечение, идентификация – все эти термины и процессы являются общими для кино и психоанализа. ... В кино и ходят-то для того, чтобы дать облик и слово обитающим в себе призракам»²⁶⁷. Киноречь, облакающую кинообразы в форму высказывания, отличает качество перформативности.

Киноперформатив (от англ. perform – исполнять, выполнять, делать, осуществлять – «высказывание, произнесение которого является осуществлением действия»):

1. Основан на деятельности всех участников кинопроцесса (режиссера, сценариста, актерского состава, съемочной группы, кинозрителей);

2. Формирует особого рода неестественное восприятие, обуславливающее мироощущение, существование и т.п. каждого, кто вовлекается в кинопроцесс;

3. Порождает кинематографическое переживание, нацеленное на идентификацию (осуществляемую путем различных способов повторения), делающее возможным взаимодействие между киноязыком и действительностью.

Кинематографическое переживание (особого рода переживание, порождаемое экраном (принципом проекции изображения на экран), оставляющее живой и действенный отпечаток в сознании):

---

²⁶⁶ Деррида Ж. Кино и его призраки. Интервью // <http://seance.ru/n/21-22/retro-avangard-zhak-derrida/kino-i-ego-prizraki/> Стр. 6 из 20.

²⁶⁷ Там же, с. 5.

1. Провоцируется кинематографической иллюзией как опытом, который присваивается в ходе восприятия киноречи («призрачный» характер кинематографа подчеркивал Деррида);

2. Имеет виртуальный характер (по выражению Жижека);

3. Основано на симуляции (образование симулякров описано Бодрийаром);

4. Качественно трансгрессивно (согласно идее Фуко).

«Кинематографический опыт – говорил Деррида, – действительно всецело пронизан призрачностью. Я связываю ее не только с многочисленными психоаналитическими трактовками, но и с природой следа как таковой. Призрак – то, что не является окончательно ни живым, ни мертвым – является центральной темой некоторых моих работ, и я могу рассматривать феномен кино именно с этой точки зрения. Конечно, фантомы и привидения могут и сами по себе послужить темой для фильмов, как это и происходит в хоррорах, фэнтези или, скажем, у Хичкока. Но я говорю не об этом – я говорю о том, что структура кинообраза как такового насквозь призрачна»²⁶⁸.

«Призрачность» кинематографа позволяет преодолеть взаимное исключение классических оппозиций. Через повторение (характерное для перформатива), которое становится возможным в виду действия неестественного восприятия, кинематографическое переживание участвует в формировании киноидентичности.

Киноидентичность – форма *идеальной идентификации*, реализующаяся в рамках кинодискурса:

1. Существует в качестве исключительно виртуального образования;

2. Проявляется через индивидуальное кинопереживание;

3. Понимается как следствие перформатива киноречи, встроенной в кинопроцесс;

4. Формируется (на разных ее уровнях) средствами дискурсивных технологий кинотекста;

5. Имеет дуальную основу, подразумевая избыточность и в то же время достаточность киновосприятия.

Делез, концепция сериации которого может быть взята за основу анализа киноидентичности, определял взаимный переход идеальных идентичностей в перформативе любого рода высказывания как про-

²⁶⁸ Деррида Ж. Кино и его призраки. Интервью // <http://seance.ru/n/21-22/retro-avangard-zhak-derrida/kino-i-ego-prizraki/> Стр. 5 из 20.

цесс схождения и расхождения серий (чередование положений: «место без пассажира» и «пассажира без места»).

Л.А. Мясникова
Гуманитарный университет
г.Екатеринбург

ДИСКУРС: СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ И РЕАЛИИ ЖИЗНИ

Понятие дискурса является одним из наиболее сложных и многозначных. Трудности дискурсивного анализа многих конкретных социокультурных проблем напрямую связаны с непроясненностью термина «дискурс» и неясностью методологической сути дискурсивного анализа. У разных философов (Фуко, Барт, Бодрийяр, Бенхабиб, Лакан и др.) понятие «дискурс» имеет разные смысловые оттенки.

Прежде всего дискурс (*discours*) связывают с речью, с языком, с высказыванием, с текстом. В этом плане интересен анализ работ Ж. Бодрийяра. В его «Системе вещей» дискурс связывается с функциональной системой, со смысловыми структурами среды и субъективным дискурсом, с «дискурсом вещей» и с «дискурсом о вещах». Там четко выделено понятие симулякров – ложных подобий, знаков-образов, замещающих «натуральное», выдающих себя за натуральное, место «вещей» занимают клубки их коннотаций. Автор подчеркивает, что коннотативный смысл не подрывает денотативных структур языка, но в вещи коннотация ощутимо изменяет и искажает ее технические структуры (ибо обусловлена социальными факторами). Как представляется, попытка обнаружить «денатуральность», культурализацию вещей, еще не до конца выводит дискурс за рамки семиотики и структурализма.

Вещь живет в культуре, она – смысловой клубок, в зависимости от общества, идеологии, политики могут появляться новые и новые смысловые оттенки, не отменяющие прежние, а «подправляющие», «нюансирующие» их. Но в результате возникают разногласия (разногласица кодов, смыслов) и смысл начинает функционировать как знак вещи, ее симулякр. Если гуманитарная наука может быть лишь наукой о смыслах и их нарушениях (Ж. Бодрийяр), то дискурсивный анализ предполагает выявление коннотаций, социокультурных идеологем, мифологем, программ, драматургических сюжетов, но и предполагает множественность интерпретаций. «Наш способ общения с миром в целом сближается с чтением, с селективной расшифровкой», – под-

черкивает Бодрийяр в «Символическом обмене и смерти»²⁶⁹.¹ Культура понимается с точки зрения «семиократии», ничем не ограниченной дискурсивности. Но, в результате избыточного роста знаково-смысловых наростов, «осадочных языковых отходов», отслуживших пустых слов ситуация в культуре меняется: культура утрачивает свой символический смысл, свой «тысячелетний антропоморфный статус и имеет тенденцию исчерпаться в дискурсе коннотаций»²⁷⁰. То есть происходит симуляция иного уровня: не только природная вещь денатурализируется (культурализуется), но культурная вещь становится симулякром. Высказывания типа «Персил стирает чище», «Персил – лучший», «Персил всегда Персил» – это уже не высказывания о Персиле, а «дискурс Персила».

С этой точки зрения дискурс не тождественен языку, тексту, даже наррации. Он уже установил границы, направил интерпретацию в какое-либо стереотипное русло монологического дискурса. Смысловое разнообразие и полнота исчезают. Знак заместил смысл, остался симулякр симулякра, где отсутствуют ценности, символические отношения внутреннего характера, остается лишь внешнее. Монологический дискурс извне задает целостность, изнутри ее нет. Это перекликается с идеями С. Бенхабиб, отмечающей, что целостность культуры задается извне дискурсами ее исследователя, внутри же целостности может не быть.

Дискурс социально организует целостность культуры через «организацию посланий», через сообщения, включенные в единые блоки рекламных объявлений, социальных проблем, новостей, репортажей, клипов и т.д. Все превращается в шоу, в предмет потребления, лишается культурных смыслов, при видимости «культурации», превращается из культурных событий в «иллюзию событий». Реальность культуры целиком уходит в монологический дискурс социальных коннотативных кодов.

Но именно на этом уровне дискурсивный анализ дает исследователю большие возможности. Ибо позволяет «улавливать в написанном симптомы умалчиваемого» (по выражению Ф. Ницше, которого цитирует Бодрийяр).

²⁶⁹ Ж. Бодрийяр. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 136.

²⁷⁰ Ж. Бодрийяр. Общество потребления. – М.: Республика, Культурная революция, 2006. – С. 150.

Итак, культура – это сеть нарративов, обмен знаками, производство знаков, дрейф знаков. Но далеко не все аспекты «дискурса» в кратком обзоре исчерпаны.

Если применить очерченный анализ в качестве методологической базы к решению конкретных проблем, то перед исследователем открываются многие неявные смысловые аспекты. В частности, если обратиться к проблеме со-бытия культур, то возникает вопрос: что происходит с этнокультурами, долгое время существующими на одной территории?

Культура защищена от внешнего воздействия только ей присущим кодом. Если человек выходит за рамки своей культуры, он становится парией и изгоем. А если территория общая? Если разные этнокультуры сосуществуют «вместе» долгое время? Насколько они взаимопроникают/сепарируются/обогащаются/объединяются? Прежде всего, как живет культура нетитульного этноса в едином общем пространстве? Является ли это пространство общекультурным? Вроде бы взаимопроникновение неизбежно, и символы одной культуры становятся символами другой (например, «приметы» цыганской культуры в русской: романс, залихватская пляска, жажда воли и простора). Но так ли это?

Дискурсивный анализ показывает, что мы – русские – не знаем реальных цыган. Их дискурса в культуре фактически нет. В культуре цыгане представлены через русских, через восприятие русскими (А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, А.М. Горький, советские кинематографисты). Даже театр «Ромен» – знак, симулякр, продукт «культурации», результат внешнего монологического дискурса. Если в «антропогенной» смысловой глубине русской культуры цыгане представлены как народ таинственный, порой опасный из-за своей непонятности, но привлекательный, то в реалиях современной повседневной культуры преобладают негативные стереотипы (воры, мошенники, нищие, наркоторговцы, потенциальные преступники). Тем не менее, никто реальных проблем народа не изучает, никто реально дискурса нетитульных народов не слышит. Многие нарушения российского законодательства (отказ от среднего образования, очень ранние браки, статус женщины в семье и т.д.) списываются на обычай. Закон применяется в случае опасности со стороны цыган для русских.

Дискурс предполагает не монолог, а дискуссию, диалог, обсуждение (оборачивание), стремление договориться. С точки зрения С. Бенхабиб, практические дискурсы – процесс переоценки смыслов, раз-

личных обычаев и норм. Толерантность должна обеспечить равное право культур на участие в обсуждении, возможность высказаться и быть услышанными. Может быть, тогда татары, евреи, чукчи будут в паспорте, дома, на работе называть себя своими именами, и не заменять их русскими именами-симулякрами, а титульный народ не оправдывать своего нежелания знать и видеть, решать проблемы других «малых народов», ссылками на их «обычай». Реалии жизни заставляют понимать дискурс не только как дрейф знаков, но и как право на свой голос, на участие в общем дискурсе, ибо «быть и стать самим собой» сегодня значит «включить себя в сети обсуждения».

Серия «Дискурсология». Выпуск 7

**ДИСКУРСОЛОГИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

Вторая Международная научно-практическая
конференция, посвященная памяти

Жана Бодрийяра

Доклады

Том 3

Под общей редакцией В.Е. Хвоцева

Дизайн обложки В.В. Русаков

Техн. редактор А.В. Миних

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 29.12.2007. Формат 60x84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 15,68. Тираж 500 экз. Заказ 529. Цена С.
Отпечатано в типографии ЮВИГ 454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, оф. 458а.
